

Михаил Леккор
ПОПАДАНЕЦ
XIX ВЕКА - III

Annotation

Он уже святой, о чем не мечтал в самом крутом сне, а еще министр и генерал-адъютант. Но ведь и проблем куда больше. справится ли? А еще семья...

**Генерал-адъютант его величества — Михаил
Леккор**

Банальные причины этого разговора постепенно накапливались и, в конце концов, ближе к вечеру, он стал уже обязательным и чрезвычайно-важным. Император Николай, цесаревич Александр, великая княгиня Татьяна, даже жена Настя — все настораживались, пугались и требовали честности. При чем если объект был один — святой Андрей Георгиевич Макурин — то причины разные:

— Если исходить из субординации, то первым надо коснуться императора. Николай. После событий сегодняшнего дня заметно успокоился, его неожиданный соперник явно не жаждал августейших полномочий и монарх, кажется, понимал — зачем ему тяготы кратковременной земной власти, когда впереди долгая и такая приятная на небе. И все-таки святой как-то таился и замыкался в себе;

— С его женой Александрой Федоровной все было проще. Она тревожилась и в то же время безусловно доверяла мужу, как императору, а поскольку был встревожен, то и жена понятно тоже;

— Дочь Николая I Татьяна чувствовала себя, как совсем молодая женщина, даже еще девушка. С одной стороны, она радовалась, что тревожное время уже кончилось, и можно было предаваться легкой и беззаботной жизни великой княгини. С другой стороны, ее откровенно беспокоил и даже злил отказ святого, как мужчины. Неужели она, как девушка, как молодая женщина ничего не значит, и ее чарующая сила равна нулю?;

— Цесаревич Александр, как человек наиболее далекий от событий, в общем-то оказался самым слабо тревожащимся. И только его положение наследника заставляло его активизироваться и хотя бы беспокойно ходить вокруг святого;

— И, наконец, женушка Настя. Ей, по сути, почти не беспокоила власть как таковая, хот положение мужа при дворе тревожило. Но еще больше ее волновало здоровье Андрея и расстановка сил в семье. Ибо положение в высшем свете и на службе тоже, конечно, важно, но без физических сил он никак. Настя очень была встревожена «сном» мужа, которая, с ее точки зрения, больше напоминала долгий и тяжелый обморок. Что может быть дальше — тяжелая болезнь или даже... смерть? Ой!

Сам Андрей Георгиевич в самом начале этого разговора ничуть не тревожился. Он (его душа) были на Небе, его немного поругали, но в целом порадовали. И не другой человек, пусть и более высокий в карьерной лестнице, а сам Бог — Всемогущий и Всесильный. Куда уж более?

Но постепенно проникся тревогами окружающих, если так можно выразиться, и решил поговорить в открытую. Как бы посоветовался с императором, потому как в любом случае его было нельзя пугать неожиданными действиями. Николай не только одобрил, но и предложил помочь в скором сборе членов своей августейшей семьи. Ему же тоже было весьма интересно.

А жену Настю он пригласил сам. И когда она стала надоедать, успокоил «по-семейному» — крепким поцелуем.

Чтобы никого не беспокоить чрезвычайным сбором, Николай предложил попить чаю. Так было не раз — в перерыве между обедом и вечерним чаем, Николай или, реже, кто-то из членов семьи, проголодавшись, предлагали попить чаю для желающих. Практика, естественно, была удивительной и даже постыдной — в своем доме, среди родимых

поданных, собираться тайком. Для всех, но не для попаданца. Он еще знал по книгам и фильмам, когда те же поданные арестуют императора и его семью и перестреляют. Они пока еще, к счастью, даже не родились, но ведь это будет!

Так что и для слуг, и для придворных это был небольшой перекус императорской семьи и для некоторых личных друзей императора и его семьи. На этот раз из последних была только одна чета Макуриных.

Они позволили слугам накрыть стол, положив посуду, кипящий самовар, различные закуски и закрыли дверь. Так тоже бывало, и слуги не удивлялись и не обижались. Император и члены его семьи тоже люди и они тоже имели право на некоторые мелкие личные тайны.

Налили всем чаю и Андрей Георгиевич в перекрестье окружающих — жены и, прежде всего, взрослых Романовых, ибо дети хотя и знали, что сейчас будет тайный разговор, но видели все, как интересную игру.

— Господа и дамы! — негромко объявил он собравшимся, — все вы так или иначе встревожены последними событиями и требуете их объяснить. Что же я готов, хотя поначалу и хотел все замять потихонечку и жить, как раньше. Но Господу этого не понравилось и вот я здесь перед вами.

Он посмотрел на окружающих. Все, даже многоопытный Николай I, смотрели на него доверчиво и без циничного сарказма, мол, что он нам сейчас соврет, окаянный и самоуверенный?

Андрей Георгиевич неприкрыто вздохнул, показывая, как тяжело ему поделится этой тайной, принадлежащей не только ему. Попросил:

— Расскажу вам все до последнего момента, но Бога ради, постарайтесь держать это в себе для собственного же покоя.

Зрители послушно покивали головами, даже Николай I, который в этом земном мире был никому и ничему не должен. Макурин не был таким наивным простачком и понимал, что, скорее всего, они проболтаются уже сегодня, особенно женщины. Он даже знал кто будет первым кандидатом — дражайшая Анастасия Макурина, в девичестве ТатиАндрей Георгиевичцева. Знал, но должен был сказать, иначе тот же Всевышний не поймет его.

Помолчал немного, давая понять и сказать это в слух. А потом продолжил:

— Все вы уже знаете о появлении мой души на Небе и на своего рода аудиенцию у Господа. А сегодня моя душа попала на Небо еще раз.

Новость была шокирующей и оглушающей, как металлическим листом по голове. Все не только перестали говорить друг с другом, комментируя слова оратора, но и перестали пить чай. Стояла звенящая тишина. Не каждый день услышишь и увидишь человека, который вот так просто окажется у Бога! Макурин не раз слышал этот термин, но почувствовал его первый раз. Волнительно, однако.

Он пояснил:

— После событий в церкви, ну об этом я уже не буду повторяться, все и так там были были, и некоторого обеда с его императорским величеством, по сути, небольшого перекуса. Я вдруг почувствовал настоящее желание немного поспать в нашей семейной спальни. При чем тяга это была столь сильной, что последние шаги я буквально уже бежал. И только голова моя коснулась подушкой, как я почувствовал во Дворце Бога. Это был тот самый сон, который был явью.

Попаданец не стал пересказывать свои там ощущения. Ведь это были чувства человека

XXI века, совсем не такие, чем восприятия жителей XIX века. И сразу перешел к разговору с Всевышним, а точнее, к той части, когда он касался императора:

— Ваше императорское величество, мой божественный собеседник посчитал вашу деятельность на императорском престоле довольно хорошей. В связи с чем и мой отказ от места императора правильным. Теперь, когда недовольные вами будут пенять мне на это, я буду прямо говорить, что на это была Божья Воля.

— Хм! — хмыкнул довольный Николай I, и прямо как командир роты на плацу поинтересовался: — а были ли какие пожелания у Всевышнего?

Вот ведь да! Бог должен снизойти до земных забот? Как Николай воспитывался обычным гвардейским генералом, так и остался им уже во взрослом состоянии. Как это ему бы сказать помягче? Ага, вот так:

— Ваше императорское величество! Всемогущий наш Господь на мою примерно такую же просьбу жестко ответил, что он создал человека по своему подобию и дал ему свою Волю. И потому не желает ограничивать даже в форме советов и просьб.

— Ага, — даже огорчился император. Человек, видимо слаб, независимо от его положения и характера. Все ему хочется быть всего лишь исполнителем и никогда не нести груз ответственности.

— Ну все равно, — успокоился Николай, — меня упомянул Господь, честь-то какая великая получена!

— А скажите, святой человек, — осторожно спросила императрица Александра Федоровна, — а про других он не сказал?

— Конкретно нет, — отрицательно ответил Макурин, — а сам я спрашивать не решился, вы уж извините. Но Всевышний мне сказал, что у людей в моем окружении все будет хорошо, и они станут жить долго и счастливо. Да, кстати, — как бы «вспомнил» Макурин, — Бог также сказал, что я буду жить в семье недурственно и мне не надо покидать мою жену, поскольку это не по-христиански.

Говоря это, он так откровенно смотрел навеликую княгиню, что Татьяне только потупила глазки. Сказал это Бог или нет, но раз святой прилюдно сказал нет, то нет. Ведь и папа и мама выступили против. Мало ли мужчин около нее?

А Андрей Георгиевич пусть и немного даже не соврал, а слукавил, но только чуть-чуть. Точнее, он лишь по-другому объяснил его слова. Это ведь не так наказуемо, не правда ли? Вот тысячи умных людей по-разному объясняют слова и действия ЕГО, Библия называется и ничего. Ведь он только для добра.

И хотя он понимал, не глупенький ведь еще, что все происки печистого, ведь уже осознанно наврал, но теперь что делать.

Но вслух никто ему не возразил. Да и как это быть может. Спорить с человеком, чья душа дважды была уже на Небе и говорила с самим Господом.

Николай I, словно в такт это мысли, дружески спросил:

— Не знаешь, в этой жизни на Небе ты еще окажешься?

— Не знаю, государь, — вздохнул Макурин, — и Господь Бог не знает.

— То есть, как это? — удивился император, — разве не его это рук божественных?

Он перекрестился на всякий случай, чтобы уж совсем не стали богохульными его мысли.

— Господь наш Всемогуц и Всевластен, — строго возразил ему Макурин, тоже крестясь, — дело все в расстоянии и в объеме информации. Впрочем, то дело Божье и не

нам о них судить.

Такая мысль отрезвила всех сидящих, особенно Николая I, который сам был сторонником жесткой иерархичности, считая, что крестьянин должен делать одно, а его господин другое.

— Есть еще у вас вопросы? — спросил он с подтекстом, что хватит уже разговаривать и надоедать такому уважаемому человеку, как святой.

Окружающие поняли его правильно, да и никто не осмелился впрямую спросить святого человека. Даже жена. У нее, конечно, был вопрос и даже не один, но она решила спросить его позже, в приватной обстановке, например, в постели. Настя уже поняла, что там он гораздо мягче. Да и будь он хоть со раз святой, все равно остается мужчиной, а, значит, подпадает под женские чары, в первую очередь своей жены. Это ведь оказывается под православными канонами? Сейчас они окажутся в их покоях, затем в постели. Там, конечно, у них будет интим, он мужчина молодой, здоровый, а она красивая и мягкая. И потом будет разговор. Он же не откажется родной жене?

Однако, когда они уже выходили из столовой, ее замыслы были грубо прерваны самим императором. Николай I, хотя мягко и извиняюще, но строго попросил ее мужа:

— Андрей Георгиевич, если ты еще не очень занят, то зайди со мной в мой кабинет, разговор есть, пусть не срочный, но очень важный. И не очень долгий.

Ха, и как откажешься на такую просьбу? Андрей Георгиевич еще в бытность в ХХI веке усвоил, что, когда начальник просит, то он приказывает вдвойне. А когда российский император, этот самодержавный монарх сознательно говорит мягко? Не пригрозит шпицрутенами, а очень вежливо пригласит к себе? Конечно, прибежишь к государю с извинениями.

Так что уж извини матушка Настюшка, хоть ты и призывно сверкаешь глазками, обещая обширный спектр плотских удовольствий, но любимая работа во главе с грозным начальником во главе в первую очередь.

Андрей Георгиевич тепло попросился с надутой после такого итога вечера женой, обещал, что скоро вернется, смачно поцеловал ее в румяную щечку. И поспешил в кабинет к императору. Желанная Настя, разумеется, его поймет и обязательно простит. Или она не жительница XIX века?

Николай I, пока ждал своего такого важного поданного, тоже не бил условные баклуши. Перебирал разные официальные бумаги да и вчитался в одну.

— Посмотрел тут по Положению про студентов, — пояснил император. Макурин было начал опасаться, что его втянут ненужное обсуждения совсем неизвестного для него вопроса о студентах, которые он не знал ни в XIX, ни в ХХI веке. Однако Николай уже убрал документ в сторону, уведя вопрос совсем в другом направлении, хотя в той же плоскости, пояснив: — нам надо обязательно и по возможности срочно создать такое же Положение по святым — цели, обязанности, круг деятельности, обязательные награды, ведь должность будет весьма почетна. А вдруг появятся еще святые, а государство не готово работать с ним.

Попаданец вначале откровенно обалдел от такого подхода. Слишком уж разные были подходы. Бог, святые, церковь, молитвы. Ведь совсем духовная сфера. С другой стороны, государство, казенные нужды и возможности. Но потом подумал, а почему бы и нет? Светскими же орденами награждают священников, как простых чиновников и ничего. И ведь святые, как прослойка населения, может вполне появиться. Где один святой, там может и й, а государство действительно пока совсем не готово. Сам император еще вчера смотрел

на него, как на хм...

Покорно согласился:

— Да, ваше императорское величество, такой документ вполне нужен, особенно для чиновников и православной церкви.

— Вот-с! — Николай удовлетворился пока покорностью святого, убрал с бумаги на край стола, — а ты, между прочем, окажешься на острие конфликта, лукаво посмотрел на него, улыбнулся, пояснил: однако, сегодня немного о другом. А именно о твоём не только церковном, но и светском статусе. О нём неоднократно говорили, но как-то без огонька и я, и ты. Больше уточняли о моём положении императора, о чём я тебя искренне благодарю. Но все, обо мне, кажется, уложили. Теперь о тебе. Что ты от государства, и от меня хочешь?

Макурин к такой грубой форме пожелания был ещё не готов. Быстро глянул — как смотрит сам император? Кажется, без недовольства, наоборот, государь добр и приветлив, смотрит на Андрея Георгиевича вполне ласково.

Однако нет, он так не может. Нет, он-то хотел бы много, честно говоря, но как посмотрит на это сам Николай? И потом, как соотносится это с положением благочестивого святого? Не слишком ли он собирается брать земного?

Перекрестился мелко, благодаря Господа, сказал своему земному господину:

— Слава Богу, ваше императорское величество, у меня все есть, сыт, обут, одет. Чин и должность вполне высокие.

Император его понял, медленно произнес, взвешивая:

— Я посчитал, что ты сам можешь решить, какое место занять и в российском государстве и обществе. Но если тебе самому трудно, то я помогу.

Николай оценивающе посмотрел на него и Андрей Георгиевич вдруг понял, что тот не играет с ним, он действительно не знает, как ему отблагодарить за полученную недавно услугу. И уже более свободно добавил:

— Ваше императорское величество, святость моя не позволяет мне самому требовать земную благодать. Сами решите, а я приму любую награду со смирением.

Так сказал и опять бросил быстрый взгляд на сюзерена. Тот не сказать, что был доволен, но и не раздосадован точно. Скорее, таким образом, он оказался доволен этим порядком и не доволен работой.

— Ну что же, Андрей Георгиевич, начнем с орденов. Святого и равноапостольного князя Владимира I степени пока достаточно?

Орден Святого князя Владимира I степени был одним из высших наград Российской империи. Хотя и не самой высшей, но по положению святого юридически император награждать уже не мог. То есть как не мог. Император в России единственный мог все, и ему бы юридически ничего не было бы. Его отец Павел I не раз нарушал статуты орденов, даже радостно скалился при этом, и ничего. Правда, позднее императора все же убили, но отнюдь не за это.

Однако, его сын Николай I был другого замеса. Самодержавный монарх, как это не смешно будет сказано, был очень законопослушным гражданином. Правда, при этом законодательную базу он создавал сам, по своему порядку, не всегда умному или, хотя бы, доброму, поэтому выглядело все, мягко говоря, не очень логично. Впрочем, не нам критиковать великого монарха XIX века. Лучше послушаем.

Император, между прочим, размышлял примерно в таком же направлении. Помолчав и посмотрев на лицо собеседника, — нет ли у него недовольства — он добавил:

— Пожалуй, я сделаю вот что — опубликую именной рескрипт о приравнении тебя к семье Романовых. Как в свое время мой отец Павел I сделал с Суворовым. Благо, вы где-то и равны будете. Просто он свои победы проводил на Земле, а ты на Небе, а?

«Ха, хороший пример, — подумал про себя Макурин, — Александр Васильевич Суворов вначале был Павлом I возвышен высоко, а потом также быстро сброшен с этих высот, так что он и умер. Меня также ждет такая участь?»

Николай I меж тем продолжал:

— Будучи приравнен к императорской семье, ты будешь вправе получать те же привилегии и права. В том числе все ордена Российской империи. Я еще раз тебе говорю, ты можешь получать все наши ордена, а через меня большинство иностранных. Хотя здесь уже будет трудно. А с Российскими давай так, одна награда в месяц автоматически? И не только ордена, можно драгоценные и полудрагоценные камни, золотые безделушки. Можно и поместья...

Николаю последняя мысль, видимо, пришла ему только что, он оживился сам и довольно гордо посмотрел на Макурина. В самом деле, орденов высокого класса, достойных святого, в России немного, наградная система была определена на средних поданных, а уже потом, через первые степени на высокопоставленных россиян. А самых-самых, которыми было не стыдно награждать иностранных монархов и себя смиренных, был один, максимум два ордена. И что же, святой враз будет награжден и все?

Андрей Георгиевич в этом отношении был смирен. Вообще-то он с некоторого времени совсем не рвался к орденам. Раньше да, каждый орден обозначал очередной класс (чин), а это в свою очередь служебную независимость, финансовую базу, а позднее — и женитьбу на Насте. А сейчас-то зачем, с императором меряться или, вон, с цесаревичем? Но сказать так, значит, нарваться на непонимание Николая I. А потом, наверное, и на злость. И Настя окажется, ой как не довольна. Оно тебе надо?

Поэтому в ответ на прямой вопрос императора: «Ты будешь этим доволен?» твердо ответил: «Да, ваше императорское величество!»

По крайней мере, Николай I сразу был удовлетворен, поскольку следующий вопрос он задавал только своим близким друзьям:

— И пожалуйста, в домашней обстановке, при своих, можешь не кивать мне «ваше императорское величество», а просто государь, или чуть длиннее «ваше величество». Согласен?

М-гм, согласен ли он? Раньше Макурин мог только мечтать. Он, как и большинство чиновников, неоднократно слышал, что личные друзья в неофициальной обстановке имели некоторую вольность при обращении. Но сам, конечно, мог только мечтать об этом. И вот теперь император позволяет ему так обращаться, как уже точно личному другу, да еще в вопросительной форме, дескать, можешь соглашаться, а можешь и не соглашаться, как тебе угодно, мой друг?

Ну, здесь он уже сдерживаться не будет:

— Почту за честь, государь за такое милостивое разрешение!

— Ага, — удовлетворенно кивнул Николай, — я со своей стороны тоже буду рад такой дружбе. Вместе мы сделаем гораздо больше, чем я один.

Они посмотрели друг на друга, довольно помолчали. Затем Николай продолжил награждать святого уже официально:

— Как россиянин, приравненный к императорской семье, ты не можешь не быть

классом не ниже действительного тайного советника!

Император сказал твердо, даже почти зло, словно понизил его, а попаданец подумал, что вот ведь, взобрался на верхушку петровской лестницы, о которой вроде бы мечтал как о твердом карьерном росте, но ведь мечтал. Как бы о русской сказке, сюжет который то ли есть в реальности, то ли нет.

А вот стал он действительным тайным советником, а как-то не радостно. Всяк чувствует обязанности и служебные тяготы. А ведь действительно, это чиновничья шушера внизу болтается, выдавая свои мелочи за важность. А вот чиновники высших классов действительно работают и серьезно влияют на всю Россию. Не все, конечно, но личные друзья императора, такие, как, например, А.Ф Орлов, А.Х. Бенкендорф и некоторые другие оставили заметный след в истории страны. Но и работали они, как волы, упорно, много и тяжело.

Макурин никак не отозвался словами, посчитал, что это будет излишне, но голову согнул в элегантном знаменитом кивке «по-Макурински». Показал, что ценит императорскую благодать и понимает, что это будет ему стоить.

— И вот к сему, — Николай словно продолжал их молчаливый разговор, — я решил ликвидировать Святейший Синод. Раньше это учреждение было вполне приемлемо в моем государстве, как могло, помогая мне. Но с твоим появлением Синод явно устарел и уже особо и не нужен. В свое время, как и остальные петровские коллегии, он был хорош, он был эффективен. Но время ходит, пора и ему в прошлое.

Это не нуждается в обсуждении, — предупредил монарх, — я уже решил и от этого не отступлю. Но вот что бы я хотел от тебя узнать — что вместо Синода создать — патриархат во главе с патриархом или министерство религий во главе со светским министром.

— Министерство, — не раздумывая, сказал Макурин, — Господь мой Вседержитель в беседе со мной, смиренным, четко очерчивал мысль — Бог на Небе один — единственный и другого такого нет. Люди по своей простоте и наивности наполнили Небо Божествами. Одних только Иисусов Христов несколько — и православным, и католическим, и протестантским. А присмотреться — какая разница? Да еще Аллах, Будда и прочих, нередко придуманные людьми. Бог же он один!

— Однако же, — удивился Николай, — да ты целый церковный инсургент — настоящий бунтовщик. Не побоишься пойти миллионов верующих?

— Нет, государь, ведь я буду нести слово. Подлинное слово, а не списанное с книг. И когда мы прорвемся в народное сознание, что любой бог единый, только форма у него разная, тогда и россияне станут едины и сплочены.

Внеочередное заседание Государственного Совета в присутствии его императорского величества состоялось в 11.00 третьего дня от его вторичного пришествия на Небо. Нет, это не календарь новый в России был обозначен, это всего лишь Андрей Георгиевич так считал про себя.

Нехороший августейший монарх после обсуждений наград Макурина в виде орденов и чинов сумел втиснуть и должностные обязанности святого. Он был не только назначен министром, но и между делом (*noblesse oblige!*) стал генерал-адъютантом императора и членом Госсовета. И ведь не откажешься! Император все это всучивал под соусом «Вы должны стать настоящим сановником». Действительно, как это быть министром и не оказаться генерал-адъютантом или, например, членом Государственного Совета. Ужас, хе-хе! Вот и сиди теперь на скучнейшем заседании и напускай на свою моську соответствующую физиономию.

На самом деле попаданец, разумеется, все понимал и со всем, наверное, согласился бы. Даже, поди, сам настоял на этих административных довесках. Ведь если бы министр не генерал-адъютант и не член Госсовета означало бы очень второстепенное министерство, которое император совсем не уважает. И, наоборот, получение им одного из должностей, фактически званий, означает, что правящий государь очень любит и ценит либо само министерство, либо лично находящегося во главе его сановника.

Относительно Макурина важно было второе, Николай I его очень уважал, что еще раз подчеркивал на заседании жестами и тоном слов главу нового учреждения. Ибо само министерство пока было ни рыба, ни мясо, ни съесть, ни украсть.

И само заседание было весьма важным для самого Андрея Георгиевича, ибо здесь, в окружении монарших ставленников, или, хотя бы, очень значимых от императора сановников, ему предстояло впервые публично озвучить свою концепцию мультирелигии. Ибо, если и здесь собравшиеся не согласятся с оратором. То лучше ему вообще сидеть молчком и не выпазить в массы, чтобы сохранять на радость своей жене Насти и самого, естественно, моську в целостности. А то и ведь убьют ненароком. Русские люди они такие — добрые, жалостливые. Но не дай бог их рассердишь, будет такой кровавый бунт, что и святого лишат жизни.

А Андрей Георгиевич ее и так жалел, логично и сообразно карьере и судьбе, а все-таки. Куда он залез? Он даже страдал по той светлой и беззаботной поре юности, когда было-то всего забот — сохранить лишний рубль, благо он здесь были весомым, да хорошо писать. И вот он поднялся в карьере и жизни. И что? Денег все равно как-то не хватает, хотя он уже и не успевал их сосчитать. И чины высокие, и ордена почетнейшие, и император Николай его лучший друг, а дома душу и тело радует красавица и умница жена. А все не то. НЕ ТО, НЕ ТО, как говорил, то есть будет говорить великий русский писатель граф Лев Толстой.

О, император поддал знак, пора ему сказать свою речь, которая либо восславит его навсегда, либо опозорит на столько же. Он внушительно и гордо поднялся, поскольку сидел на почетном месте рядом с императором, то есть на большой моральной горке, поэтому оказался очень высоко по сравнению «рядовыми» членами Советами, всеми этими князьями и великими князьями, просто высокопревосходительствами с почетными званиями графов, баронов, и «рядовых» столбовых дворян.

Вообще, Государственный Совет имел очень противоречивое место в XIX веке. Согласно мнению его создателя Михаила Сперанского, это был бы законодательный орган, который серьезно бы ограничил полномочия правящего монарха. Однако, тогдашний император Александр I, вначале давший Сперанскому сигнал на создание Госсовета, потом, как это зачастую у него водится, передумал и тот стал как бы обычным учреждением, никак не затрагивающим власти государя.

И все же он зримо отличался от остальных административных структур. С одной стороны, это была своего рода надстройка аппарата, среди 55 его членов почти все были сановники и высокие дворяне. Департаменты его касались самых существенных моментов государства — корректировка законов, государственного бюджета и прочее. Его председатель, назначаемый самим императором, почти век одновременно становился главой кабинета министров.

Но, с другой стороны, он не имел права законодательной инициативы, что было не раз подчеркнуто императорами за текущее столетие. Сам же председатель, несмотря на звонкие должности — председатель Государственного Совета, председатель кабинета министров, не имел никаких обязанностей и прав, сановники получали его членство, как почетную отставку. Они практически ничего не решали, бездумно голосуя за подкорректированные департаментами документы.

И вот он здесь. Что ж, господа, посмотрим! И Андрей Георгиевич держал первую публичную речь, ибо то бляенье перед министром Подшиваловым и членами его комиссии, не могло считаться речью даже с очень сильным сожалением.

Главный его тезис был следующий — Бог на Небе один, Всемогущий и Всесильный, а формы его, придуманные людьми, существуют лишь на Земле. А потому мы можем без сожаления ликвидировать их. При этом в Российской империи (исключительно по желанию императора Николая) официальной формой религии будет православное христианство. Все другие религии, если они не секты, тоже имеют право свободно существовать.

Макурин, как сегодня, прочувствовал тяжкий вздох монарха. Свои воззрения он, как человека, он так и не изменил и потихонечку злился на святого, но, как государственный деятель и как истинный христианин, понимал, что это воля Господа и она хорошо повлияет и на общество, и на государство. Надо только потерпеть и свою перестройку взглядов, и недовольство народа, который в большинстве сперва будет недоволен.

И, напоследок Андрей Георгиевич сделал еще некоторый экивок в сторону аппарата — прочитал список религий, которые отныне будут свободны и равноправны. А это не так легко, как можно подумать. Ведь если католичество, ислам и в какой-то мере буддизм не вызывают недовольства, то старообрядцы, и особенно, еврейская религия, были продавлены Макуриным только частично, с пояснением, что религия может и да, но административные ограничения пока останутся.

— Вот, господа, и все, — закончил, наконец, оратор. Наступила тишина, как всегда в таких случаях, звенящая. Через несколько минут император наконец-то встал и демонстративно несколько громко хлопнул несколько раз в ладони. Мол, я категорически ЗА, а кто не с нами, тот против нас.

И толи окружающие ждали только этого, толи пришли в себя после чтения очень уж радикального документа, который, в отличие от остальных даже ни разу не был отмечен. Но члены Государственного Совета обрушили на монарха и на его оратора море громких

аплодисментов.

А чтобы они никак не сомневались, Самодержец тут же вручил одну из высших наград Российской Империи — орден святого князя Владимира I. Кроме того, император объявил, что награжденный становится его генерал-адъютантом и членом Государственного Совета.

Это, а также уже известный статус святого, один из живых людей, говорящих с Господом, заставил членов Госсовета смириться. Сила солому ломит. Многие из них, к старости ставшие весьма циничными, особенно после пары бутылок шампанского, не очень-то и верили в Бога, а тут живой свидетель, который лечит словами, а, говорят, может и наказывать. Тьфу-тьфу-тьфу, делайте, что хотите, только меня не трогайте!

Император с Макуриным шли первыми с заседания по своему положению. Еще бы — земной повелитель российский император и святой посланец Небес, можно сказать небесный покровитель России. В XXI веке только бы автографы с них собирали, а нынешнем столетии провожали почтительными взглядами.

— Государственный Совет ты прошел. Как мне кажется, со скрипом. А твое какое чувство? — спросил императором уже в придворной карете, когда стало ясно, что здесь никто их не подслушает.

— Честно говоря, я думал, ваше императорское величество, будут недовольные возгласы и, даже может, демонстративные уходы из зала, — откровенно ответил Андрей Георгиевич. Подслушивания он не боялся — его новые сверхъестественные ощущения могли это почувствовать, а после этого надежно экранировать собеседников.

— Ого! — удивился Николай I. Он не мог поверить, как это — его монарха, помазанника божьего, могут так просто послать по матери? Он ведь четко показал всем — он со святым. Макурин же очень легко бы показал, но августейшего собеседника уверять в обратном не стал. При нынешнем императоре этого все равно не будет, а то, что его сына, пока еще цесаревича, среди белого дня в самой столице убьют, так пусть об этом другие думают, хотя бы будущий убиенный.

— Я думаю, сейчас надобно бы написать императорский указ, — предложил Макурин. Подчеркнул: ВАШ УКАЗ, государь.

Николай молча кивнул, и они уже целенаправленно направились в рабочий кабинет императора.

Императорских указов в повседневной жизни России было много. Иной раз по несколько штук за день. И в большинстве случаев Николай лишь пробежался по тексту и подписывал. Так, чтобы гордое — в подлинном Его Императорское величество самолично поставил свою подпись.

Но некоторые подобные документы, очень важные и очень личные, он создавал самолично, неоднократно не раз переписывая. Или вот, как сейчас, переписывал особо надежный письмоводитель.

Они, как в добрые старые времена, сидели так же — он, по-хозяйски, во главе стола, Макурин же, как скромный письмоводитель, обозначился на торце, с бумагами и с пером, наполненным чернилами.

Но работали уже по-другому. Не только император, но и сам Андрей Георгиевич обозначал главные мысли документа, обосновывая их объяснениями. Именно ему был написан ключевой момент Указа — поданные могут быть полностью свободны в своей религии и их никто не имеет права заставлять.

Честно говоря, попаданец ожидал, что Самодержец буквально взбунтуется. Свобода

была еще не очень популярна в феодальном не только государстве, но и обществе. Относительно свободны были только благородные дворяне, а остальные всего лишь обязаны работать на своих господ.

Однако, это было все же религия, а не помещичье хозяйство или светская политика государство. Здесь император, вольно или не вольно, вынужден был делиться с Богом определенной религии, пусть даже он и не был признан им. Тем более, они вчера уже немного поспорили и Николай чуть-чуть, но оказался подвинутым. И главное, монарх был сломлен тем, что Макурин цитировал Бога. Не Библию, не книги святых отцов, которые никогда не видели Господа. Самого Вседержителя. А когда он в пылу спора предложил доказать ЕГО СЛОВА, с неба при чистом небе упала такая большая молния, что удар от нее оглушил всех. Лошади в дворцовой конюшне обезумели, а в округе пронеслась какофония ржания. Император же вынужден был успокаивать свою семью, при чем не только детей, но и взрослую дочь Татьяну и даже жену императрицу Александру Федоровну. Лишь только один цесаревич Александр был спокоен, хотя и заметно бледен.

Как после этого можно спорить со святым? При чем, он как раз был спокоен и когда тоже успокаивал нервную жену Настю, то его голос был абсолютно тверд и безмятежен. Но ведь за ним был сам Бог! Может, лучше с ним не дискутировать понапрасну?

В Указ же немного внес свой вклад и император Николай, а именно объясняя, как будет соотноситься позиция представителей других религий с концепцией православного государства. Макурин не спорил с ним. Монарху тоже надо было понять, что это и его документ. Да и потом, только не для понимания жителей Зимнего дворца, и он сам немного испугался, прежде всего, из неожиданности. Вы не испугаетесь, когда на вас вдруг на вас навалится громкий (и это еще мягко сказано) звук.

Но нет худа без добра. Она сравнительно быстро написали Указ о свободе религий в России. Занятный, однако, получился документ. В жестко очерченном феодальном Российском государстве, где любой шаг в сторону обозначался, как преступление, получилась вот такая свободолобивая бумага. А ведь не попрешь против Бога, это даже император понимает. Ибо одно дело выступать от имени Господа, а другое дело зримо чувствовать, как Небожитель сам выступает, да еще весьма раздраженно. Убоишься тут!

— А ничего у нас получилось, — вроде бы одобрительно сказал Николай. И хотя в голосе время от времени прозвучали нотки раздражения, но чувствовалось, монарх уже сдался. Ведь в области религии, пожалуй, единственной, император был не полномочный командир, а поданный. Этому его учили с самого детства, впитывая с молоком матери. И единственно, что изменилось радикально — из пассивного Бог вдруг проявился очень даже активным. И если раньше было можно выступать от его имени, все-таки побаиваясь наказания где-то в неопределенном будущем, то теперь это наказание можно было получать прямо сейчас.

— Господь нас милует, — осторожно одобрил Макурин от имени Бога, сам опасаясь, что если не так, то он прямо сей момент может получить по балде. Тот ведь не остановится — масштаб не тот. Это как человеку шлепнуть надоедливую комара. Р-раз и нету. И совесть почему-то молчит.

Помолчали опять, дожидаясь ответку с неба. Заодно как бы отпраздновали окончание ответственного документа.

— Что будешь делать дальше? — этим вопросом Николай окончательно поставил точку

над предыдущим делом и показывал перспективу над последующими.

— Надо бы поехать по губерниям, — почесал в затылке Андрей Георгиевич, вопросительно посмотрев на императора, — себя показать, людей посмотреть, особенно представителей иных религий. Может, что и надо немного подкорректировать.

— Правильный ход, — одобрительно отметил Николай, — люди подскажут и покажут, где какая ошибка и куда надо идти. А к началу осени милости прошу к празднованию в Зимнем дворце. А я рассмотрю вопрос о строительстве здания под центральную часть министерства и под квартиру министра. Тебе же надо будет распорядиться служащим подумать о штате и о структуре своего ведомства.

Вопреки представлениям советской науки XX века, отчасти предстающим еще и в XXI столетие, Николай I, если надо, легко срывался с места, чтобы увидеть все самому и отреагировать должным образом. И от сановников своих ждал того же, не понимая, что можно увидеть за тысячи верст от событий.

— Тогда сегодня я съезжу на улицы столицы, посмотрю, как в Исакии и среди жителей, и среди церковных служителей, послушаю отчеты по закрытии Синода, заодно соберусь в будущее путешествие, — предложил Макурин и про себя добавил: «И посмотрю взглядом со стороны на свои сети трактиров и ресторанов».

Они разошлись, но, приказав с разрешения императора приготовить карету, пошел в покои семьи Макуриных, поговорить с женой, если надо, получить должное наказание за уход и объявить о приятном подарке — совместной поездке в город.

В квартире его ожидала привычная картина — обиженная его поведением жена Настя. Впрочем, она не сколько злилась, сколько показывала это и охотно пошла на семейный мир после его первых же попыток примирения. В конце концов, Настя понимала, что мужа от нее отрывал не кто иной, как император, которому сам Бог велел это делать. А ее муж, между прочим, в свою очередь целый святой. И что ей не горевать надо, а радоваться такому положению.

Андрей Георгиевич поцеловал жене руку и почувствовал, как она вздрогнула от томления. Все-таки они регулярно занимались плотской любовью, и она не раз и не два доходила до оргазма. Провел, лаская, по грудям, чувствуя, как они мгновенно затвердели, и горячо поцеловал свою дорогую женушку. Настя уже готовно отозвалась на поцелуй, махнув рукой ина сердитую встречу, и на то что она на него злая.

Он тоже любил их такие встречи, когда они больше всего были страстные любовники, а не загроможденные семейной жизнью супруги. Ведь детей еще нет, а они молоды и здоровы. Приятно же!

Но сегодня ему, к сожалению, очень некогда и они должны оставить постель. Настя обидчиво надула губы, намереваясь указать ему, что он все-таки муж и должен ей супружеский долг, но Андрей продолжил говорить и предложил ей в качестве компенсации поездку с ним на столичные улицы и заезд кое-куда.

Муж загадочно подмигнул, и его жена совсем уж по-девчоночьи взвизгнула и поспешила готовиться в поездку. Секс не то, что был забыт, он был лишь отложен. Ведь впереди была ночь и она легко его воспламенит (проверено на совместной практике), а сейчас был день и у него были свои не менее яркие радости.

Андрей Георгиевич тоже встал и заметно позже, но все равно оказался готов первым. Не возгордился этим, а, наоборот, воспринял, как должное. Женщины тоже имеют приятную половину, просто в иной части семейной жизни. Протянул ей руку, пообещал:

— Намедни буквально в полста шагов от Зимнего дворца открыли ресторан. Там помимо прочего подают на десерт любимые тобой миндальное мороженное и французские пирожные. Хочешь?

— Конечно, дорогой. Ты у меня самый лучший! А свежие и такие приятные фрукты будут? Им так приятно завершать трапезу.

— Да, милая, — подтвердил Макурин, — мы закажем там все, что ты заходишь нужным. Надо брать от жизни все, что хочется.

Он не зря так был уверен в блюдах обеда. Открывшийся ресторан, разумеется, его. То есть хозяин на виду посетителей был другой, но это был всего лишь зиц-председатель Фунт. И, похоже, Настя, во всем уже догадалась и просто прикалывается, забавляясь. И, естественно, он не собирался перед ней, как и перед другими близкими, таится. Тайна была перед обществом чужих людей, а не перед ними.

Ресторан «Париж» открылся, как он и говорил Насте, буквально в трех домах от дворца. Но они все равно подъехали на карете. Во-первых, положение министра и его жены обязывало, во-вторых, если бы вы одели (женщины, разумеется) парадный наряд XIX века, вы бы тоже не стали ходить пешком. Очень неудобно, хотя и красиво.

Положение святого, между прочим, не только приносило свое реноме, но и вынуждало учитывать некоторые ограничения. В частности не только пить шампанское и вино, чем Макурин с легкостью бы пренебрег, но и вкушать дорогие и изысканные блюда, а в пост скромные. Он-то пренебрег бы и Бог здесь не был препятствием, но мнением общества не стоило совершенно пренебрегать.

Хотя всем этим можно было пренебречь, закрывая в отдельный кабинет. Нет, в общем зале было обедать приятней и ему и ей, но зато в кабинете никто не мешал вкушать яства. А уж их здесь было сколько угодно, он, как хозяин, смело в этом утверждал.

Овощной с соленой рыбой салат для него, жене, по ее желанию, фруктовый. Ножка ягненка в майонезе, обещанный десерт. Ф-ух, глаза еще голодны, но желудок уже сигнализирует, что ему довольно и еще одно блюдо точно будет излишне.

Перед уходом из ресторана, пока жена ходила в женский туалет припудрить носик и поболтать с дамами высшего света, он коротко сошелся с управляющим ресторана и узнал свежие новости. Они были успокаивающими. Продукты везли в большом количестве и широком ассортименте, цены не увеличились (это хорошо для него), но и не падали (это уже замечательно для крестьян, но в конечном итоге опять же для него). Ни в этом ресторане, ни в целом по сети скандалов не было. В общем, деньги идут, а жизнь журчит чистой родниковой водой.

В вестибюле к нему подошла жена, вся такая блистательная и роскошная, усыпанная бриллиантами и золотой, то есть одета, как дама высшего света. А как вы хотите, ведь она жена святого и имперского министра! Поцеловал ее благоговейно, но по-хозяйски. Или он не муж ей?

Муж, — взглядом показала она ему, — и потому вечером будешь выполнять супружеский долг. Смотри, я буду безжалостна, как баскак при сборе дани.

Андрей Георгиевич играя, вздохнул. Мол, я буду весь в твоих руках, матушка, пожалейменя, сиротинушку!

Что-то было немного непонятно в его ауре и он присмотрелся повнимательнее. Опа, где были его глаза. На фоне ауры взрослой женщины четко была видна аура их ребенка. Присмотрелся к нему, успокоился. Ребенок рос нормально, здоровье ему ничего не мешало.

Здоровенький... мальчик? Да, точно, мальчик. Сейчас он радуется жизни, ведь мать его весела, сыта и всем довольна. Не стал пока ничего говорить, вечером обрадую, за одно найду обязательную причину отказать ей в поездке с ним. Действительно, какая тяжелая поездка, по сути, по бездорожью и без обязательного трехразового питания, если тебе скоро рожать? Точнее, не скоро, больше полугода еще, но ведь все равно рожать?

— Поедем! — он сам открыл перед женой дверь кареты, аккуратно подвинув придворного кучера. Тут же вложил в руку гривенник, чтобы не обижался. То дело семейное, дворянское, тебе мужик, его не понять!

Все это он, конечно, не сказал, но несколько пренебрежительно улыбнулся. Кучер, вроде его звали Акимом, кстати, совсем не обиделся. Не ударил и ладно. Хотя бы и ударил. Святой ведь! Мягко закрыл за ним дверь, сел на облучок, почмокал на лошадей. Плавно поехали.

На этом отрезке поездки их пути временно расходились. Так они решили еще в Зимнем дворце. Синод, может быть, и душеспасительное учреждение, но уж очень скучное и пыльное. Особенно при ревизии большого списка больших отчетов. Они толи лежали на пыльных шкафах, толи для них использовали такую дурную бумагу, но Андрей Георгиевич уже однажды находившись там, измазался и расчихался до безобразия. Его даму туда не стоило пускать ни в коем разе. Настя, в общем-то, с этим была согласна. Договорились, что она зайдет в большой магазин, который фактически был торговым центром. он объединял в одно целое продуктовую и промтоварную лавки, несколько кафе и, какая новость (!) женскую парикмахерскую. Принадлежала она совершенно случайно, Макурину и тот был совершенно спокоен. Пусть попьет кофе с пирожным, поболтает с дамами (а там ведь точно будут дамы) и выберет себе какую-нибудь супер-пупер модную прическу. А там и он подойдет из Синода.

В Священном Синоде Макурин не ожидал какой-то оппозиции. Это ведь были даже не священники, а чиновники с семинарским образованием. Им обещали должности в новом министерстве, а при хорошей работе и достойной характеристики — с повышением. Этого было для подавляющего количества достаточно. Вопрос же о господствующем положении православия был для них совершенно второстепенен. Тем же немногим, для которых был важен, прежде всего, идеологический вопрос, Макурин показывал не министерский вицмундир, а ангельские перышки святого, точнее освященный круг вблизи головы. Ему было один раз посидеть около древних православных артефактов с ярким нимбом, чтобы эта категория навсегда замолкла. Настоящий святой разговаривал с ним и влиял на них, отчего них поднималось настроение и укреплялось здоровье. А что он там говорит, так это не их, сермяжных, дело!

Собственно отчеты он прочитал быстро. Хотя местные писари были еще те мастера письменного ремесла, но ошибок делали мало, помарок почти не сооружали. Прочитал в миг, только зубы хрустели!

Содержательная же сторона трогала его рано. Кто будет сопротивляться его высокопревосходительству министру, действительному тайному советнику Макурину?

Мало? СВЯТОМУ! Больше сопротивляться никто не сможет, никак не меньше представителям темных сил, чему попаданец не верил по умолчанию.

Прочитал текст, уяснил техническую сторону процесса. По-видимому, перевод Синода в обычное министерство со своим штатом, зданиями и юридической базой займет не менее трех месяцев. Надежности ради, учитывая, что и новое министерство будет организовываться не один день, окончательно оно станет рабочим примерно к ближайшему рождеству.

Как раз в это время министру и можно попутешествовать по России матушке великой, посмотреть на имеющиеся конфессии, заодно увидеть уровень экономики и культуры. Трудно будет, но занятно.

Андрей Георгиевич отложил бумаги, мечтательно прищурился, представляя, как он поедет. Просторная, почти неосвоенная Сибирь, малолюдная даже в XXI веке, кровожадный Кавказ, плодородная Украина и т. д. и т. п. Хорошо, но плохо только, что он будет далеко от своей любимой жены.

Нет, он ее не ревновал. Пусть молодая, красивая, но никаких причин до сих пор не давала, хотя возможностей наставить рогов было много. Оно ведь как? Главное, если женщина простит... низкой социальной ответственности, она мужика всегда найдет. А Настенька у него совсем не такая. Да и якорь у ней будет хороший — будущий сын! Пока выносит, пока родит и выкормит, он как раз и вернется. Милая моя прелестница! Как я тебя люблю!

Из привлекательной задумчивости его грубо вывел в настоящую реальность громкий шум у парадного входа.

— Кому там нейметя попасть в присутственное место насильственно? Полицию не бояться, так Бога бы устрашились бы, как никак святое в какой-то мере место! — строго спросил он прислуживающего ему служащего невысокого чина, даже не классного. Одно слово — служба, как раз по учреждению. Впрочем, он был уже старенький, седой, как раз помогать министру.

Служащий поклонился ему — как святому и как высокопоставленному сановнику — и извиняюще сказал:

Бабы пришли с детьми, вас хотят видеть, ваше... э-э-э, — он замялся, не зная, как сказать святому в высоком классе — ваше преосвященство? Ваше высокопревосходительство? Просто святой человек?

Андрей Георгиевич ему помог, кивнув. Простой, в общем-то человек, пусть не мается всякой всячиной.

— Я полицию уже позвал, — обрадованно произнес служака хорошему настроению начальника, не ставшего ругаться на неграмотного подчиненного.

— Бабы, дети, — вдумчиво сказал как бы между прочим святой, — зачем полицию,

разгонять? Я сам с ним поговорю, тихо и усмирительно!

Служка низко поклонился — как будет угодно вашему высокопревосходительству..., то есть вашему преосвященству...

Макурин молча остановил рукой растерявшемуся служащему, поднялся в чем был. Работать с пыльными документами он стал в рабочей одежде. Коей оказалась здесь ряса. То ли чинуши решили, что святому это наиболее близко, то ли не было нечего, но вицмундир сменился на рясу. Сам попаданец не стал сопротивляться. Одежда была чистой, не рваной, приятно пахла ромашкой. Что ему еще было надо?

Вышел на парадное крыльцо. Однако же, для XIX века людей оказалось очень много — несколько тысяч баб с детьми разного возраста — от младенцев до подростков обоего пола. Их довольно активно теснил исправник с двумя полицейскими. Работники правопорядка этой эпохи работали, как могли, — кулаками, дубинками, — перемежая все это животворящими ругательствами. Вот ведь, му... чудаки.

Им не сопротивлялись, не то еще время, но и не уходили. Собравшие послушно медленно отходили под их напором, но освободившееся место немедленно занималось другими жителями. Так они замучаются наводить порядок.

Полицейским надо остановить немедленно и без нервов. Нечего бесполезно таскать воду в решете. Но для начала прекратить шумные ор и крики, раздающийся со всех сторон постепенно накаляющейся толпы.

— Православные! — закричал Макурин как можно громко, одновременно выбрасывая всю священную эмоцию тела. Появление важного чина, оказавшего тем самым святым, закричавшим и распространяющим волны духовного тепла и благословения, немедленно утихомирили.

Его услышали. А еще бы не услышали с таким-то громкими возгласами и величественным апломбом. При чем не только бестолково мечущимися бабами с детьми, но и исправник с полицейскими.

Их-то и подозвал в первую очередь Макурин, как наиболее раздражающий народ фактор. А как можно утихомирить работников правопорядка? Правильно, дав им другое важное задание, где они будут законно заняты.

— Занять вход в министерство и никого не впускать, — строго приказал он им, — при необходимости разрешаю применять рукоприкладство.

Последнее было, собственно, лишне. Полицейские и так применяли кулаки и дубинки. Единственно, что шашки не вынимали. Но приказ был все равно приятен. Только вот исправник, так или иначе, замаялся, глядя на появившегося человека. Выглядел он представительно, но был ему совсем не известен. И Священный Синод называл по-другому. Исправник помедлил, взглядом прося объяснения.

Макурин только по лбу себя не хлопнул. Конечно же, он здесь не в служебном мундире с соответствующими знаками, а в неприметной рясе! Доброжелательно, но строго сказал, как снова приказал:

— Это теперь не Синод, а Министерство религий России, а я его министр действительный тайный советник Макурин, Богом Нашим Иисусом Христом произведенным в святые.

После таких слов исправник не только выполнил приказ, но и снял головной убор сам и подал знак своим подчиненным и им снять. Так и стоял простоволосый и красный от смущения. У кого решил спросить — у высокого чиновника, выше некуда и святого! Как его

еще Бог молнией не сподобил ответить!

А Макурин уже и не помнил о нем, прочитав проповедь прихожанам. В конце он еще и благословил их, от чего все присутствующие почувствовали теплоту и легкость в организме, болезни и, особенно, простудные и инфекционные недомогания отпустили. Правда, слишком уж тяжелые болезни через некоторое время снова придут, но тут уж Макурин никак не мог помочь. Общая молитва на всех верующих никак не могла помочь.

Бабы с детьми, до нельзя довольные, разошлись. Приказав полицейским проследить за порядком, то есть проводить служебные обязательства, ушел и сам Макурин. Он приодеться и узнать у местных начальников Синода, а для него непосредственных подчиненных, нет ли еще каких-либо дел.

Ничего больше его не тревожило. Одев парадный вицмундир и проверив, правильно ли прикреплены награды, поспешил к ненаглядной жене, которая, наверняка, и товары просмотрела и прическу ей приготовили. А уж если кофе с пирожным допила, то совсем кошмар. Он хотя и настоящий святой, не маскарадный, как многие, но от женских капризов не оторвется.

Настя действительно пила уже третью порцию кофе и становилась все темнее и злее, судя по служащим торгового центра. Ну он их от этой тяготы избавил. Жена, правда, перенесла весь негатив на мужа, но он был к этому готов. Поцеловал ей ручку, объяснив ей опоздание очередными срочными делами (ах, милая, я ведь еще и чиновник, пусть и высокого ранга), буквально обсыпав комплиментами. После десятка красноречивых эпитетов, какая она красивая и прелестная, какие у него прекрасные волосы и алые щеки и, на ушко, какие у нее завораживающие груди, она сдалась. Ласково обозвала его службистом и балбесом, потом протянула руку, чтобы провел ее домой.

Став женой всеми почитаемого (даже императором!) святого и высокого сановника, и под влиянием беременности сыном, о котором она еще не знала, Настя сильно изменилась. Она могла быть гордой и надменной, сердитой и своевольной. С дядями она буквально сама заключила договор о родовом имуществе. И если раньше даже при помощи монархаона едва могла заключить соглашение только о временном договоре, то теперь родственники — мужчины, удовлетворившись ее состоянием, почти без спора отдали ее долю. Попробовали бы они сделать иначе!

А может, речь здесь шла совсем не о сестре, а о ее муже, всеильном не только на Земле, но и Небе Андрее Георгиевиче Макурине?

Сегодня она как раз хотела захватить в один из родовых замков в Санкт-Петербурге — прелестное огромное здание с большим поместьем в пригороде, где она пригрозила ему в постели показать, где раки зимуют.

Жена, как понимал попаданец, переживала из-за беременности гормональный взрыв. От этого она не только еще более похорошела (куда уж более!) но стала сексуально-агрессивной. Впрочем, это у нее не долго и Настя уже через некоторый срок станет из красивой любовницы в заботливую мать. Впрочем, а он что, против?

Но жену он все-таки обломал. Нет, не сексом, он ведь заботливый муж-любовник, а местом будущего ночного жительства. Его императорское величество Николай Павлович, наверняка, захочет узнать подробные детали о его поездке в город. Тем более, ему уже сообщили о большой толпе у Синода. Так что не будем отрываться в замке, и прерываться на самом интересном месте их любовную встречу. Он сразу (ты как хочешь, милая) попросит у монарха аудиенцию, расскажет все интересующееся нюансы. Потом они поужинают с

императорской четой и их детьми и ты можешь предаваться своим «кровожадным» затеям.

Звучало весьма логично. Она все-таки, не выдержав, щелкнула прекрасными зубами около его лица, — дескать, помни враг, о своей судьбе в последующие годы. Но потом мирно прикорнула у его левого плеча. поехали они, конечно, в Зимний дворец.

Император работал. Большинство россиян, особо не знающих жизнь в Зимнем дворце, завидовали монарху, наивно полагая, что он жил от бала до вкусного обеда, то есть куролесил одними развлечениями. Увы, но так жили женщины на российском престоле в XVIII веке. В XIX же веке, в первую очередь по решению самого Николая I, император был главным образом, высшим чиновником в России, являясь не только председателем совета министров, но и большинством министров, оставляя последним лишь второстепенные полномочия.

Когда Макурин, приехав, попросился на аудиенции, ему, разумеется, не отказали. Более того, ему даже не позволили задержаться в приемной, где были несколько военных в чине младших чинов и таких же невысоких придворных. Нет, совсем небольших они, конечно, не были, императора все же обслуживали — поручики ли, капитаны ли гвардии первые, флигель-адъютанты вторые.

Андрей Георгиевич сразу прошел мимо них в кабинет самого императора. Только вот поговорить тет-а-тет (цесаревич не в счет) ему все равно не удалось. В кабинете помимо Николая и его сына Александра был еще военный министр князь Долгорукий, и Макурину пришлось битый час слушать, в общем-то, совсем не интересные армейские дела. При чем нового он почти не услышал. Россия, как всегда, была окружена внешними врагами, денег было мало, а военных забот много. А когда, спрашивается, было наоборот?

Императору, в отличие от штатского святого, было все интересно. Он пытал министра весь долго (очень долго на взгляд Макурина) и, наверняка, допытывался бы еще, но унылый вид министра религий и животрепещущие его новости его достали и он все же отпустил Долгорукого чуть раньше, чем всегда. Кивком поздоровавшись с Макуриным, тот быстро ушел. Не то, что спешил или пытался убежать от вопросов, просто император не любил, как военный, когда в рабочие моменты начинали медлить. Он любил так: пришел, доложил, ответил, если надо, на вопросы, ушел. Не девушка ведь, нечего протираться около мужчин.

Разговор со святым Николай начал с августейшего выговора:

— Андрей Георгиевич, вы, как государственный муж высокого класса и почти Романов должны все это знать и любить. Даже то, что вы не касаетесь напрямую.

Монарх, стоя очень рядом, смотрел в упор на этот раз злыми глазами. И Макурин почувствовал, как коленки у него явно подрагивают. Он попался под знаменитый «взгляд императора Николая I». Иными словами, взгляд василиска. Говорят, что жертвы этого расстрела глазами падали в обморок. Немолодые мужчины, убеленные в сражениях сединами, теряли сознания, как невинные девушки.

Историки потом не верили, особенно в советском XX веке. Ага, они бы сами оказались в этом положении, он бы посмотрел на них! Такой детина около двух метров смотрит! Уж куда попаданец с большим опытом и самообладанием и тот заметно зашатался. А местные аборигены падали бы пачками.

И последних сил он перекрестился. Бог ли помог, или мышечная привычка сыграла, но ему стало легче. Он даже возразил:

— Государь, по своему положению, дарованному Господом Вседержителем, не должен я влезать в дела государственные, в том числе военные.

— Нет, а ты слышишь, Сашка, — так он называл цесаревича «при своих», — он еще мневозражает. А у самого, наверное, поджилки трясутся? Трясутся ведь?

Трясутся, ваше величество, — признался Макурин. Николай снова смотрел на него вблизи, но уже не злым, а веселым взглядом, и сопротивляться было легче. Он даже возразил императору: — но святость моя не позволяет заниматься совсем уж земскими делами. Господь не велит!

Богу возражать было не с руки даже всесильному на Земле императору, и тот с некоторой досадой спросил его:

— Но, наверняка, что-то можно? Министром ведь ты стал. Или тоже считаешь, что это не земное? Дескать, пусть люди мараются на Земле, а я буду восседать на небе?

— Господь с тобой, государь, — опять перекрестился Макурин. Николай снова злился и это могло кончиться очень нехорошо в первую очередь для самого попаданца, а потом как-нибудь и для самого монарха. Бог Всесилен и очень Могуч. И он не зол, но весьма памятливы и все знает и может. Вряд ли он простит даже самому помазаннику Божьему такое надругательство над своим святым.

На это случай у него было одна возможность, и он о ней не забыл. Перекрестился, обратился к Господу Богу на иконе:

— Господь Наш Милостивый, но Грозный, помнящий о наших всевозможных грехах, но прощающих их по возможности!

Андрей Георгиевич был по прошлой жизни не то что бы атеистом, но уж не религиозным деятелем. Но вот как-то вспомнил с некоторыми купюрами одну молитву — обращение к Богу. Прочитал.

Император заметно затишел, из него выглянул не суровый всесильный самодержец, а немолодой человек со своими проблемами. Он перекрестился, вздохнул, признался:

Погорячился я что-то. Давай сначала и потише. Разговор уж очень важен. И Сашка пусть послушает, — кивнул Николай на цесаревича, — ему ведь тоже потом с тобой работать, будучи императором.

Макурин кивнул. Грех, разумеется, так вести себя, но Николай должен понимать и всегда помнить он не только земной поданный, но и имеет небесного покровителя. То есть каждый человек так, но он к тому же и разговаривал на Небе с Богом!

— Государь, — просил он императора, — я попрошу вас не входить в крайности. Я как бы нахожусь посередине — с одной стороны, я земной человек со всеми его радостями и обязанностями. У меня есть любимая жена Настя, которую вы хорошо знаете, возможно скоро будет сын, — многозначительно сказал он, — наконец, вашей милостию я министр с всеми правами и тяготами.

Но с другой стороны, Господь Бог даровал мне священную возможность, находясь на Земле быть частично на Небе. И я с этим ничего не могу сделать. И вы тоже, ваше величество, это понимаете, раз сделали меня министром именно религий.

— Ха! — воскликнул император, протестуя, но затем нехотя признался, — да, в этом что-то есть логичное и правильное.

— Поэтому, — подчеркнул святой, — я не смогу быть полностью земной, хотя и не оторвусь от здешних обязанностей. Более того, государь, отвечая на ваш молчаливый вопрос, — как российский поданный я буду защищать свою страну, пусть и не с огнестрельным оружием в руках.

Кажется, в этом важном, но весьма трудном и, надо сказать, неожиданном разговоре все

было сказано, пусть и не бесповоротно, принципиальные точки поставлены. Николай кое-чего добился, хотя и не во всем, но тут уж Макурин не мог во всем уступать. Однако, надо было переходить к сегодняшним событиям, а то вопросы бытия были слишком философскими, а, значит, почти бесполезными. А, может быть и нет, но все равно текущую жизнь ни решали весьма неэффективно.

— Ваше величество, — круто повернул Макурин их разговор, так как делал это до сих пор только сам монарх, — я предлагаю от глобальных проблем бытия перейти к более мелким событиям сегодняшнего дня.

— Э-эх, — уже тяжело вздохнул Николай и нехотя согласился, — свидетели, приехавшие из улиц города, говорили разное, даже до очевидной глупости. Ты что мне скажешь?

— Хм, — решил немного подурачиться попаданец, — я открыл большой магазин с многими значениями. Как вы от меня и потребовали, мое имя нигде официально не прозвучало. Хотя приказчики и знают, кто настоящий хозяин, но публике, как и властям, представлен другой человек, мелкий дворянин Петербургской губернии Тягилев. Это, государь?

— Мнэ-э, — потянул император, — боюсь, что нет. Это будет больше интересно моим жене и взрослой дочери. Мне же более важно, что произошло у Синода. Говорят, был народный бунт, полиции пришлось вмешаться. Объяснитесь, прошу вас, как наиболее значительное лицо.

Андрей Георгиевич сразу же посерьезнел, даже посуровел. Нехотя сказа:

— Сегодняшние события стали, на мой взгляд, дурным примером нашего разговора о роли Неба на Земле. Святой, то есть в данном свете я, появился и даже в России, но среди простых людей не появился. И люди волнуются — где все яркие чудеса и, можно сказать, фокусы. Власть попрятала или святой ненастоящий? Вот и волнуются.

Макурин поморщился, как бы беря в свидетели императора с сыном. Добавил, болезненно кривясь:

— У Синода же так себе. Какой там народ — несколько сотен, а может тысяч баб с детьми, тьфу!

«Однако же в феврале 1917 года как раз они стали детонатором, взорвавшем могучую империю, — подумал Андрей Георгиевич про себя, — впрочем, это не их дело. К этому времени Николай и его сын давно уж будет мертвы и даже истлеют в своих саркофагах».

— Что же касается бунт, то это на совести говорящих. На мой взгляд, в самом худшем случае — бабья говорильня. И полиция там не смогла проявиться только из того, что ее не было. Да ваше величество, — ответил Макурин на удивленный взгляд Николая, — разве можно тремя полицейскими разогнать огромную толпу баб. Тремя мужиками можно суметь разогнать трех баб, не более.

Тут все собеседники невольно улыбнулись, даже император, пусть и неохотно. Ведь все они знали, каковы женщины добры и ласковы поодиночке и как злобны и свирепы большой толпой, да еще с детьми под ручку.

— А так, я прочитал им проповедь, немного поговорил, и они мирно разошлись, — закончил рассказ святой, — а если мне не верите, то можно потребовать допросить исправника с двумя полицейскими.

Даже некоторое недоверие со стороны императора с цесаревичем тут же исчезло. Ведь полиция XIX века была действительно полицией, нацеленной на разгон бунтов. И врать

напропалую им было совсем не с руки.

— Я, ваше величество, разговаривая около Синода с простыми людьми, понял, что это будет настоящий долг и перед вами, — уважительно поклонился он перед императором и немного выше перед цесаревичем, — да и перед простым народом. Сам взбаламутил своим появлением, сам должен и утихомирить.

Андрей Георгиевич вопросительно посмотрел на императора, словно передавая ему всю ответственность.

Николай помедлил, раздумывая. Нет, ответственности он не боялся. Безграничная власть всегда соседствовала с огромной ответственностью — за годы правления он к этому просто привык и считал обычно объективностью. Он пытался понять, прав ли его министр, а вместе с тем и святой, четко отодвинув в сторону государство и даже его, императора!

Как министр он, безусловно, не прав. И хоть и не виноват, то хотя бы ошибается. И его императорская воля требует исправить его деятельность и, если надо, то наказать, чтобы лучше понял.

Но вот как святого он его никак не понимал и, честно говоря, не знал. Может так будет хорошо, может быть плохо. Он ведь не Небожитель, не может четко проследить будущее. То есть ехать ему надо, он уже представлял, что творится в губерниях. Где-то начались уже открытые бунты, где-то до них не дошло, но, видимо, обязательно дойдет. И, по-видимому, он прав, причиной стали шумные слухи о святом. Он было хотел отправить туда войска, но раз он хочет...

— Сделаем так, — наконец решил самодержавец, — ты поедешь, но не только как святой, но и как мой полномочный представитель со всеми властными прерогативами. Тебе будут подчиняться армейские части, полиция, жандармерия, любые твои приказы, какими бы глупыми на первый взгляд не были, станут обязательными к выполнению. Я сейчас же соберу соответствующих начальников, а те отправят приказы по своим ведомствам. Я же отправлю общий императорский указ. Такова моя воля и нечего тут кривить губы!

Перед отъездом Макурин все же умудрился поругаться с его величеством императором Николаем. Слава Богу, уже можно было. Святой, наверняка, был единственный человек в тамошней феодальной России XIX века, кто и психологически, как попаданец демократического XXI века, и по положению, землевладелец выше среднего достатка и своего рода посланник Божий, чувствовал себя практически равным и разрешал себе вежливо ругаться с монархом.

А предметом своего спора они выбрали довольно многочисленный — целый полк, причем не обычный армейский, а элитный гвардейский. Ни с того, ни с чего Самодержец вдруг решил, что святой нуждается в такой дорожной охране, хотя сам даже в самое опасное время брал в самом лучшем случае десяток жандармов или зачастую гвардейцев.

Сам Макурин никогда не собирался так отгораживаться от простого народа, особенно в это спокойное время, как эпоха Николая I. Что там был за почти тридцать лет? Не беря в счет восстание декабристов, это, по сути, итог уже правления его брата Александра I, то какие-то картофельные и холерные восстания. По сравнению с бунтом Емельяна Пугачева эпохи его бабки Екатерины Великой, или «освободительные» восстания правления сына Александра II Освободителя, в целом — тьфу! Зачем ему такая охрана — таскать по бездорожью с такой-то матери тысячи блестящих некогда гвардейцев?

Но Николай жестко уперся и тогда святой, пользуясь кратковременным безлюдьем — они были только вдвоем в парадном императорском кабинете — тогда прямо и четко объяснил ему свою позицию, сильно отличной от императора. Слово за слово и м-м-м об стол м-да... поругались не слабо, но святой все же отстоял свои так сказать тезисы (к счастью, не апрельские).

И теперь вот его дорожную кибитку, личную, из поместья, сопровождал десяток жандармов. Тоже, конечно, много, но по сравнению с полком допустимо. А вот жены Насти он сумел избежать. Нет, не то, чтобы он был категорически против нее, ведь не пить, ни волочиться за другими женщинами он не собирался. Но тащить за собой беременную супругу по жуткому бездорожью осенней порой (потом еще по снегу и гололедице) могла только женщина.

К счастью, они даже не поругались. Он просто оглушил ее большим счастьем в виде вынашиваемого ею сына. Настя, подталкиваемая семейной традицией, очень его хотела, но, разумеется, не знала, какого пола будет ребенок. Макурин ей в этом помог, с его-то новыми способностями ему было раз плюнуть. И дал ей важное задание — выбрать имя ребенка, клятвенно пообещав, что согласится с любым. После этого поездка мужа стала совершенно второстепенным. Ей же надо родить сына, выбрав ему имя. И от кого родить — от благословенного святого!

А вот самому Андрею Георгиевичу в первых же сутки поездки пришлось далеко не сладко. Про железные дороги в России в те годы еще даже не знали. Первая такая трасса будет только к концу правления Николая I, а пока только-только прокладывали маршрут. Были неплохие федеральные гравийные дороги и ладно. Зато уже с первых же суток приходилась «ходить к народу». В любом селении и стар, и млад, а особенно среднего возраста, стремились хотя бы увидеть святого, попасть под его причастие. А в случае, если он откажет, рассердится, обозлится и уже толпится с зловещими топорами и острыми

вилами. Как тут не пойдешь!

Макурин, идя навстречу к чаяниям народа, был вынужден приходить к толпам страждущих, перекрещивая их и читая молитвы. Тяжело же было, он один, а их вон столько и каждый со своими нуждами!

Уже после первых же верст путешествий и первых суток благословений он, при помощи умных людей, помогающих советом и делом, стал планировать свою поездку. На первые сутки светским и духовным властям был дан приказ — напутствие. Желаящие, а это практически все, должны были в количестве не менее десяти тысяч днем на свежем воздухе, и сколько влезут в очередную церковь в вечернее время, самим собираться по дороге святого. Чтобы тот не искал по деревенским селениям, рыская по ужасным дорогам.

Затем при каждом ночлеге, а это на первых порах через десять — двенадцать верст, обязательно собирались обычные попы и их различные начальники. Не для инструкций — для наделения божественной эманацией. Годилось, в общем-то, все, но особенно кресты, иконы, даже разная одежда духовных деятелей. Для того же, пусть и гораздо слабее, приносилась вода в ведрах и других емкостях.

Поначалу у народа много было скепсиса. Причем Андрей Георгиевич четко видел общую тенденцию — чем больше было образованных людей, особенно с университетским образованием, тем больше было неверия. Да Макурин и сам в начале поездки, честно говоря, не очень-то верил в свои чудодейственные способности. Очень уж похоже было это на практику А. Чумака в конце XX века. И если к нему постепенно просто перестали ходить, то ведь его и побьют и очень даже сильно!

Но уже в первые же дни практики, он с трепетом и даже с ужасом стал видеть — его благословения срабатывают! То, что слова молитв и крещение самого святого помогают от болезней или, хотя бы, от общих страданий, он уже почти привык. Но кресты священников и иконы приходских церквей после благословления святого или даже простого прикосновения тоже стали отдавать божественную эманацию. Он-то это чувствовал своими новыми чувствами, а вот простые прихожане просто видели, как от даже присутствия иконы (кресты, библии, молитвенники и проч.) помогали от болезней и даже от плохой судьбы.

Сколько здесь было в реальности, а сколько напридумано самими людьми Андрей Георгиевич даже не пытался узнать. Все равно правды не узнаешь, да и затем?

Строго приказал уездному и губернскому начальству соблюдать добровольность и не гнать «в обязательку» прихожан. Знал он этих чиновников и совершенно им не верил. И ничего, что прихожане валят толпой, они еще «дадут дыму». Тогда как обязательная работа чиновников — это всего лишь наведение порядка среди людей и повсеместная им помощь. Ведь не одной молитвой сыт будет человек, ему надо бы еще хлеба, хотя бы пару кусочков, да желательно с чашкой супа.

Со скрежетом, но исполняли. Ведь это обычным прихожанам он святой человек, помогающий больным и страждущим. Для всех чиновников же — от пьяницы забулдыги коллежского регистратора Митрофанова до его сиятельства московского губернатора князя Долгорукова — для всех он, прежде всего, был его высокопревосходительством министром и действительным тайным советником (первый класс по петровской лестнице). А уж каким он был обвешен грозными бумагами от самого императора и по ведомствам от его глав, то сами чиновники даже не решались сказать друг другу. Лишь вздрагивали ненароком и бдили, бдили. Не дай Бог хотя бы волосок с него упадет, никому мало не покажется.

Хотя, конечно и им приходилось идти на молитвы. Кто по приказу, кто, будучи

истинным прихожанином. А то и попросить мог за больную дочь или за себя, грешного, страдающего, пардон, геморроем. Всяко было, святой никому не отказывал, только строго пенял за пьянство, взяточничество и прелюбодеяние. А одному чиновнику, известному «голубыми» подвигами, исцелив от язвы, но так врезал крестом по лбу, что у него почти месяц светил шишак с голубыми расцветками. И что вы хотите, исцелил ведь и от этого сексуального извращения!

В Москве, при ее масштабе, Макурин планировал побыть не менее недели. А пробыл более двух недель, да и то в последние дни уже твердо сказал, как приговорил: — до четверга следующей недели и все! И никто не уговорил — ни губернатор, ни влиятельная дворянская делегация. Ибо впереди еще Урал и Сибирь, а него жена, бедная, скоро будет рожать!

И то, заметил он, что некоторые хитрецы вздумали по второму и третьему разу приходиться под его благословение. В этом ничего плохого для них-то нет, зато многие и по первому разу не приходили.

«Товарищи» эти прятались в толпе, даже парики зачем-то надевали. Глупые, он же по аурам их видит. Благословил пару раз... крестом. А дни-то идут. То есть, не то, что он совсем торопится, но не всю же жизнь он будет в поездке?

Еще одной некоторой проблемой стали жертвоприношения, так называемые милостыни. С этим он привык еще в Санкт-Петербурге. По его указанию в Священном Синоде была выделена статья доходов и расходов святоо, а при нем довольно большой штат чиновников. Но он не ожидал такого масштаба и разнообразия милостыни! Несли все — дворяне, чиновники, купцы, крестьяне, даже нищие. Короче все, кто побывал на проповедях и молитвах и что-то с этого получил. А ведь это миллионы людей! И православная церковь уже который век учила — обратился к Богу — отдай милостыню, хоть деньгами, хоть имуществом, даже крепостными людьми, а пожертвуй, ибо надо!

Святой сначала откровенно опешил, а потом решил, что он не революционер и нечего тут, хм прелестями крутить. Объявил, что милости им принимаются за одним исключением — сам святой для себя не берет. Церквям же и различным богоугодным учреждениям можно. Синод также принимает по статье 17 бюджета.

Купечество на этом не успокоилось, отрядило большую делегацию, как водится, с богатыми дарами. Что же делать? Купечество он, разумеется, благословил, дары — золотой сервис на сто с чем-то тарелок — принял. Но потом объявил, что пойдет это как именно дар московского купечества в церковный бюджета святого.

— Поймите, почтенные, и на Земле и на Небе я уже богат и знатен и мне уже ничего больше не надо, а вот простому люду надо, особенно детям и нищим, — разъяснил он купцам, — дарите им, и я буду вам расценивать, как подарки себе!

На эту встречу он специально пришел в служебном мундире со знаками действительного тайного советника и регалиями министра. Купечество и оробело. Одно дело подносить хотя бы простому человеку, пусть и святому, а совсем другое — высшему сановнику страны! Попробуй ему откажи! Он ведь духовно очень высоко по сравнению с ними, что они заранее согласилось, но и в светской сфере!

Но наиболее проблемным и затратным по времени оказалось для него старообрядство. С XVII века эту ветвь христианства, в о числе и в Москве, как только пытались согнуть. И лаской, путем дарования им возможности хорошо заработать, административно, кнутом и ружьем подавляя их и даже духовно, натравливая на них официальную церковь и не давая

отвечать.

Все тщетно. Старообрядчество выживало и даже крепло. И государство ничего не могло сделать. Сгибая и, может быть, покупая отдельных их представителей, оно вынуждено было терпеть течение в целом.

Появление святого, как они обозначали поездку Макурину, они тоже поняли, как очередной шаг государства, которому они прямо никак ответить не могли, но пассивно, разумеется, собирались.

Что же, он был не против. На православные собрания, сборища, как отмечали их старообрядцы они, естественно, не показывались. Тогда он пришел сам и не на моления старообрядцев, туда бы его они не пустили ни в коем случае. Попросил приказном порядке к старообрядческим старикам (так он прозвал их про себя). Прощение в категорической форме было написано самим Макуриным, все равно лучшего не было, и на форме губернатора.

Конечно, они согласились, правда, только через два дня и, как он понял позже, яростных дискуссий. Впрочем, ему было уже все равно. Понимал ведь, как можно мирно согласиться с феодальным государством? Да беспркословно встав на колени!

На встречу с министром религий России — Макурин назвал себя официально и прямо. Дискуссий не будет, это станет встреча имперским администратора с поданными и те обязаны согласиться или отправиться в Сибирь на каторгу или в ссылку, в зависимости от уровня вины.

Принципиально уровень отношений был вырисован сразу — Макурин был в вицмундире со всеми наградами. Их было немного, но все они были высочайшего уровня, если они, разумеется, в них понимали. А даже и понимали, смотрели равнодушно и брезгливо. Государство, с их точки зрения, было бесовское, а значит и слуги тоже, как и всякие награды.

За ним, дабы не решились что-то злостное, шли здоровенные жандармы, высокие, плотные, с кулаками как кувалдами. Не побалуетесь!

Ну, ведь как? Думать мы вам запретить не можем, но вот заставить делать обязательно. Ругаться можете втихомолку сколько угодно, но проведете весь процесс полностью. Сами не станете гибкими религиозно, так дети будут.

— Императорский указ о свободе религий вы, скорее всего, не читали? — утвердительно спросил Макурин.

— Написать можно что угодно, — пробурчал бородатый купчина в красной поддевке. Андрей Георгиевич молча требовал продолжения и тот, после длительного молчания уточнил: — указы сии были отданы только в губернаторском доме, а мы туда не ходим.

«Вот ведь хитрюги здесь собрались. И столичные приказы как бы выполнили и информацию для самых заинтересованных не довели. А потом сообщат, — мол, не захотели старообрядцы в своей темной злобе».

Макурин это очень даже подозревал, поэтому спокойно сказал:

— Что же, если вы не прочитали, тогда я вам сам расскажу. Слушайте! Правящий ныне император Николай I, беспокоясь о народе своем и посоветовавшись с богомольцем своим, решил, что отныне в России всякий может молиться своему Богу открыто.

— Как это? — удивился тот же купец, по-видимому, старший из собравшихся здесь старообрядцев, — нас никто и преследовать не будет?

— Не будет! — решительно сказал Макурин, — а кто осмелится, так это он будет в косности своей и злое, а не от полномочий государственных.

— И печатать наши книги можно? — выпалил длиннобородый старик, до этого сердито молча сверливший столичного чиновника, видимо, ни капельки не веривший ему, а теперь вот не выдержавший, — открыто и без ограничений?

— За деньги сколько угодно, — хладнокровно сказал Макурин, — вы только узнайте сначала, есть ли в типографии нужный шрифт. И пожалуйста!

За спиной неожиданно раздались тоненькие всхлипывания. Он удивленно обернулся за спину — вроде, детей сюда не водил? Глянул и откровенно удивился — большой и сильный жандарм, которым можно было забивать, как гвозди, настолько он был, казалось, твердый и суровый — вдруг, как маленький мальчишка, стал всхлипывать.

— Жалко тятя не дожил, — пояснил он, — так и помер в сибирской ссылке, погиб за веру.

Вот оно ведь как — и жандарм был из старообрядческой семьи, но каким-то макармом ставший уже православным и потому попавший на государственную службу

— Погибших уже не воротить, они сейчас на Небе отдыхают, — строго сказал Макурин, — а вот живым уже станет легче.

— Дак ить и спорить не надо будет! — пораженно удивился бородатый старик, знаток старообрядческих книг, — благодать-то какая!

— Господь наш один на Небе, а вот люди придумали различные ему формы и содержания, — твердо пояснил Макурин, — пусть их, молитесь, как хотите. Истинный Наш Бог и Вседержитель мне сказал, что он к этому относится спокойно, главное, чтобы не сатанисты были в душе.

— Ты разговаривал с Господом Богом? — недоверчиво спросил купец, — вот так просто, взял и говорил?

— Нет, конечно, — открестился от такого простого понимания Макурин, — я был там не в телесном облачении, а, значит, и языка не было, как говорить? И Бог не ведал русского языка. Как мне кажется, я общался с ним напрямую, через голову.

Так вроде бы. Более просто он объяснить не может, сам не понимает и их еще окончательно запутает. Прояснил твердо:

— Главное, Бога надо понимать не словами, а чувствами и веровать в него искренне. Тогда будет тебе легко и свободно.

Макурин говорил и не понимал, что стало вдруг со старообрядцами, жесткое противодействие как-то обернулось робкими попытками понимания. Уж потом жандармы, сами изрядно обалдевшие и оробевшие, сказали ему, что когда он заговорил о Боге, то вокруг его головы возник яркий и большой нимб. Как можно спорить с таким святым и божественным человеком?

А пока он с ними спокойно поговорил и даже помолился за Господа Нашего. Старообрядцы, понятно, привычно тянули свои обряды, Макурин свои, но помолились дружно.

Сказать, что одной это встречей было сломлено сопротивление и с той стороны, и с этой, нельзя, естественно. Старообрядцы по-прежнему боялись и, чуть что, сразу замыкались, сторонники же государственной религии по традиции обращались больше к административным мерам.

Но первые трещины он хорошо увидел. Монолита больше не было ни с той стороны, ни с этой. А больше Макурин и не ожидал. Сотни лет боролись, а он за час собьет! Только предупредил, что на обратном пути вернется, посмотрит. И не дай Бог ему будут

сопротивляться!

С тем и уехал. Некогда ведь. В Подмоскovie еще былолюдно, а вот дальше, чем ближе к Седому Уралу, тем оказывалось свободнее уже и не в каждую ночь ночевали в городе, хорошо хоть большое село было. А порой и в деревеньке какой совсем небольшой в три — четыре дома останавливались.

Принимали их всюду с хлебом — с солью, даже в старообрядческом селении. Ибо не каждому надо было увидеть такое чудо, да и увидит ли еще? Простой, никем не выделяемый человек, хотя по одежде и по поведению видно было — богат и знатен. Да и чорт с ним, мало ли таких шландыбаются? Но как только он начал даже говорить о Боге, то сразу у гостя вокруг головы появился нимб, а сам он зримо светился божественным светом.

Да и потом он показывал себя святым, как его и называли его спутники. Говорил мягко и легко, вылечивал без труда больных. А таких по времени было в любом селении много, даже в маленьких. Большинство, правда, излечивались просто, одной молитвой, но кое-кому приходилось обращать особое внимание.

Приходилось ему устремлять и к земным реалиям. Все же действительный тайный советник все же! Такие в подобных местах бываю не чаще святых! Пользуясь чрезвычайными правами, резко и навсегда решал местные коллизии, пугал местных чиновников, через одного алкоголиков и казнокрадов.

И всюду выискивал местные золотые песчинки, которые он вытаскивал даже не как высокий государственный чиновник, а коммерсант. Одно ведь другому не мешает, а его частные дела давно вошли в сферу императорских. Да и денег у государства всегда не хватало. Это ведь сколько казенных дел кругом да еще надо чиновникам набить бездонную мощну. А за своих и не отчитаться потом, и денег много.

А талантов было не мало. Даже не талантов, а просто способностей, но каких! Мальчонка один, откуда берется, в десять лет уже знал несколько языков помимо своего русского. Татарский, ну это ладно, в Санкт-Петербурге он вряд ли сгодится, немецкий, английский, немецкий, даже французский! Спросил этого мальчишку, Мишкой его звали, откуда это, до любой границы тысячи верст? Оказалось, рядышком работал большой металлургический завод, где были иностранные мастера, а к нему приезжали другие. Вот и нахватался слов иноземных.

Макурин только спросил: — Поедешь ли?

Сразу радостно согласился. Понимал, что здесь ему без рода, без денег, безсвязей, многого не суметь. Зато в столице с крупным покровителем можно много добиться. И семья ее, где было восемь детей, с охотой отдали. Отец даже робко поинтересовался, не надо бы еще?

— Нет, пожалуй, хватит и этого!

В городке Глазове уже в Вятской губернии, который, честно говоря, городом был по названию, так, больше походил на большое село, нечаянно увидел нищенку небывалой красоты. Рыженькая, привлекательная, с бледным румянцем на лице и с изумительной фигуркой она даже в лохмотьях и в грязи была очень привлекательной.

Откуда что берется! — в который раз удивился Андрей Георгиевич. Перекрестился, как омыл ее, просмотрел на ауру. И душа ее была чистая, яркая, видно не прочерствела от грязной жизни.

Только показал рукой, сразу пошла, не побоялась. На первой же остановке отправили в баню, благо оказалась с ними молодая женщина — жена чиновника Синода. Он был по

необходимости, и жена оказалась очень нужной. Омылась нищенка, сразу оказалась бриллиантом, ярким камнем, освещенным Богом, пусть даже рыжим.

А еще Макурин увидел трех приказчиков от Бога, поваришу, талантливому трактирщику. Можно назвать трактирщика талантливым? Вряд ли. А вот способным точно. Во всяком случае, он его точно поставит руководить столичным рестораном, а не деревенской копеечной корчмой для грязных мужиков.

А в конце, уже даже не на Урале, а почти в Сибири, нашел он и для государства, точнее для самого императора. В местном селе в уездной управе указали ему пьяницу чиновника, которого держали из прекрасного почерка да из жалости.

Посмотрел действительный тайный советник на написанный Митрофаном Спиридоновичем Гаврилой (это фамилия такая) документ и не согласился. Нет, не из жалости его здесь держали, ибо во всей огромной России было только два человека с таким блестящим почерком — он да этот пьяница.

Сурово объявил, что забирает этого чиновника в столицу, на лицезрение императора. Кто возразит? В уезде и штатских генералов сроду не бывало. Езжай с богом!

Держали Гаврилу неделю в цепях, на хлебе, воде и молитве. А когда отошел от бесовской водке, приказал снять с него цепи и велел всю дорогу (это почти три месяца) молиться. И ведь молился!

Сибирь встретила Макурина и его спутников морозами, хоть и была осень, совершеннейшим бездорожьем и таким же безлюдьем. Это называется, Россия захватила Сибирь. Вот абсолютное вранье! Во-первых, Россией здесь не пахло, максимум россиянами, а это все-таки разные вещи, во-вторых, там и людей почти не было, ни местных аборигенов, ни приезжих из Европейской России.

Нет, в целом люди здесь были, но в основном по южной полосе и редкими селениями, которые так хотелось назвать крепостцами. Там святой и проехал с проповедями и молитвами, щедро крестя, милуя и леча. В Сибири чудес было еще меньше. Вернее так, там они были, но оказались все природные, земные и сибиряки к ним давно привыкли. К небесным же не то, что не видели, они их вообще не знали. Они ахали и крестились, когда попадали под общую лечебную молитву и, когда святой один раз осерчал на прихожан, и наслал на все общину фугу боли (слабую).

Тамошние люди и с начала-то дивились на святого, а уж когда уезжал обратно, то плакали. Кто там император, тут святой человек есть!

В Санкт-Петербург из Сибири Макурин приехал в санях в составе целого обоза. Все таки настоящая зима уже, пусть и в календаре только ноябрь. Ничего, в бытность свою в прошлой жизни, еще до потепления XXI века, тоже помнил, как в ноябре снег толстым слоем ложился, солидно так до весны. Это потом так погоду развезло, даже в новый год дождь шел, и снега совсем не было.

В столице он привезенный народ быстренько разметал, в основном по своим учреждениям общепита. Не фиг расхоложиваться, отпуск еще не скоро, в XXI веке только. Так что кто куда, кто в трактир, кто в ресторан согласно служебному списку. Нищенку эту, кстати, Аленкой ее кличут, он привез в дом, нечто вроде любимица зверушки у жены будет — то есть между любимицей служанкой и приживалкой. Последние, правда, были в основном старушки, но ведь своя рука владыка.

Настя, увидев красивую девчонку — приживалку, ничего не сказала, но такискоса глянула, как рентгеном просветила, Андрей Георгиевич в какой-то момент себя почувствовал совершенно голым, хоть срамоту свою руками прикрывай.

Но ничего, жену свою поцеловал, в щечку, тихонечко погладил в лебяжьешку, потом по большому уже животу, Настя и притихла. По правде говоря, она в это время все больше думала про своего сыночка, даже муж был не особо нужен. А Макурин и не собирался ей надоедать. Посмотрел своим особым взглядом, все ли в порядке, посидел с женой, выслушал ее жалобы, перемежаемые мечтаниями после рождения сыночка, и отбыл в Зимний дворец, куда жена ее пока не ездила, находясь как бы в кратковременном отпуску.

Император Николай находился по рабочему своему распорядку сегодня на плацу, гонял какой-то гвардейский полк. Но приезде святого обрадовался. Да так, что даже изволил отразить это на лице своем. Отдал командование штатным командирам, поволок в свой рабочий кабинет и потребовал:

— Рассказывай!

Пожал мысленно плечами, кратко, буквально с десятков слов, прошелся по своему путешествию. А что, Николай I и сам все знал, а что не знал, так Макурин и не собирался излагать. Сказал, что цели достигнуты и религиозная напряженность явно снижена. В конце чуть было не пропустил свой «подарок».

— Вот-с! — представил он чиновника, — разрешите вам представить — Митрофан Спиридонович Гаврила, коллежский регистратор!

Император был явно не рад новому человеку в своем окружении, хотя и Макурину это никак не выделил. Просто пресно взглянул на него, сказал нечто вроде:

— Ну-ну, посмотрим.

На это Андрей Георгиевич, никак ни в чем не бывало, приказал чиновнику присесть, предложил императору проэкзаменировать его письмом.

Что же, монарх не то чтобы был против, хотя и согласие свое почти выдал. Но после пяти минут правописания буквально воспарял. Текст был чистый, без чернильных помарок, почерк каллиграфический. Правда, сделал их ученик две грубейшие ошибки, но это пусть, научится.

— Где ты его нашел, чудо этакое? — уже удивился, радуясь, Николай. Вопрос бы из разряда риторических, отвечать было не обязательно. Вместо этого Макурин предложил,

пока Гаврила не научится, прикрепить к нему одного из дворян-письмоводителей, который был грамотен, но безобразно писал. Так хоть какой-то толк будет и с того и с этого.

Император согласился, хотя и с некоторым скрипом. Как понимал попаданец, единственно из личных побуждений. Не мог он потерпеть, что за него, самодержавного императора, кто-то будет решать. Ничего, как-нибудь перетерпится, почерк-то у Митрофана без дураков хороший. А ему теперь работать письмоводителем, по сути, писарем, никак было нельзя. И не по чину и некогда.

Пообедал исключительно из необходимости увидеть императрицу Александру Федоровну и старшего сына цесаревича Александра. Остальные были еще неразумные дети, а великая княгиня Татьяна предпочла, так на всякий случай, и не видеться. Макурин даже не стал вспоминать. Она сейчас в таком возрасте, что влюбляется буквально во все и во что, и считает, что это тоже должно влюбляться. А ведь еще великая княгиня! Андрей Георгиевич, посоветовавшись с ее августейшими родителями, решил просто держаться некоторое время поодаль. С нею он решительно поговорил, категорически отказал, ее дражайшие папа и мама (ударения на последние гласные) согласились с ним. Теперь надо только подождать очередного объекта пылкой девичьей любви и желательно на как можно большем расстоянии. Ух!

Напоследок поговорил еще тет-а-тет с императором по его просьбе, читай приказу. Николай объявил, что сейчас он на него не сердится, что привезенный им чиновник ему вполне нравится, и что, наконец, ему надо приехать на очередной Государственный Совет — ведь он, кажется его член?

Охти мне, вот как мне смеяться. Раньше он все говорил известное двестишестидесятилетней эпохи перестройки: «Вот мой член, но я не член КПСС». А теперь стал таким же членистоногим. Вот же ж зар... нехороший такой!

Подождав его одобрителный кивок, с весьма, правда, кислым выражением лица, император добавил, что там его будет ждать очередной подарок-награда, о чем они уже доваривались. Что с нему он, как пресвятой деятель, может приехать всегда, а как министр обязательно должен приезжать каждую среду в 11 часов с коротким докладом.

С тем и уехал. Спать одному во дворце, когда беременная жена ждет его дома, в своем замке, было очень неконструктивно. Как будто он на нее злится. Впрочем, сразу туда не поехал, пропутешествовал по сильной дуге в столице, глядя после долгого отсутствия на трактиры и рестораны. Получалось, почти как чужой. Или, точнее, почти чужой. Нет, без пошлых инсинуаций, просто увидел то, что раньше не обращал внимания или как бы считал второстепенным, а случилось наоборот.

Или, главное уже построил, сейчас уже за мелочь приходится браться. Тоже ведь необходимо приводить в порядок. Так, например, стал яйценосцем. Это не то, что вы подумали, мужики, попаданец просто вычленил логистику и продажу куриных яиц в отдельную линию. Казалось бы, обычная рыночная цена в одну копейку за десяток это много? А за сто тысяч яиц с одной моей куриной птицефермы? А еще столько с его крестьян и с соседних поместий?

Получилось так недурно, что Андрей Георгиевич с разрешения императора Николая отправил целый корабль с пятьюстами тысяч яиц и ста тысячпудов т. н. крестьянского (сливочного) масла в Англию. Вышло тоже не похо и с его стороны и со стороны англичан, которым очень понравилось качественная и не очень дорогая продукция в весьма значительном количестве.

А уж в России, в первую очередь в Санкт-Петербурге, так сказать фирма стала заметным явлением пока еще яиц и масла, но ведь не в последний день живем?

У него, конечно, было еще мясо, мед, соль и кое-что по мелочи. Но Макурин понимал, что в большом масштабе он пока эту продукцию не вытащит. Объем товара, логистика, проблема хранения и продажа, вопросов много, а он фактически один. И ведь еще министр и действительный тайный советник! С одной стороны хорошо, административный ресурс такой большой (он ведь еще святой!), что не каждый конкурент решится бороться с ним. А с другой, откуда ему брать время? Министерство, заботы святого, а ему буквально через день приходится приходить в церковь. И не только в православную и не только в столицу. Страшно сказать, но он уже митрополит православной церкви, епископ старообрядческой и кардинал католической. И приходится еженедельно бывать на докладах императора, каждодневно выслушивать мольбы и просьбы милый жены Насти. Господи, найди мне каких-либо сил!

Бог, кстати, снизошел к нему, Макурин прямо-таки физически и морально почувствовал поддержку свыше, словно кто его поддерживал в спину или, условно говоря, дал ему пропеллер в задницу. Успевал во многих местах сразу.

Да и то, это же XIX век, требуют всегда много, а тут же дают отмашку, мол, не работай изрядно, Господь не велит. На счет последнего вообще смешно, они-то откуда знают, болтливые?

Министр может работать по два-три часа в сутки, лишь бы министерство у него крутилось-вертелось, как хорошо смазанный механизм. Это, конечно, не относится к трудоголикам и к карьеристам (а это львиная часть министров). А вот министры со связями и по родственным отношениям приходят на службу четко по часам (брегетам), чтобы показаться и строго-благосклонно дать нагоняй/благодарность подчиненным. И все, служивые.

Макурин уже чиновничью карьеру делать не собирался. Поэтому и приходил только посмотреть на работу подчиненных и дать, где надо, подпись его превосходительства министра.

В свою очередь его императорское величество Николай и благословенная жена Настя тоже особенно не грузили, понимая, что святой и так загружен по ватерлинию не зачем ему мучить.

Через месяц такой работы Макурин даже облегченно вздыхал и размышлял на перспективу, прежде всего, коммерческую. Подумалось вдруг, что надо подтянуть некоторые направления производства и торговли. И не то, чтобы денег больше, это понятно, а, главным образом, простым людям облегчить жизнь.

Например, соль. Сама она, в принципе, для него бесперспективна, для современников и так вполне достаточно. Торговцев много, государство постоянно прессует, ведь эта сфера исторически была хорошей статье дохода. Посему работы и нервов много, денег мало. Он даже столицу бы отдал, добычи здесь скопейки. Но нет, император уже не позволит, исчезновение дешевой и качественной соли гарантированно приведет к бунтам или, хотя к волнениям. Да и сам привык к ней. Отдавать же соляной источник отдавать не хочется, от своих крестьян он дает немного даже не напрямую денег, но припасов. Как, к примеру, останешься без соленых огурцов, когда от них все без ума — от императора Николая и простых крестьян?

Изворотливый ум торговца на два века уже подсказывал — надо расширять

производство продуктов на соляной основе. Например, соляные грибы. И сами они традиционно крестьянами собираются и публикой активно поедаются, особенно с водочкой. Но грибы — сфера исторически занятая. Дешевая соль позволит ему легко стать грибным монополистом в столице. Но что это ему даст — дешевую известность на пару медных копеечек?

Нет, он, разумеется, не отказывается и от соленых огурчиков и от оных же грибочков, но все это не то, нет там изюма, который бы позволил развить производство сразу и на большие доходы без надоедливых конкурентов, которые тоже есть хотят.

Ответ Макурин нашел к своему немалому удивлению на крохотном рыбном базаре на два прилавка. Увидел, остановил кучера, просто так пришел, поглазеть на людей, да ноги размять.

Рыбы здесь продавали разную, что только давали Балтийское море и пресноводные притоки. Андрей Георгиевич сам хотя бы раз в неделю ел, но как-то даже не интересовался, какая это. Вкусно готовят повара и достаточно. А вот как это?

Старый рыбак на вопрос, почему у него не очень берут, только вздохнул:

— Так ить, барин, селедка это, рыба вонючая и невкусная, хоть и питательная. Поэтому берут ее только бедняки и откровенные нищие, и стоит она сущие гроши. Просто постоишь так полдня и начнешь продавать себе в убыток, лишь бы домой не таскать. Дома-то ее же будешь лопать без соли и хлеба.

Тогда только Макурина и стукнуло:

— Святой попаданец, мать-бать, дурак беспошинный, ты же сам любишь есть соленую сельдь. И что же, рыба есть в избытка, соль почти бесплатная. Осталось только придумать технологию, а это сплошная мелочь! И что спишь, кого ждешь, милай?

Сказал покровительственно:

— Вот что милый, ты меня разжалобил до слез. Вот тебе целая красненькая, неси рыбу ко мне домой.

Старик немного дрогнул, не веря своему счастью. Но деньги не порка, возьмешь с собой радостью.

Посмотрел на ассигнацию почти с любовью, как диковинного, но уж очень редкого зверька, почти исчезнувшего ныне с Земли.

«Он, наверняка, сейчас только медными монетами и обходится, бедный, — подумал сочувственно Макурин, — с таким товаром только их и найдешь».

— Э-э, барин, — очнулся между тем старый рыбак, — а куда итить-то мне с этой рыбой, город-то сейчас большой?

Действительно, Санкт-Петербург для XIX века очень даже просторный, прямо-таки огромный город, хотя для XXI века он уже не самый крупный. Однако, надо помочь продавцу разобраться.

— Пройди, милый, в центр, — немного гордо и даже заносчиво сказал Андрей Георгиевич, — там на Невском тебе любой прохожий покажет — дом министра, действительного тайного советника Макурина.

Дом этот попаданец построил своей семьей недавно. Вернее заказал, удивляясь ценам. Рубль хоть и много в эту эпоху стоил, но и он немало истратился при строительстве. Однако, теперь вот можно и так адрес свой называть.

Рыбак же, хотя и был до нельзя простой, но события текущей жизни знал, и кто такой святой человек ведал. Ткнулся в ноги головой прямо в снег:

— Ваше высокопревосходительство, счастье-то какое — вас увидеть!

— Ну-ну, — прокомментировал Макурин, — холодно ведь ныне, куда ты сунулся прямо в снег! Занедужишь ведь!

— Сын мой больной пришел с недугом к Вам на молитву в церковь и быстро выздоровел, ноги у него сводило ревматизмом после студеной морской воды и вот нету болезни. Здоров ныне, сам поражается, — пояснил рыбац.

Однако же, — подумал министр, — холодно сегодня, вон как мороз щиплет, а ему хоть бы хны!

Макурин почувствовал, что ему пора отсюда уходить. И замерзает, хотя и не до смерти, и люди столпились, откровенно зевают на интересное событие. Вот ведь зеваки, им лишь бы поглазеть!

— Дак я тебя сегодня буду ждать с рыбой, — повторил он свой приказ, — не замедли, отдай на кухню, я кухаркам оставлю весточку.

С тем и ушел, кое-как прорвавшись через уже густую толпу. Вон оно как! Популярность-то показывается не только с хорошей стороны, но и с плохой. Скоро уже хоть совсем на улицу не показывайся, затопчут! Как известный артист в XXI веке!

Слава богу, люди еще были не пронырливые, в автомобили, пардон, в санки нагло не лезут, фу!

Отогрелся в медвежьей полости, отдышался, получив возможно логично думать. Селедку он достал, соль и специи в достаточном количестве получит на кухне. Уже сегодня приготовит рассолы в разной пропорции и будет выдерживать нужное время.

Можно, конечно, не маяться дуростью и просто приказать кухаркам приготовить рассол. Но, с другой стороны, а ты не обнаглел ли своей спесивостью, помноженную на обычную лень? И потом, никогда не надо опираться в этом важном деле на обычных слуг, тем более, женского пола. Сам, только сам и Бог тебя возблагодарит!

Собственно, насколько он на своем дилетантском уровне знал, что ему надо было варьировать действия на двух направлениях: во-первых, количество соли, во-вторых, количество времени, и, в-третьих, в меньшей степени, пряности. При этом, вкусовые качества соли ему придется пренебречь. Соль будет только его с его источника, иначе игра не стоит свеч. Качество рыбы, в общем-то, тоже можно будет игнорировать, хотя он все-таки испробует хотя бы жирность. А вот его вид, место питания в море он пропустит. Все же не предусмотрит!

Через несколько дней он подытоживал процесс соления. Сельдь средней жирности, обычного соления сроком на трое суток получилось вкуснее всего. Больше всего, Макурину не понравилось то, что рассол приходилось делать пряным и для этого расходовать дорогой перец. Пусть и не такой, как в средневековье, но все-таки большая часть цены в соленой рыбе ложились именно на перец. Пришлось даже проводить торговую экспедицию для покупки и перевозки без посредников. Стоимость перца от этого сильно не упала, но хоть сколько-то копеечек позволила снизить с фунта соленой рыбы.

Кстати, заодно развилось производство сушеной рыбы, в основном пресноводной. обязательным этапом здесь было содержание рыбы в соленом растворе. Вот здесь перца не было совсем, и себестоимость стремительно упала. Макурина так задавило это чудовищное животное под названием жаба обычная, что он поклялся — как только так сразу, селедка будет доходить в рассоле не в пряном, а в простом.

Для выбора наиболее привлекательной селедки он остановился на женщин его кухни.

То есть он уже сам попробовал, и ему понравилось, а вдруг! Обошлось, женщины, видевшие, что хозяин только что пробовал, хотя сам процесс им не показали, оценили очень высоко, прямо-таки с писком и радостными визгами. После этого он уже без особого волнения запустил «фабрику первичного приготовления». Название было его собственное, хоть из всего приготовления было лишь рассол, обмытие рыбы и укладки ее в дубовые бочки. Зато это хоть немного запутает конкурентов.

Но выборка технологии и производство только часть процесса, другая, не менее важная часть — торговля, то есть в данном случае, предоставление покупателям товара. О-о, Андрей Георгиевич сколько угодно мог предоставить примеров, когда популярная в последующие века продукция очень тяжело выходила на рынок, давая немалые трудности производителям и даже банкротя их. Макурин, разумеется, не стал бы до такой степени рисковать, но терять деньги и авторитет он не хотел.

И на Пасху, очень удобное время для России XIX века, вся сеть трактиров и ресторанов, обычных лавок и больших разноплановых (универсальных уже с этого же века) магазинов объявила, что трое суток будет бесплатно предоставлять соленую рыбу Иваси. Покупатели были сначала в некотором шоке. Бесплатно, да еще в таком количестве, не будет ли дурно, ведь ничего не стоит?

Но, осторожно пробуя, люди убеждались — вкусно и сытно! А официанты между тем пускали новую замануху — регулярно пробуя бесплатную рыбу (с третьей тушки), покупатели могли опять же бесплатно требовать вареный картофель.

Простонародье было в восторге — бесплатно можно наесться до упора. Правда, эта еда потом вызывала сильную жажду, но, слава богу, пресной бесплатной воды в Санкт-Петербурге было много! Средние слои тоже быстренько приспособились к этому кушанью, ведь столица Российской империи город был не дешевым и даже картофель во второй четверти XIX века, хоть уже был в продаже, но цены за него ой как кусались. А тут бесплатный вареный картофель да еще с жирной очень вкусной рыбой. К тому же жирная закуска была очень приятна под водочку. Регулярные покупатели даже могли бесплатно попробовать то и это. Послевкусие было замечательное!

А в высшем свете, где цена по большому счету ничего не стоила, ресторанички в первую очередь агитировали за вкус. Ведь соленая селедка, иначе Иваси, была замечательна не только само по себе, но и давала новую свежесть для многих блюд, и без того популярные в России.

Очень удачной приобретением стало для Макурина публичное приобретение императорской семьи и самого императора Николая I. То есть не то что они были инициаторами компании, это было бы, по крайней мере, смешно и даже оскорбительно. Но все представители высшего света и полусвета знали, что хотя бы в обед, да еще в ужин император и императрица и их дети в меньшем объеме всегда едят либо соленое Иваси, либо какое-то блюдо с ними.

Между прочим, новое кушанье — соленая рыба довольно долго стала называться Иваси. И только уже после смерти Николая I в 1870-е годы (читатели, надеюсь, помнят, что это параллельный мир), оно стало примирительно называться соленая селедка Иваси.

А сам Андрей Георгиевич долгие годы гордился этим мероприятием. Пусть и он не сам был первооткрывателем даже в этой Вселенной — в Западной Европе к этому времени соленая селедка была распространенным блюдом практически всех слоев населения — но их производители жестко держали рецепт приготовления и Россия, наверное, долго еще не

знала этого блюда, не вмешивайся сюда попаданец. Эти гамадрилы селедочного хвоста, между прочим, пытались было притянуть русского автора-изобретателя к суду. Ха-ха, министра и святого!

Уровень Макурина в России был уже настолько высок, а вместе с этим и в некоторых европейских странах, что судебный процесс сразу же забуксовал. А окончательно он рухнул после приезда в Россию королевы Виктории. Одна из первых успешных монархинь в мире, она была неудачна в личной жизни, никак не умея родить детей. Ну или хотя бы одного ребенка.

Макурин, будучи кардиналом католической церкви, как сумел, помог женщине. Конечно, англиканская церковь, а Виктория была ее главой, не то, чтобы католицизм, но все-таки довольно близко в отличие от православия и, тем более, мусульманства. А потом, мы же живем в цивилизованном XIX веке, а русский святой, побывав на Небеса, прилюдно объявил, что Бог там один, а это люди напридумывали различных церквей. Он же, кстати, сообщил, что Господь в небесном мире не раздражается. И вообще, лучше плохой мир, чем хорошая война и священнослужители должны об этом подумать.

Виктория вместе помолились, каждый на своем языке и на своих обрядах, потом они еще несколько раз поговорили, причем королева была с мужем Альбертом, герцогом Саксен-Кобург-Готским.

И после этого святой объявил, что у Господа нет больше сомнений в добром имени королевы Виктории, и она может честно исполнять свой человеческий долг женщины и матери. Это было как-то не очень скромно, но Виктория вдруг стала рожать одного ребенка за другим. А за русским святым пошел авторитет святого человека, если так можно сказать. И уж к суду тянуть его уже не стали, себе дороже.

Другой хозяйственный проект — производство сахара — Андрей Георгиевич оценивал гораздо ниже. Хоть и понимал, что не прав и новый продукт произведет в питании россиян существенную революцию на долгие годы, а вот эмоции свои перебороть не мог. Да и то, много ли он сделал? Нашел изобретателя — самоучку, сказал ему несколько одобрительных слов по поводу деятельности в целом и проекта в частности, выделил пару — тройку тысяч рублей — сумма для изобретателя огромная, а для самого Макурина уже мизерная. И, пожалуй, все.

А ведь, процесс, как говорится, пошел. И как пошел! Вот что называется, проект во времени, когда и экономические условия созрели, и народ полностью готов и ждет. Сам еще не знает чего, но уже в ожидании. Всего-то подопнуть легонечко и спокойно отойти в сторону и глазеть.

Изобретатель Алексей Семенович Григорьев — мелкий дворянин без рода, без денег, поручик Сумского пехотного полка в отставке — сумел в своем небольшом поместье, почти в огороде, при помощи трех крепостных крестьян, не только вывести новое растение, называемое в дальнейшем сахарная свекла, но и получить технологию производства сахара из свеклы, примитивную пока донельзя. Но ведь получил!

А потом несколько почти десятилетий барахтался, как муха в паутине, не имея ни денег, ни административных разрешений, ни даже добрых слов. До святого Алексей Семенович дошел случайно. При чем как дошел, скорее, наоборот. Святой проводил один из своих святительских выездов на этот раз в черноземную полосу. Помолился со всеми, провел фугу лечения и в конце, как водится, спросил у прихожан, нет ли у них больших потребностей. А чтобы не скромничали и понапрасну не молчали, пустил волну раскаяния.

Вот тогда и узнал он у изобретателя о его грустной судьбе, и о том, как медленно развивается «Сахарный проект». Хотя все уже готово, и земля есть, и помещики, вроде бы готовы выращивать, и крестьяне не плюются и не говорят о дьявольском семени.

Проблема в инвесторах. У бедного, почти нищего изобретателя, конечно, никогда не будет таких денег, а богатые россияне не хотят инвестировать в рискованный проект. Хотя даже как не хотят? Во второй четверти XIX века богатыми были только дворяне, которые не только не умели, но и не хотели зарабатывать деньги инвестициями.

А тут еще активизировались поставщики тростникового сахара из Америки. Прибыль этого продукта давала миллионы рублей прибыли. То, что он был очень дорог и не доставался простым людям, их не очень-то интересовали. Закон рынка: хочешь — бери, хочешь — не бери, все добровольно.

Про свекольный сахар они и знать не хотели, решив придавить реформаторов деньгами, а при случае и силой, дав взятку нужным чиновникам.

Андрей Георгиевич, попаданец XXI века, конечно, был чужд таким настроениям. Поговорив немного, он, восславив милостивого Бога, по-доброму сказал чуточку слов, и даже денежек предоставил. Конкурентам он вообще ничего не сказал. Те сами, узнав, кто появился на стороне свекольного сахара, тихонечко ушли.

О дележе прибыли не говорили. Феодалная России того времени была не той страной, где господствовало патентное право. Нет, здесь по-прежнему решало право сильного и денежного. Так что сколько дал его превосходительство министр и действительный тайный

советник, тому и должен радоваться бесправный изобретатель. О святом положении его высокопоставленного покровителя Алексей Семенович не то, что не знал, просто не верил. Был он прагматичен до конца костей и в Бога, к сожалению, не верил. Да и не об этом речь.

Разумеется, изобретатель был щедро вознагражден, хотя и сам Макурин оказался завален деньгами. Это ведь даже если по несколько копеечек с россиянина взять, то сколько будет? А брали больше, гривенниками, даже полтинниками, а кто богаче рублями. Очень уж вкусен и дешев был сахар. А уж пищевая промышленность сразу брала на миллионы рублей.

По этому поводу, Макурин сам хвалил свою продукцию. При чем, как хвалил? Скорее уж заваливал императорский стол. Когда еще российский дешевый свекольный сахар не был известен, а головами тростникового давали взятки, так они были дороги, Андрей Георгиевич принес на вечерний чай голову сахара и смело взгромоздил ее в центре стола личной августейшей столовой.

В ней было в этот час только трое мужчин — Николай I, цесаревич Александр и сам Макурин. Вообще, император, как военный, все любил делать «во фронт», в том числе и кушать. Его семья к этому давно уж была приучена. Но порядок к ужину был более мягок и каждый приходил, как мог.

Николай покосился на сахарную голову, но смолчал. В конце концов, ужин это не парадный строй, каждый волен носить свои продукты, раз уж был приглашен. Так что сахар был как бы не был увиден ни императором Николаем I, ни, тем более, цесаревичем Александром. Хотя тот и хмыкнул и укоризненно посмотрел на святого, что ж ты, мол, делаешь? Но словами никак это не обозначал.

Но Макурин не сконфузился, более того, он даже сам предложил сахару императору. Николайк сладкому был равнодушен. Ел, конечно, тем более с чаем, но не преувеличивал. И от предложения Макурина отказался, показал маленькой ложкой, мол, пью со сладким вареньем.

Тогда настырный сегодня министр предложил сахар цесаревичу. Тот не отказался, отщипнув специальными щипчиками небольшой кусочек.

Подождав, пока тот его, не торопясь, употребит с кружечкой чаем, Андрей Георгиевич поинтересовался, как ему вкус?

Александр оказался в тупике. Не отравить ли собирается их святой, отправить так сказать к Богу в гости. Впрочем, с этим не шутят. И с ядом, и с Богом. Поинтересовался у спрашивающего, что вкус немного странен, а, в общем, в чем, собственно, дело?

— Ваше императорское высочество! — торжественно сказал Макурин, — позвольте вас поздравить, вы первым попробовали российский сахар, изготавливаемый из свеклы!

— М-да? — теперь уже заинтересовался Николай. Откусил кусочек, запил чаем, опроверг сына: — ничего такого он не почувствовал. Сахар как сахар, сладкий и вкусный. Не знаешь, так и не поймешь, тростниковый он или свекольный.

— Ну да, — вынужден был признать Александр, — сахар он, прежде всего, сахар.

— И почему стоит фунт? — задал Николай самый важный для себя вопрос.

— Наша компания продает по два-три рубля, — машинально ответил Макурин. Николай заметно поморщился. Стоимость свекольного сахара кардинально от тростникового не отличается. Стоит ли тогда ломать копы?

— Извините, ваше императорское величество, — постарался реабилитироваться попаданец, помня, как он опростоволосился в свое время с солью, — это голова сахара столько стоит, фунт будет гораздо дешевле. При массовом производстве миллионов пудов

фунт будет не дороже десяти — пятнадцати копеек. А производить мы будем десятки миллионов пудов.

— Это же другой вопрос! — повеселел император, — за такую цену я куплю у вас сахар на большой объем.

Речь, конечно, шла не об императорском столе и даже не об императорском дворе. Это не такие расходы, чтобы у российского Самодержавца голова болела. Нет, прежде всего, Николай беспокоился об армии.

На протяжении XIX века не только у благородных генералов, но и у массового офицерства и даже у унтер-офицеров и рядовых возникла стойкая привычка к чаю и сахара. И теперь никого не удивляет, когда на завтрак и ужин военные ограничивают себя сладким чаем и полуфунтом ситного. Сволочи из купечества немедленно подняли цены. И если с ними еще можно разделаться, то вот на международной арене никак не получится. Любая напряженная обстановка или, не дай Бог война, чай и сахар немедленно исчезнут из России.

И если чай еще может быть заменен, то сахар почти нет. Туземного сахара производится мало и он весьма дорог. Это будет такой страшный удар, что страна проиграет войну, даже не начав ее. И ведь никакая замена в виде фунта хлеба за день или полуфунта мяса положение не изменит.

Потому и оживился, поняв, что сахар свой, из местного сырья и производства. Как он вовремя нашел начинать создавать этот товар!

В общем, вечернее чаепитие у них закончилось конструктивно и благодушно, и даже Александра Федоровна с детьми не только не помешали, а, наоборот, оживили разговор. А дочь Татьяна, пусть и взрослая, никак не могла понять. Как это в холодной России можно выращивать тростник. Ведь сахар можно производить из сахарного тростника, правда?

А когда Николай сообщил, что нет, сахар можно производить еще из свеклы, наотрез в это отказывалась, так что ее августейший монарх сначала раздражался, а потом смялся.

И только Андрей Георгиевич несколько раз ловивший внимательный взгляд, несколько обеспокоился. Она что, никак не успокоилась, маленькая проказница?

Но все в конце концов, закончилось, прошло и это вечернее чаепитие, при чем на оптимистичной ноте. Николая радовал отечественный сахар, который внешние враги никак у нас не отберут, Макурина же тешил тот факт, что он не зря оказался в XIX веке и на доброе действие Бога ответил своим поведением. А деньги... что деньги? Миллионы рублей XIX века, конечно, лишними не будут, но, в конце концов, на тот свет, к Господу Богу, деньги и не возьмешь, а земная жизнь проходит быстро. Первую тысячу можно еще заработать с радостью, а сотую уже как-то откровенно занудливо.

После чаепития пришлось еще немного заниматься делами. Виноват оказался Николай, который буквально утащил Макурина с собой. Он же не только министр, но и столоничальник Е.И.В. собственной канцелярии. Министр и действительный тайный советник как-то не соотносились между собой со столоничальником, но Николай «подружески» попросил его потянуть и эту должность. А то ведь ни столичные дворяне-письмоводители, ни бывший коллежский регистратор Гаврила (ныне титулярный советник) до конца не тянули до своего начальника.

Поговорили немного, проработали несколько документов, Николай напомнил, что завтра будет заседание Государственного Совета, на котором ему надо обязательно быть. Впрочем, все это мелочь, официальная причина побеседовать на важную тему. Другое тяготило. С Турцией опять назревала очередная война и российский император хотел

обязательно поговорить со своим поданным (шутка). Поговорить о грядущей войне он действительно хотел, но со святым, а это две большие разницы, настолько большие, что император выискивал серьезные причины, а когда святой, подумав, согласился, заметно облегченно вздохнул.

— Господь наш Бог, — объяснил Макурин, — считая, что все народы одинаковы, все же находит некоторые народы излишне агрессивными. И если они опять начнут войну, то неплохо бы их остановить. В турецко-российской войны Россия делает богоугодное дело.

— А-а? — удивился цесаревич Александр, который опоздал, но внимательно слушал разговор отца со святым. Он уже знал, когда Макурин был министром, пусть не обычным, но администратором, а когда становился святым. С первым можно было поспорить, а отец даже приказать, пусть и очень вежливо и мягко, со вторым только слушать и подчиняться, ведь иной раз через его лицо явственно выходил сам Господь Бог. Но ведь спрашивать немного можно, правда?

Спрашивать было можно и святой, показывая это, спокойно ответил:

— Господь Наш Бог отнюдь не граф Толстой, он уж излишне увлекся несопротивлением, а Бог всегда отвечает удар на удар. И хотя сравнивать турок с Ним, Всесильным и Могущественным никоим образом нельзя, но эти злобные гады могут постоянно нападать на мирных соседей, а вот это уже очень нехорошо. Когда-нибудь, лет через двести — триста, сами турки станут мирными. Но для этого их надо примирить, а средством для этого станет Россия. Увы, но это так.

Оставив августейших отца и сына обдумывать его мысли о Милосердном, хотя и Грозном Господе, он поспешил домой.

Там у него была своя напасть — очень грозная и вдвойне теперь капризная, хотя и очень красивая. Что поделаться, у Настеньки гормональный взрыв и ей приходилось бороться самой и еще подключить его. Ничего, это он сумеет. В XXI веке у него не было беременной жены, но он даже на работе сталкивался с этим и знал, до какого состояния капризной фурии доходят женщины.

Настенька еще очень даже белая и пушистая по сравнению с ними. А то, что и ему приходится страдать, так ведь и сам виноват. Сыночек-то появился при непосредственном его участии, хе-хе! Ничего, жене куда тяжелее, ей еще рожать, а он только должен потерпеть максимум месяц — два, охо-хо, скорее уж!

Настя сейчас доводит себя до состояния... нет, не смертельного врага, больше такой зверушки, очень симпатичной и милой, но одновременно чудовищной и бестолковой. Когда сейчас с ней общаешься, никогда не знаешь, что от нее ожидать — раздражающего крика, непонятной жалобы, виноватой ласки...

Надо терпеть. Андрей Георгиевич видел своим особым взглядом, что сознание ребенка уже проснулось. Человеком он еще не стал, но уже все чувствует. И когда с ней будешь ругаться, то, по сути, будешь цапаться с двумя самыми близкими людьми на этой планете.

Санки подъехали к «замку Татищевых» — все так называют и он, чтобы не выходить из общего ряда. Хотя, честно говоря, попаданцу XXI века виделось, что это был просто большой дом, не самый, кстати, крупный. Просто в них предполагалось жить несколько семей, а не так вот два человека. Солидно вышел из санок, как ему показалось, взял большую картонную бонбоньерку с конфетами из его ресторана. Кафе со сладостями и напитками здесь еще не было принято заводить, а вот такие многоступенчатые рестораны, в которых можно не только вкусно поесть, но и попить кофе с пирожными и морожеными, пожалуйста. Надо

попробовать провести сеть забегалок и небольших ресторанчиков под общим названием бистро, — решил он напоследок и окунулся в домашние заботы

Настя вышла к нему с опозданием, и он, уже поднявшись на второй этаж и остановился в затруднении — искать ему ненаглядную в комнатах второго этажа или подняться еще на третий? И ведь и слуг нигде не видно. Ни прелестного постреленыша Аленку, ни служанку Марию, тоже, между прочим, беременной, но выносящую своего первенца более стойко. Ни даже слуг — мужчин, предпочитающих находится от своевольных теперь женщин подальше. Но ведь все равно находящихся здесь же в доме!

О-о, кажется, кто-то бежит, и, судя по легкости шага, Аленка. Опять куда-то послала ее Настя. Как тяжело ее встретила жена, так и не прижилась, все норовит ревновать и под этим поводом как-нибудь отругать, слава Богу, не выпороть. И ведь не отчитаешь пока Настю, не обсмеешь ее ревность к сопливке девчонке. Если она все еще не образумится, что мало вероятно, придется ее выдать замуж и направить куда-нибудь в городской дом-замок, которых, к счастью, сейчас достаточно.

— Стой, Аленка! — едва остановил он девчонку, — где барыня находится и в каком она состоянии?

Инерция разбегавшейся малышки так была велика, что чуть было не развернула взрослого мужчину в пять пудов веса. Но он все же устоял и тормознул бывшую нищенку.

— Ой, барин! — белозубо улыбнулась она стеснительно, но руку его не отпустила. Похоже, она все еще не чувствует себя женщиной и не понимает, что от большинства мужчин надо держаться подальше, если не хочешь оказаться в интересном положении или, хотя бы, не получить авторитет гулящей девки. Или влиятельным господам, по его мнению, все возможно?

— А меня как раз за вами послали. Барыня подумали, что, наверное, вот-вот приедете, а его не найдете. Дом, чать, большой, а нас здесь немного. Так ведь и не найдете друг друга-то, поди.

Эх, крошка, как я тебя понимаю. Даже мне, человеку XXI века, и то видится дико. А тебе дитю маленькой крестьянской избы, кажется невообразимо.

— Пойдем, Аленка, к моей бедной жене. Где она, кстати? — как бы между прочим поинтересовался Андрей Георгиевич.

— Так это у камина, — простодушно удивилась Аленка, — ноги греет. Объяснила: у беременных всегда так, то жарко, то холодно. Маленький-то к жизни привыкает, а с ними и мама мучается.

— Боишься так же забеременеть? — полюбопытствовал Макурин, хотя и понимал, что девочке, может быть, и неприятно.

Но Алена, как и все крестьянки, видела жизнь практически. Пояснила дурачку барину, не знающего простую народную жизнь:

— Грешно не рожать, пусть и мучительно. Или я не женщина какая? Грех не принести новую жизнь и напрасно прожить свою судьбу.

«Во ведь... женщина, — удивился Андрей Георгиевич мысленно, — сама-то еще пигалица, а рассуждает, как взрослый человек. Еще учить начнет жизни».

Словно услышав мысли барина, она невзначай поинтересовалась:

— Хозяин, а ты мне мужа хорошего найдешь. Пора уже, пятнадцать годов пришло. Чтобы все, как у людей, в церкви батюшка благословил, а потом детишки пошли. Худо без них-то будет.

«Экая она меркантильная, все выгоды ищет, рыжая лиса плутовка. И ведь даже не стесняется совсем!»

Подумал несколько цинично, и самому стало неприлично. Жизнь у них такая, а не они такие. Родился, вырос, рожай сама поскорей, пока молода. А то потом рожать будет тяжело, с кем будешь в старости? Это ведь не ХХI век, когда государство по-барски с господского плеча дает пенсию. Сейчас считается нормально, когда дети кормят. А для этого их надо сначала родить. Как это говорится: один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — вот это сын. А барин, этот самозванный отец, все тянет, своими делами все занимается.

— Найдем тебе, Алена ровню. Чтобы ни он тебя не стеснялся, ни ты его. Сама-то не смотришь? Вдруг какому понравиться, а?

— Что ты, барин! — возразила она, наконец-то заалев, — стыдоба это, самой мужа искать. Батюшка или, вон ты, барин, найдешь мне жениха хозяйственного, состоятельного. Вот и будет у нас любовь.

«А что, может и действительно выдать ее замуж? — подумал вдруг помещик Макурин, — мне раз плюнуть, а девушке жизнь исправим. Заодно и Насте повода больше не будет нервничать».

Вот как оно сказывается большие размеры зданий! Пока дошел до жены на третий этаж, додумался служанку замуж выдать. Оно хоть и не родная дочь, но и не совсем чужая. Вот через год детей придется в доме — Настя с сыном, ее подружка с просто ребенком и пока Аленька потенциальная жена.

Подумал и решительно шагнул в комнату, где сегодня остановилась Настя. Это была уютная гостиница, и в центре стоял, как водится, красивый, уютный камин, по решению хозяйки зажженный, где она, находясь в роскошном кресле, грела свои ноги, протягивая их к горячему огню.

Хотя по зимнему холодному времени в доме топились все четыре печи, но камин как-то не казался лишним. Андрей Георгиевич с удовольствием протянул руки к открытому огню, заодно поинтересовавшись у жены ее здоровьем.

Нехотя поздоровался, понимал, что прямо ведь нарываешься на «приветы».

И ведь точно! Настя с полуоборота, едва успев рассказать про «плохое здоровье», наехала на любовные отношения мужа со служанкой Аленой. Ладно хоть, не стала ругаться матом, но все равно не хорошо. Ведь то, что маленькая девушка, почти девочка стоит невдалеке, ее совершенно не волнует. Простые люди — это, как видно, и не люди совсем.

В раздражение, он несколько раз ударил кулаком правой руки по открытой ладони левой. Хорошо, хоть не в личико ударил, хоть так не смог.

Настя, почувствовав, что переборщила и муж может взорваться, притихла. Сказала жалобно:

— Я плохая жена да? И не красивая очень, так ведь?

— Не говори ерунды, Настя. Ты очень красивая беременная женщина и верная жена, просто из-за этого очень капризная. А я вечером прихожу усталый и без того нервный. Помни, самая легкая возможность получить от раздраженного и злого мужа кулаком в свою прелестную мордашку — нудеть по мелкому поводу и без повода обо всем!

— Да! — неприятно удивилась Настя, — ты такой всегда добрый и милый, и ты святой!

— Я, прежде всего, человек, — отрезал Макурин, — и ничто человеческое мне не чуждо. А вот ты злая, явно тешишь Дьявола. Помни об этом! Когда я ударю тебя, я буду мучить не тебя, а дьяволово семя в тебе.

— А-а-а! — только и могла сказать Настя, поглаживая по большому животу, как последнему доводу в свою пользу.

Однако, она не учла, хотя и знала, что в животе у нее находится мальчик, тоже будущий мужчина. И он энергичными пинками дал знать, что он за папу и, соответственно, против мамы.

Бедная женщина горько заплакала от боли и тоски. Не для того, чтобы разжалобить нехорошего мужа, а просто стала лить от плохой, как она думала, жизни.

Макурин вздохнул. Ведь же ж, опять он стал виноват! Как женщины умудряются это делать?

Присел на карачки рядом с ее креслом, уже мягче сказал:

— Не плачь, милая, я еще не бил.

От того жена зарыдала громко, слезы уже не капали, а лили из глаз ручейками. Ох, как трудно разговаривать с беременными женщинами. Ты или должен со всем соглашаться, либо чувствовать себя откровенным злодеем.

Остается только крепнуть и думать в русле народной пословицы: «чем больше женщины плачут, тем меньше они ходят по нужде». Ладно уж, раз такая драка:

— Чем Алена тебе не нравится конкретно, Настя? Скажи мне, я немедленно решу эту проблему?

Сказал, а сам подумал, что главная проблема — беременность, а точнее, повышенный гормональный уровень. Впрочем, Алену все равно надо выдать замуж. А Настя, так или иначе, найдет причины горько пореветь и позлословить про нехорошего злобного мужа и хорошую лапочку жену.

— Она, — всхлипнула Настя и задумалась. То, что на сейчас завидует красоте и молодости Алены и ревнует, поскольку муж просто так с ней разговаривает, это точно. Но что конкретно? Говорить, что она ревнует из-за их разговора при ней, Настя не хотела, поскольку даже в таком неуравновешенном состоянии понимала, что это довод глупой дурочки. Наконец, сформулировала: — мне не нравится, что она такая красивая и незамужняя, находится рядом с ней и ты с ней разговариваешь, а за моей спиной, можете целоваться и вообще!

— Пусть, — согласился Андрей Георгиевич, — красивая, это не ко мне, я ее уродовать не буду. А вот замуж выдам. Да, Аленка?

— Да, барин, — тоненько, наконец, произнесла девочка, судьбу которой взрослые делили, как мешок картофеля.

Женитьбу служанки Алены, пусть и свободной, но бедной и без мужского родственника, решили быстро, но бесповоротно. Ее ДА стало словно железобетонное, уже и не зависящее от нее. Впрочем, судьба девочки никого кругом и не волновала. Хочет ли она замуж принципиально, нравится ли ей предлагаемый жених, о котором она и не слышала, кем она будет после замужества — эти вопросы решались по большей части Андреем Георгиевичем. Хорошо хоть он беспокоился о служанке. И жених был выбран пусть и не по любви, но, по крайней мере, был он такого же возраста, пригож, не пьяница.

А вот в остальном же парень был не столь хорош, как бы хотелось. Звали его Андрейка и был он комнатным слугой и крепостным. Кормили его из общего котла, как и одевали, спал в общей мужской комнате. Ну а денег он, соответственно, не имел совсем и, похоже, по жизни их не держал.

На звучный окрик хозяина «Андрейка» он прибежал сразу. Делать ли чего, получить ли на орехи или запомнить будущее задание — он был на все готов. Одно слово — молодой комнатный слуга, почти мальчик на побегушках.

Но и он чуть не споткнулся, когда барин сообщил, еще бегущему, что он сегодня женится. Мужской пол более сдержан к семейному будущему, не ему же рожать. И вообще, понимал ведь, что когда-нибудь в будущем будет и у него избранница, но пока барин еще каменно молчит.

А тут барин вдруг заговорил, да так, что Андрейка почувствовал, у него враз ноги задрожали. Хотя его, по большому счету никто и не спросил. Сказали, что женится и вот твоя будущая жена, встань рядом с любезной.

От неожиданности да еще от непонятного стыда, парень сначала даже не посмотрел на свою девушку. Да и она строго уперла глазами в пол. И не пошевелинется, как будто и не ее сейчас замуж выдают!

Барин и барыня заговорили о своих задумках, об императорском дворе и, страшно сказать, об его императорском величестве! А новобрачные, которых все это и совсем не касалось, ибо простого народа высший свет совсем не имеет касательства, потихоньку начали шевелиться. Андрейка тихонечко искоса посмотрел на нее и, о ужас(!) увидел, что и она тайно поглядывает на него. А потом их взгляды встретились, и обоим стало так неприлично, как будто подглядели ненароком.

Макурин, завершив разговор о завтрашнем визите к императорской чете, которая очень живо интересовалась о беременности и о скорых родах, прежде всего, надо сказать, своей бывшей воспитанницы, а уже потом жене святого, такого воспитанного поданного, что и государь не мог уже напрямую приказать. Настя, как будто и не была во дворце никогда, задавала неприлично многих вопросах, на которые он, ее супруг, должен был обязательно отвечать. Наконец, уловив, что ее любопытство ослабло, предложил перейти к молодым. Те ведь пока что все еще оставались холостыми!

Сегодня вы станете мужем и женой! — объявила Настя и подозрительно поинтересовалась: — или не хотите?

Тон был такой неприятно — злой, что новобрачные поспешили успокоить ее, что уже давно хотели и вот, благодарение Божье, наконец-то обвенчаются.

Это было совсем не правда, и Андрей Георгиевич довольно-таки постыдился за жену,

предупредив, что она все же не священник и Господь Бог, хотя и признал крепостничество, но не любит, когда барыня выступает от Его имени. Смотри, не взлети!

Тема была настолько нехорошей и довольно неприличной, что Настя осеклась. А ее муж, воспользовавшись этим, объявил, что сейчас же отправят слугу в ближайшие церкви. Там и закажут в свободной таинство венчания. На вот вам для попа и для свидетелей, — он вытащил из кармана стопку ассигнаций и протянул Андрейке несколько пятирублевых, а Аленке — десять рублей, — предупредил, положив еще в ладони каждому звонкую мелочь: — не забудьте купить свечки Господу Нашему и зажечь их у церковного иконостаса.

А как пройдет сие таинство, то прикажу я вам принести свадебные подарки — семейную комнату на веки вечные с мебелью и бельем, по пятьсот рублей каждому и пир в честь свадьбы.

Подарки были так себе, что комната, что мебель, что свадебная пирушка, и Макурин бы откровенно обозлился, даже не как житель XIX века, действительный тайный советник и полномочный министр, а скромный попаданец XXI столетия. Ведь даже деньги были как какое-то пожалование, а не как добросовестный подарок.

Но молодые, никогда не получаемые такие подарки, да что там говорить, они вообще ничего не получавшие, подношения же их хозяев были очень большие и роскошные, прямо-таки царские — начиная от свадьбы и венчания и заканчивая свадебным пиром и деньгами. Как молодые и неопытные, они, разумеется, почти ничего не знали, или почти не знали о столичном служебном мире. Но, будучи жителями XIX века да еще нижнего уровня, понимали, что господа их несказанно балуют. И от этого они даже не слушали, какие они получают подарки. Их несказанно радовал уже сам факт, что хозяева им что-то дарят.

Макурин их понял и дал им время успокоиться.

— Андрейка, — сказал он благосклонно, — поди, скажи, Агафье (это управляющая их городским хозяйством), чтобы обязательно направила вас в баню, да по отдельно, а потом, дала вам одежду получше. День вам даю выходной от службы, отдыхайте!

Молодожен, как ветром сдуло, и Андрейку, и Аленку. А жена вдруг горестно зарыдала, как будто в последний путь их отправляла.

— Ты чего? — удивился Андрей Георгиевич, впрочем, уже догадываясь, какого черта она тут опять льет слезы.

— Жалко их! — плаксиво призналась Настя, — такие еще молодые, буквально маленькие, — а мы их уже под венец! Сможет ли Настя родить-то?

Вот же ж! Сама же на нее нападала, ревновала почему зря ко мне, чуть не избивала. Но отругать точно хотела. А теперь вот жалеет. Интересно, кого она сама родить сумеет, такую же слезливую дурочку? Или мальчик пойдет в меня, хоть чуточку благоразумнее?

— У крестьян большинство девок в эти годы рожают, даже меньше, — спокойно ответил Андрей Георгиевич, напомнил: — и потом, из-за чего она выдается замуж за Андрейку так скоропалительно, а?

Настя только еще более разрыдалась, потом так же немедленно перестала рыдать, как и начала, объявила:

— Я сама посмотрю одежду для молодоженов, — и добавила, — Аленке из своей старой одежды отдам, пусть сама пошьет. Мне уже не надобно, а ей самый раз!

— Ага, — одобрительно поддакнул жене Макурин. У дам высшего света мода очень капризна, два-три раза выйдет на людях и все, наряд больше нельзя носить. Или мода устарела, или наряд приелся. У Насти сотни платьев в запасе, которые никогда не будет

носить. Предлагал было продать, хотя бы в помощь для бедных, так чуть не обматерила, так разозлилась. И ведь его также заставляет ходить, прости Господи «по моде», только вицмундир и спасает. Предложил в ответ: — посмотри и мое старье, Андрейке точно подойдет, невесте отдать, та на живую нитку быстро подгонит.

Супруги не зря говорили о работе Алене. Вчерашняя нищенка, вдруг откуда не возьмись, превратилась в талантливую белошвейку. Наряды она еще сама не шила, но подгоняла от городских модных портних легко и быстро. На мужской, не очень-то опытный взгляд попаданца, ничего будет удивительно, если она и сама начнет шить. Похоже, Настя тоже об этом подумала. Ведь хоть и ревнует, и из-за беременности пусть в длину, пусть в ширину, а все думает о будущем, когда она снова станет красивой и стройной, и ей позарез будет нужна опытная портниха.

Ведь и Алену максимум согласилась выдать замуж, а чтобы отправить в деревню, то молчок. И одежду ей сама поищет и извинительные благодарственные слова найдет. Алена сама не поймет, как благодарна ей будет. Станут «дружить» вместе против него такого бедного.

Похоже, все празднество было сделано, с подачи Насти, таким образом, чтобы его трогать меньше всего. Да и то, что-то он к вечеру стал уставать. Сам не понял, как уснул. Потом, уже на следующее утро, жена язвительно сообщила, что молодожены приходили к нему, но не сумели разбудить. Или не решились толкнуть сильнее?

Ну и Бог с ним с престонародной пьянкой. Все равно, на это смотрят косо и аристократы, и простой народ. Как же это, барин и пьет с простым народом! Да еще престонародный напиток водку! Фу-у!

Сам Император Николай на это смотрит нехорошо, а, вместе с тем, и все общество. Ему, как святому, это было, в общем-то, все равно, но раз проспал, так проспал. Главное, жизнь одной женщины (Алены) он упрочил и при этом отношение с другой женщиной (Настей) не ухудшил. И на этом до свидания!

На следующий день, а это был воскресение, Макурин почти не работал. То есть министерство не работало, а то, что он немного потрудились столоначальником, так это добровольно, а воскресная проповедь вообще для бессмертной души и она совсем не для выходного.

В промежутке между этими «трудовыми подвигами» он «отдыхал», и в связи с этим, вывез жену в Зимний дворец. Это ведь не составляет работу? Как же, не сам ее тащил, а лошадка, а при императорской чете Макурин и слова не сказал, как, впрочем, и сам Николай I. И жена монарха императрица Александра Федоровна, и его жена Настя соловьями пели про несчастную женскую долю и тяжелую беременность, благодаря чему все человечество выживает, а мужчины и поблагодарить забывают.

При этом обе женщины откровенно косились на Андрея Георгиевича. Ну Настя-то ладно, он и не собирался отказываться от отцовства, а Александра Федоровна с какой стати стала наезжать? Разумеется, ни императрице, ни, тем более императору он высказать свое Фи высказать не осмелился, но жене по дороге домой он все же проворчал, что с какой связи Александра Федоровна его к своим детям прикрепляет.

Настя, как молоденькая девчонка, расхохоталась. Потом, правда, держась за живот, долго молчала и кривилась. Андрей Георгиевич, молча прижавшись к ней, подумал, что вот это точно Божья помощь. Не фиг кривляться.

На это, однако, уже сама Настя, даже не зная, о чем он мстительно думал, ответила

точно в тему:

— Ты, Андрюша, святой и с этой стороны как бы представляешь здесь на Земле Бога. А Господь Бог, как в церкви постоянно говорят, отец всего сущего!

— Да ну вас, женщины! — не согласился Макурин, — я только отец нашего сына. Кстати, все забываю тебя спросить, как ты его назвала?

— Хм, а ты обратил внимание, что во время этого разговора его величество никак не возражал, хотя уж он-то, если ему что-то не нравится, обязательно скажет, — ответила Настя и подколола: — а почему НАШЕГО сына должна обязательно называть именно Я?

На это у Макурина был достойный ответ:

— Естественно, милая, назвать ребенка могу и я, и сделать это не трудно. Но я хотел бы, чтобы и ты принесла в его имя что-то, как мама. А то ведь мучаетесь сколько, как вы говорите!

— Ха, а ты? — протестующе сказала Настя, — дескать, а от тебя чего останется, мой любезный?

— А от меня в любом случае сына останется отчество! — торжественно ответил Макурин, — он будет Андреевич!

Реплика для моей жены оказалась очень неожиданной, но достоверной. То есть, не реагировать на нее она не могла, а отвечать не умела. Во всяком случае, молчала минут пять, что для болтливой женщины было очень много, потом серьезно провозгласила, как бы на официальном уровне: — Андрей Георгиевич! — она опять помолчала, поскольку в голову больше ничего не шло, и закончила очень тихо: — моего... нашего сына зовут Дмитрий.

Хорошее имя, хоть здесь напортачила, моя прелестная девчушка. У меня, правда, был еще один вариант еще разговор с императорской четой, но сейчас, когда Настя была взбудоражена, ей об этом лучше не говорить.

Ведь многоопытный Николай I не стал убеждать женщин по одной причине, — поскольку понимал, что с ними бесполезно спорить. Она все равно останутся в своем мнении, а вот ты, в конце концов, станешь дурак дураком.

Скажи он об этом, плачу и крики могло бы быть на следующих днях много, так что еще не раз пожалеешь, что научился говорить.

К счастью, их санки подошли к дому и он не должен был отвечать. Вместо этого, ему надо было помочь жене вылезти их санок и зайти домой. Сам же он, поскольку вечер будет еще долгий, проедется в порт Санкт-Петербурга. В тамошнем трактире был явно намечен рост прибыли. При чем уже который месяц, несмотря на сезон. Это означало только одно, — говоря современным языком, администрации трактира пополнена умелым менеджментом. В этом случае, как и при провале, действовать необходимо немедленно.

Макурин пожевал нижнюю губу, рассердился на себя, так как даже в душе не мог признаться, что попросту хотел удрать от беременной жены. Все от лукавого, а нет ума. Это понимание позволило ему не так страшно сопротивляться, когда Настя, увидев, что муж не остается дома, а, прикрывшись неотложными заботами, вновь уезжает, тоже запросилась с ним. И ведь как сумела-то! Сначала пробовала покапризничать, увидела, что не только не помогает, но и наоборот, Макурин становится жестче. Тогда, отодвинув беременность и вместе с тем гормональную зависимость (хотя в это время никто еще не знал, что это такое), стала действовать холодно и рационально, в два счета убедив мужа в том, что она должна ехать с ним.

— Андрюша, я не буду тебе докучать, там и без того хватит интересных картинок. Зато

потом, дома, я, устав, скоро лягу, и ты весь вечер останешься без женского нытья и криков. Потом...

Она попыталась еще найти доводы и довести их до грозного мужа, но тому уже хватило сказанного.

— Пойдем, — сказал он и даже озаботился: — а тебя не растрясет в санках? Не много поездила сегодня?

— Не растрясет, — оставалась она довольной его реакцией, — у санок плавный ход, а ты так мягко обнимаешь.

— Хм, — усомнился Макурин в ее словах, но комментировать не стал. Может быть, они уже подошли к санкам, а жена, как он убедился, на всякое его слово находит нескольких своих. Так что, если муж не собирается вечно оставаться около дома и мерзнуть на морозе, то ему лучше помолчать.

Молчал он и в санках, видимо рассерженный настойчивостью жены. Впрочем, недолго. Настойчивость Настеньки и оживленность многолюдной улицы, а ему приходилось постоянно отвечать на приветствия, сделали свое действие, к трактиру он приехал спокойный и деловитый, будто его еще только что не пилили тупой пилой.

— Рассказывай, — предложил он Мишке с Урала, — поделись опытом, как тебе удалось на пустом месте увеличить доходы?

Макурин, собственно, и сам представлял, как, но парень, да просто подросток, должен был разговориться, а заодно расхвастаться. Ему же слушать будет не сложно. Потом, попаданец уже неоднократно убеждался — самые обычные и до нельзя знакомые факты, переработанные в чужом сознании, оказываются вдруг в совершенно ином свете.

— Как скажете, господин, — немедленно отреагировал Михаил Уральский таким подобострастным тоном, что сразу становилось ясно — играет, шельмец. А прозвище ему пошло с подачи иностранцев, которым он представлялся, как Мишка с Урала и которым его соответственно называли, — тот час же скажу!

Вот ведь как! Обычно его собеседники сразу же вступали в тупик, не зная, как его чинопочитать. По светскому званию — его высокопревосходительство, а по светскому? А какое выше и, главное, какой он злит? А то ведь обидится, у-у-у! а этот плутоватый постреленок сразу выпутался. Правда, с невнятными ошибками, так ведь никто не знает (и он не ведает), как называть святого в рамках николаевского чинопочитания. И потом, ему и не важно, по большому счету, особенно если сравнит с чинами других исторических эпох. Так что по пословице — пусть хоть горшком назовут, лишь бы в печку не клали!

То есть, конечно, не совсем так. Чинопочитание он тоже не может отменить, особенно в официальных эпизодах. А вот так вот, в своих трактирах да со своими же ребятами, которыми он симпатизирует.

— Так что ваше высокопревосходительство, — уже нормально сказал Мишка, — дело все в двух весчах — во-первых, в вежливом обращении, всякого иностранца мы обиходим на его же языке, во-вторых, у нас сейчас все готовится на колодезной воде.

— Ага! — одобрительно обратил внимание Макурин на важный фактор международных отношений, — добил-таки воду!

С точки зрения всех обычных хотя бы немного понимающих людей, например, тех же мужчин, второй фактор будет гораздо важнее. Но Настю, как типичную легкомысленную женщину, особо обратил другой факт, не такой важный, зато красочный — языки.

— Parle veau france, Mishel? — весело перебила она мужчин, занимающих своим

скучным и серьезным.

Мишка осклабился. Трактир в Санкт-Петербурге было такое общепитовское учреждение, где все могли быть — от простонародных крестьян, уважающих водочку, до представителей высшего света, желающих заесть морской поход в Западную Европу вкусным обедом. И он уже знал, что у господ женщинам много что позволено не в пример у простого народа.

Посмотрел на всякий случай на Макурина, тот не возражает. Пусть жена повеселится по пустякам, всяко не злится. Полюбопытствует, а потом и он посмотрит. У него дело, разумеется, много серьезное, чем просто женское любопытство, но не срочное. Если немного промедлится, хуже не будет.

— Oui madame, — свободно произнес Мишка, на всякий случай уточнил: — Un peu.

Ничего себе немного, — озадачилась Настя, — всем бы господам из высшего света так суметь. Откуда он у тебя, — обратилась уже к мужу, — из Сибири привез?

— Из Урала, — уточнил Андрей Георгиевич. Дождался, когда жена отвернется, лихо и легкомысленно подморгнул. Дескать, перед женщинами высшего света не тужуйся, но и для себя ничего не ожидай. Все это пустяки.

И ведь позорно промахнулся, ладно хоть ничего не сказал, а жестами мало что можно придумывать. Во-первых, Настя за хорошее знание французского наградила Мишку красненькой (10 руб. ассигнациями). И ничего, что у нее не было денег, она легко взяла из кармана мужа, даже не спросив у того — ни жестом, ни словом. Во-вторых, как бы вспоминая, спросила у него: — К тебе же в министерство должны прибыть послы? Вот и переводчик нашелся!

Настя торжествующе посмотрела на мужа. Действительно, в министерство религий России на недели должны прибыть послы нескольких европейских стран. При чем не просто так, а по приглашению российского императора. Николай I, по сути, решал похвастаться, — Мол, вот у нас какая свобода! Крепостничество есть, это мы не скрываем. Зато всякий может, даже мусульманин и еврей, верить своего Бога беспрепятственно. И Андрей Георгиевич совсем не возражал против их с визитом, но ведь он не знает столько языков! Только французский с нижегородским отливом и матерный и все! А министерство иностранных дел даже не пошевелилось. Не нашего министерства сфера, пусть и сами мучаются.

Об этом Макурин сегодня жаловался императору Николаю I в присутствии женщин, вот Настя, как не во время, и вспомнила. И что она все лезет не в свое дело? Он и сам помнил про молодого полиглота, память еще не сдает. А вот, что монарх, увидев такое чудо, скорее всего, опять безвозмestно возьмет его себе, жена, конечно, не подумала. Женский разум, чем длиннее волос, тем глупее ум. Семья-то будет в убытке, ты это понимаешь? И, более того, ты сама проиграешь, как ты до этого не дойдешь, моя милая, но глупая?

Они, кстати, об этом говорили вскоре после венчания. Не про переводчика Мишку, разумеется, а про более разумную трату средств. Нет, он не был Плюшкиным и не считал необходимым подсчитывать каждую копеечку. Но и разбрасывать деньги просто так он не считал нужным. И тут уж был не гендерный подход, а разный уровень жизни. Попаданец был вынужден с детства считать каждую копеечку (XXI века, когда с них уже почти ничего не купишь). А Настя, пусть и была сиротинушка, рублей совсем не считала, в лучшем случае сотни рублей (полновесных рублей XIX века). И как тут с ней поговоришь? Он, в общем-то не возражал против выдачи Мишке ассигнации, сам этим грешил. Но зачем провоцировать

Самодержца на конфискацию их человека? А ведь он точно возьмет, или он совсем не знает императора?

А вот скажи ей все про это, сразу пойдут слезы, сопли, вопли — ты меня не любишь, тебе почему то не хочется верить про дворянскую честь. Короче говоря, женщине, а тем более, беременной женщине лучше не говорить. Не поймет, а еще так извратит, что сам будешь дурак.

И посему Андрей Георгиевич только мысленно тяжело вздохнул (не дай Бог Настя увидит) и покорно согласился:

— Да моя дорогая, ты, конечно, права. Сделаем, как ты желаешь!

А что, сам виноват! Еще ведь как домогался, чтобы Настя стала его женой? Императорская чета аж вмешивалась. Теперь радуйся, дурак, жена красавица, денег куры не клюют, положение выше некуда, сам император Николай не приказывает, а мягко просит!

М-гм, что это я, еще истерику закачай! Все же хорошо, положение действительно высокое, денег столько, что и не сосчитать, доходы специальные приказчики выводят. А Мишку, жалко, конечно, но ведь и Самодержец понимает, что он мне будет должен, да и мне, грех не поторговаться. Прямо-таки с десятков человек поучиться на специальных курсах при императорском Московском университете, чтобы потом работать в моей сети общепитовских учреждений.

А жену я уже прищепил. Она хоть и женщина, но умная. Просто ум у ней своеобразный, с параллельным вывертом. Все равно ведь поняла, что я подтвердил, что мы сделаем, как она пожелает, но про то, что она права, не сказал! Мишке только надо пошить хорошую пару, а то эта трактирная одежда выглядит даже страшно, во всяком случае, около министра его не поставишь. Однако, пойдём дальше.

— Милая, нам пора, — позвал Макурин, — Мишка, где ты, покажи, какая у нас водопроводная система в трактире?

Все-таки хорошо, что, как не сделаешь и как не наругаешься, или, точнее, как тебя не наругает жена, а спать ложимся вместе. Семья же! А в XIX веке это навечно. Как не поскулишь, как не поскребешь, а жена будет одна — единственная. Ибо не фиг! Обвенчался перед Богом, интим провел с новобрачной — теперь терпи до конца земной жизни. Ошибся? Ха, когда ошибся, когда венчался или когда решил, что ошибся? Сам не понял? А что тогда заскулил, венчание — это не благо, венчание — это новая тягость, данная нам Господом для создания новых человечков.

Это ведь начиная с XX века, когда церковный брак заменил светский, он хуже носков, поносил немного и сбросил, — мол, не хочу, и детятю с женщиной по боку, государство есть. Слава богу, в XIX веке до этой дурости еще не дожили. Мужик сделал, мужик должен терпеть. А баба тут совсем не причем, она как флюгер за мужиком.

Осторожно пошевелинулся рядом с беременной Настей. Какой бы он не был, и какой бы ты не была, а все равно будем вместе, на веки вечные.

Это, кажется, была последняя его осознанная мысль на сегодня, потом уже только сны — глупые и счастливые, осознанные и страшные. Все равно, прошли и ушли, только невнятный отзвук оставили.

А Настя спит, ей сейчас спать за двоих, пусть мучается, зато потом мать на долгие годы. С мужской точки зрения, здорово и счастливо. А с женской? Да хрен его знает. По-моему, они и сами не знают, хотя и пытаются убедить наоборот.

Андрей Георгиевич еле слышно усмехнулся, медленно, чтобы нечаянно не разбудить жену, поднялся с семейной постели.

Ан нет, не получилось. Настя недовольно зашевелилась, сонно потянула:

— Спи-и да-а-вай, рано еще!

— Ну да! — не согласился Макурин. Резко одернул штору на окне спальни — стало сразу светло. Прокомментировал: — где-то девятый час уже. Если не собираешься день проспять, вставай!

— А и посплю, пожалуй, — мирно согласилась Настя, делая вид, что не понимает предложения мужа вставать именно с ним.

Ну а ему хватило благоразумия не настаивать. Поцеловал в лобик — что подвернулось в лице, то и поцеловал. И повернулся в столовую. Не уезжает же на год, чтобы всерьез прощаться!

Во дворце по дворянскому обычаю, и с учетом общих масштабов площади дома, многое дублировалось, главным образом по принципу: для гостей и для себя. Вот и столовых было только для господ две: большая, так сказать общественная — великолепное большое помещение с просторным столом на втором этаже. И домашняя, небольшая, но уютная, рядом со спальней хозяев.

Андрей Георгиевич, честно говоря, думал, что уж сегодня-то Аленка подменится. Новобрачная же ночь! Но нет, пришла, как обычно. Только на лице то и дело напознала шальная улыбка, словно как кошка после незаметно съеденной кринки сметаны.

— Что, Аленка, не понравилась семейная ночь? — почти с отцовской интонацией спросил Макурин. Хотя ведь, как сказать, может и отец он, не биологический, а от Господа Нашего Бога.

Служанка, бывшая нищенка, уже много прожившая несмотря на малость лет, считала так же. Не смутилась, как водится, когда женщина говорит мужчине интимное, а вдумчиво со сладострастием сказала:

— Ах, как приятно спать с мужем! Как я до этого одна жила? Спасибо, вам барин, век буду Бога благодарить!

— Смотри, я, как-нибудь узнаю, держишь ли слово!

— Спросите на молитве в церкви? — невинно спросила глупая девка. Ойкнула, вспомнив, что он не только важный барин на Земле, но и святой на Небе, освободив руки, низко, поясно поклонилась на красный угол с иконостасом. Потом так же низко Макуруину: — извиняйте, святой наш отец, сболтнула, не подумав.

— Смотри у меня, — почти серьезно пригрозил Макурин, — я могу многое простить, но не вину Господу. Наложу тебе епитимью, будешь маяться, смывать грех перед самым хранимым Богом.

— А-а, он каждого из нас знает? — шепотом, словно прячась от Всевышнего, спросила служанка.

— Алена, Господь наш Всемиловитель слышит все. Точнее даже, не слышит, а чувствует. И поэтому, что громко ори, что тихо шепчи, праведнику он ответит, грешнику не отзовется.

— О-о, — уже нормальным голосом сказала Алена, — а вот барин... он правду до каждого из нас дотягивается? Правда? — видно было, что молодая женщина и борется со скепсисом, и хочется поверить, — с каждым из тысячи тысяч?

Макурин развеселился от такой простоты. Подтвердил:

— И тысячи тысяч, и миллионам. Ты знаешь, что такое миллиард?

— Знаю, — подтвердила она, но таким тоном, что сразу становилось понятно — врет!

Ну и ладно, поскольку замаялся бы он простой девке, пардон, женщине, XIX века объяснять, что такое миллиард.

— Алена, поверь мне на слово, у Господа Нашего Бога нет такого понятия, как время и отдельный человек. Он может разговаривать со всеми людьми одновременно в прошлом, настоящем и будущем, со всеми сразу и с каждым по отдельности.

— Как!?! — служанка так была ошеломлена, что вытаращилась на помещика в упор, как честная девушка на черта.

— Тьфу на тебя! — буркнул Макурин и взглядом отодвинул, хлебнул чаю. Вот ведь, глупая такая!

Он уже думал, что она от него отстала и аппетитом начал есть мясной сдобный пирожок с чаем, ай, какая прелесть, но Алена, повертевшись, все же не выдержала:

— Прости, барин, а можно еще спросить? В последний раз!

Он вздохнул, подумав, что выпороть бы эту бабу, да ведь плакаться начнет. Нехотя сказал:

— Ну, если только последний раз.

— А как это он делает? — выпалила Алена.

— Ха, да ты вопросы задаешь, как академик из Академии наук, — удивился попаданец и подумал: «А как я тебе отвечать буду — знаками или на пиджин-инглиш?»

Действительно, как? В XIX веке нет такого понятия, как компьютерная технология. При чем, нет понятия и компьютерная и технология. Даже телефонов еще нет. А ты тут майся, молодец, расскажи, пожалуйста. Тьфу!

Пошел по простому пути, пусть и честному. Сказал:

— Я бы проведал тебе, Алена, все откровенно, но слов пока еще не придумали, типа notebook, aljance, principle line и т. д. И еще лет двести не придумают.

— А... ты все знаешь в будущем? — так умильно расплылась Аленка в лице, что попаданец угадал на 100 процентов: — а расскажи, что там будет?

Холодно улыбнулся дурочке:

— Конечно, я знаю все будущее, ведь я же святой, спрашивай!

У Аленки аж руки задрожали:

— Скажи про мою судьбу!

— Пожалуйста: родилась, жила, умерла, — с холодным лицом сказал Макурин.

— У-у-у! — разочарованно протянула служанка.

— Я даже вот что тебе скажу — сегодня тебя выпорют как сидорову козу за любопытство, — угрожающе приподнялся Андрей Георгиевич, — прямо сейчас! Хочешь?

— Нет, барин, не надо, я же не со зла, — поникла Алена.

— Вся правда о прошлом и будущем только у Господа Бога, вот у него и спрашивай. Молись на икону, он, если захочет, то ответит.

Лицо у Аленки на миг было, как у того выступающего со спектакля одного актера, одновременно боязливое лукавство, неумеренное любопытство и четкое понимание, что барин действительно выпорот за ее наглость.

Вспыхнула так с взрывом эмоций, и затухла в серой повседневности.

А вот нахрен лезть в наши Палестины! — удовлетворенно подумал Макурин, — а то ишь, захотела — и замуж отдать и все рассказать! Оп, а что там за шевеление в спальне?

— Алена, — приказал он служанке, — поставь-ка на стол еще одну чайную пару.

— Ага, — ни чуть не удивилась служанка. И ведь понимает, что не для нее. Феодализм, мать его, — сословная предрасположенность! Ни он ее даже не подумает пригласить к столу, ни она осмелится даже подумать. Хотя... она ведь не дура, попила чаю перед господским столом? — барыня поднялись?

И не ожидая ответа, шмыгнула в спальню.

— Эх ее, — сердито-ворчливо отметил помещик, которого все бросили, — балуем девок, а они и нахальничают. С другой стороны, — возразил он, — если каждый день барыне помогают во всем, даже сугубо женским, то почему бы и сегодня не помочь. Не я же полезу с помощью? Хотя я бы и как раз мог бы, э-эх!

Настя в это утро с трудом поднялась с постели и кое-как пришла в столовую. Тут уж Андрей Георгиевич не мог не выдержать, подскочил, помог Насте. Попутно понял, что беременная женщина не болела, просто организм уже плохо может таскать ребенка.

Не стыдясь Насти, вот еще(!), снял с жены нечто вроде домашнего халата и мягко, но довольно сильно промассажировал мышцы спины. Кровь побежала активнее, и беременной стало гораздо легче.

— Ой, как хорошо-то! — облегченно вздохнула Настя и приподнялась, помогая надеть халат, — ты прямо чудодейственный молодец!

— Мы такие, — негромко сказал Макурин с непонятым тоном, то ли посмеиваясь, то ли гордясь. Сам, не говоря служанке, пододвинул ближе к жене чашку чая на блюде.

Настя сердитая служанкой и довольная мужем, попробовала чай, горячий ли, сладкий ли? Аленка, понимая, что барыня ею недовольна, хотя ведь у него сто рук(!), стала активно ей подвигать закуски на вкус.

За столом на некоторое время наступило молчание, что никак не устроило двух болтушек. Макурина-то как раз устроило — хоть немного можно было помолчать. А чтобы нечаянно не вздумали к нему полезть, сделал сердитое лицо. Дескать, я Мишка-медведь, кто ко мне ползет, я не виноватый!

Помогло, Настя, хотевшая помочь, посмотрела на его лицо, решила поговорить со служанкой, дружелюбно, словно не она вчера гневалась:

— А ты Аленка, что такая сегодня квелая, первая ночь не пошла?

— Что вы барыня, ночь была хорошая, мужа мне подобрали хорошего, заботливого, — Аленка сделала такое мечтательное лицо, что Настя вслед за ней улыбнулась, а Макурин насмешливо хмыкнул. Вот говорят, что мужики обязательно заговорят о бабах. Только и бабы обязательно ведь заговорят о мужиках. Никуда не денешься.

Хмыканье было обидным обоим, но подколоть решила почему-то Алена. Обнаглела или, все же, обиделась:

— А вот барин меня сегодня обидел!

— Да? — голос жены заметно потяжелел, — надеюсь, он грязно не приставал, пока я спала в соседней спальне?

— Нет, — сконфузилась Алена, пожаловалась на хозяина: — даже хуже — он не сказал, что со мной будет в будущем.

— И что же? — не удивилась Настя такому нехорошему жесту мужа. Только обругалась немного, — ты не сделаешь такую мелочь! Если бы я тоже была святой, то я бы ей сразу сказала!

Вот ведь скотина, жена называется! Но ведь и я не ребенок, если уж на то. И ответить могу немедленно.

— Когда ты будешь святой, — сухо и неприязненно сказал Андрей Георгиевич, — то пожалуйста, хоть нагой ходи по многолюдной улице. А мне не смей указывать! — сказал, как отбрил, защищаясь, потом уже атаковал: — у меня дома, в домашней столовой я могу спокойно поесть без нервов! Достали уже!

— Но ты мог бы сделать... — спокойно сказала Настя мужу, как наскодившему ребенку, который никак не понимал своей вины.

— Я много чего могу сделать, — не попался на удочку у жены Макурин, — уже сказал тут одной представительнице вашего гнусного пола, что могу и высечь могу. Как тебе такой шаг, Настя?

— Ну! — спокойно развела руками Настя, обращаясь к служанке. Дескать, я что могла, сказала, муж не уступил, а дальше ты уж сама.

О себе она, разумеется, несколько не беспокоилась. Она все же жена и мать наследника, а не простонародная служанка. Муж еще не сошел с ума, чтобы набрасываться на нее со словами и даже с кулаками. Главное, не доводить его до такой степени, когда раздраженность пересилит спокойствие и умение разумно мыслить. Но тут уж она сама не дура. Андрюшу, естественно, она будет дергать, он же ее любимый муж, а не просто знакомый мужчина. Но нервировать будет до определенного уровня.

И, как ни в ничем не бывало, продолжила лакомиться вкусным пирожным, запивая его теплым чаем.

«М-гм, — Андрей Георгиевич осмотрелся вокруг, медленно остывая, — вечно они так, лахуры, сначала доводят до предела, а потом сидят спокойно. Мол, мы белые и пушистые и тут не причем. В итоге, сидишь, как дурачок и не знаешь, на кого броситься — нервы-то

тоже не стальные».

Пришлось опять же. вкуситься в следующий пирожок. Хоть так успокоиться. А то не сидеть же, как очухавший сумасшедший.

Кажется, наелся. Милые женщины, чтоб у них головы проело, пусть сами разговаривают — лаются, а у него полон рот забот.

— Я срочно в Зимний дворец, а потом, после обеда, в мое поместье, — сообщил он отрывисто, с тоном — не мешайте, бабы, у меня государственные хлопоты.

Настя капризно поджала губы. Кто ведь как — мужики бегут от беременных жен, им так легче, а женщины на сносях, наоборот, хотят, чтобы мужья сидели около них. Так спокойнее и мягче.

Но говорить, таким образом, не получится — и государство против в лице самого государя — императора, и общество никак не одобрит. Мужчины обязаны заниматься своими важными заботами — мужики пахать, дворяне руководить, чиновники развивать государство. А его супруг и тем более, он по своему чину и на Земле приводит массу важных дел, и, видимо, на Небе. Там не спросишь — и не как и не у кого. Не у Бога же спросишь у иконки. Ага, он ответит! Даже у светской власти на Земле и то не поинтересуешься, дескать, как он у меня, действительно работает, или просто удрал подальше от надоедливой ныне жены? Чиновники рангом пониже не имеют право, а это с учетом 1 класса мужа, практически все. Сказать может только его императорское величество Самодержец Николай I. Ага он ответит, вежливо так тебе, он же кавалер, а ты молодая и беременная женщина. Но, по сути, долго будешь идти и не найдешь. Ведь император — мужчина, и, теперь даже не начальник мужу, а соратник — будет, разумеется, на его стороне.

Черт, а в голову ничего путного не влезет — ни с ним поехать, ни здесь оставить. Леший его побери, всю нечисть проберешь, а ничего в голову не ползет!

Андрей Георгиевич по-человечески ее, как-то, наверное, понял, но если сравнить заботы его — земные в рамках России — и небесные, в рамках аж всего человечества, отнюдь не преувеличивает, ее — родить одной женщине одного ребенка, то сразу понятен весь приоритет.

Поэтому извини! Макурин нагнулся и слегка ее обнял — беременную больше нельзя, как не обижайся — поцеловал в прекрасный, даже теперь весь такой сексуальный лобик, я не могу.

Она же, намереваясь хоть в чем-то его переиграть, жалобно посмотрела сидя вверх на стоящего мужа, уже готового идти и мысленно отсюда далеко, может в Зимнем дворце, может в министерстве, а может в самом деле в поместье. И показала пальцем — красивым, тоненьким и длинным — на красивые же губы — целуй туда!

Ах, ей нельзя было отказать — такой прелестный, такой прочувственной и изысканно-сексуальной — даже на большой живот и портящую ее беременность. Все-таки уже целый шестой месяц. Еще раз нагнулся и уже по-настоящему крепко поцеловал, по мужски, и не как девственную капризную девушку, а как настоящую женщину, познавшую и желающую физический секс.

И все милая, мне действительно некогда! Муж подбадривающее посмотрел на нее — всем тяжело, не тебе одной — и быстро сбежал, аж подковы зимних сапог простучали по лестнице дома. А ей вот здесь скучать, считать зевки. Понимал — наступал период поздней беременности, каких-то два-три месяца, когда живот уже не пускал практически никуда и приходилось коротать с Аленкой и еще тремя — четверья слугами. Это было

действительно мало и потом, в кутерьме с маленьким ребенком, недавно родившимся, большим ребенком — мужем, родившимся давно и не ею, но все равно утягивающаяся много времени, она будет жалеть эти дни.

Но сейчас-то, пока они неспешно идут, хоть посуду бей на обеденном столе. Или вон болтушке Аленке сделай что-то больно. Как-то уж охотно и быстро дражайшей супруг подобрал ей мужа, смазливого, надо сказать, парня, на которого она тоже посматривала, чисто платонически, конечно, куда ей при беременности-то и при здоровом муже.

И Алена ведь тоже, даже почти не посмотрела — красив ли, здоров ли, молод ли, хотя бы? Ай, как подозрительно все. Хотя еще небольшой кусочек головы трезво указывал, что делается все ради нее же и кровь в новобрачной постели подтверждает, что невеста пришла к своему мужу честной...

Ну да пусть, не хочется ей думать! И беременная Настя лениво махнула к служанке Алене — пусть расскажет нечто зряшное, но интересное, барыня что б не скучала до обеденной поры, а потом до ужина.

А Андрей Георгиевич меж тем быстренько добежал по морозцу до санки. Хоть и шинель у него была теплая, на меху, а на шее лежала целая бобровая шкура — все по высокому чину его высокопревосходительства — а по утренней поре как-то мерз.

Шлепнулся в сени, укрылся суконной полостью, утепленной волчьими шкурами и только тогда с трудом угрелся, напоследок позавидовав жене Насте. Хотя чего уж там завидовать беременной женщине, грех один, прости Господи.

Вспомнил про Бога и сразу припомнили дела. Нынешнего дня многие из них лягут в этой плоскости, нацеленные на войну, а если и не напрямую, то косвенно. И заседания Государственного Совета, и неожиданный визит европейских послов в его министерство и даже неожиданная зимняя поездка в поместье тоже связывалась с войной. Точнее, с подготовкой съестных припасов к войне. А еще точнее, подготовкой его (и, конечно, императора) на войну. А потом посмотрим, что и как будет. А после войны все будут думать о Господе Нашем Милостивом.

Макурин усмехнулся и удивленно проморгнулся. Так задумался, что и не понял, как оказался у подъезда Зимнего дворца. Во как!

Пришлось пойти, да не просто незамечено, а величественно, с визгом, писком, ревом (это в пересказе самого Макурина). Что же делать, не было у бабы заботы, так она поросья завела.

С недавних пор император Николай I своим монаршим рескриптом повелел его святейшее преподобие встречать только у парадного подъезда, с гвардейским караулом, как любого из семьи Романовых.

В подлиннике сначала было написано аж как действующего императора. Макурин едва было уговорил Николая, что исконно в России находился один монарх, а два наличествующих вызовут в народе разброд, а в государство смятение.

Кое-как уговорил. Но когда попаданец попытался еще и убрать себя из семейства Романовых, то не сумел это сделать. Его просто не поняли и император Николай, и цесаревич Александр, и, скорее всего, императрица Александра Федоровна и прочие взрослые члены семьи, если бы были в это время при разговоре.

Ведь в чем, собственно, была ирония. Макурин-то поскромничал, да и просто поленился, не желая ставить свою фамилию с императорской, а члены этой семьи вдруг решили, что он, святой, ставит выше себя российского монарха и его родных. Чуть не

разругались (они с ним, а не он с ними) и Андрей Георгиевич вынужден был уступить. А теперь вот мучиться на морозе сам и мучить гвардейцев.

Хотя последних уже можно было и не жалеть. Макурин гвардейцев за свою нелегкую военную службу жалел, каждый раз караульных благословлял, из-за чего те не только улучшали здоровье и повышали общий настрой. Им и по жизни (кто по службе, а кто и по личной судьбе своей) поднялось, а поручик Зазвенияло, получив три благословения, вдруг обнаружил четвертую звездочку, о чем сообщил в рапорте полковому командиру полковнику Шамбранду.

Полковник сей был опытен и даже циничен. Звездочки эту можно купить за сущие копейки, а потом незаметно прикрепить. Плавали — знаем, нахал, однако! Но, когда поручик представил на полковом офицерском собрании погоны, звездочки оказались гораздо крупнее, чем стандартные и из чистого золота!

При этом ни сам поручик, ни нижние чины, ни добровольцы из присутствующих офицеров их снять не смогли. И дело не в том, что они оказались крепко прикреплены к погонам. Такое чувство, что это была только кажимость (фантом в будущем). Ножи, клещи, даже голые пальцы рук проходили сквозь звездочки, не принося видимый вред ни первым, ни вторым.

Пришлось донести императору Николаю, хотя знали негативную реакцию к подобного рода «чудесам». Самодержец, тем не менее, только поскреб погоны, убедился, что это правда и что их никак нельзя снять по причине отсутствия, хотя они вроде бы есть. Похмыкивал и приказал привести эксперта — самого святого.

Макурин, надо сказать, сам был откровенно удивлен. Три месяца лишь пришло с появления указа и самих гвардейцев у подъезда дворца, а уже первое чудо. Для проверки на всякий случай перекрестился. От этого незатейливого жеста звезды вдруг на какой-то миг вспыхнули, а потом остались прежними. Однако, большего и не требовались. Макурин в полголоса произнес «Божья воля», а император Николай самолично пожав руку Зазвенияло, объявил о внеочередном присвоения чина и выдал погоны с четырьмя звездочками. Прежние же погоны с «Божьим даром» было указано оставить в полковом офицерском собрании и в назидании всем будущим офицером.

Но этим еще все не кончилось. На общем сборе гвардии, где были командиры гвардейских дивизий и гвардейских полков, император четко объявил, что отныне этот караул становится почетной обязанностью, и что под ответственностью командиров полков лично, каждый рядовой и офицер будет находится на караул не более, чем один раз в полгода.

Сам Макурин последнее узнал только месяц назад, но отнюдь не удивился.

На все воля Божья!

Так вот и живем. Не только простой народ, но и дворяне постепенно поняли благо от божьего благословения, переданного через святого. Ибо священники как-то до Бога не дотягивают. И стараются вроде, молитвы с амвона чуть ли не каждый день читают. И моральный облик у них высокий, как у строителей будущего райского коммунизма, а вот не снисходит от них Божья благодать. От святого же идет, прямо-таки волнами, народ аж прямо млеет и восхищается.

И главное, сам святой, хоть и внешне не показывает, находится в полной прострации. Нет, почему он, понятно. Не зря Бог его благословил в святые. Но механизм Божьей благодати ему до сих пор был самому не понятен. Казалось бы, если он что-то передает (благословляет), то у него этого что-то должно быть меньше, и он должен слабеть. Так ведь нет же! В поездке в Сибирь на день тысячи людей благословлял и передавал Божью благодать. И ничего, даже самому становилось легче и комфортнее.

Или Господь самолично передает свою благодать? М-гм, не кощунственно ли? Где Бог и где он?

В общем, не знает господин Макурин. Хорошо еще, XIX век не XXI, и к религии не подходят с научной точки зрения. Бога ведь не надо понимать, это не таблица умножения, в Бога надо искренне верить и этого достаточно.

Поднялся по внутренней лестнице, открыл парадную дверь, протопленный теплый воздух обнял его, лелея и лаская. Хм, а ведь ему как-то и до этого было не холодно! Или, благословляя гвардейский караул, он одновременно благословлял и себя? Тьфу на тебя, окаянный! Все по традиции XXI века пытаешься знать и понимать. А ведь не надо это!

Снял шинель вицмундира, помедлил, решая, куда идти, в личный рабочий кабинет императора, где он вел себя свободнее и по поведению, и по нарядам. Или в столовую, куда Николай обязательно пойдет.

Кстати, на счет одежды. Андрей Георгиевич невольно улыбнулся, вспоминая это время. Когда его уже официально признали, то по традиции Николаевской эпохи сразу же был поднят вопрос об официальном наряде для новообращенного святого. Вот так, для каждой эпохи было характерно свои обычаи и для XIX века вообще, а для Николаевского правления особенно, главным вопросом было — что и как будут надевать поданные императора?

В эту эпоху все надевали мундиры, или вицмундиры, или, хотя бы элементы мундиров — школьники и студенты, чиновники и придворные, даже домашние хозяйки и те на официальных приемах и раутов надевали нечто мундирное. А уж военные и подавно с ума сходили. В каждом полку обязательно была своя швальня, где не только шили, но и мудрили над мундирами.

Конечно же, император и сам надевал мундир, и святому своему мягко предложил надеть нечто блестящее и эдакое. И чтобы обязательно было под награды, и не надо стыдиться и перед своими поданными и перед иностранцами.

Попаданец, однако же, воспитывался не в XIX веке, и восхищаться над мундирами не желал. Николаю он указал, что его императорское величество при всем его восхищении им своего императорского мундира носить не пожелал, а изволил надевать гвардейский наряд.

Николай, услышав это, весьма непотребное для него, построжел, но только хмыкнул, а Макурин продолжил, говоря уже весьма приятное для императора:

— Я хотел бы, если возможно это, по-прежнему надевать свой служебный вицмундир со знаками министра и действительного тайного советника.

— А в церкви... — подхватил Николай, подразумевая, что уж там-то он сменит мирское и наденет свое, церковное, но мундирное.

Увы, но августейший монарх не угадал в своем желании.

— А в церкви Милостивый Господь Наш Бог уже возжелал моего отличия и дал свой знак, — Макурин гордо поднял свою голову, где по приближении к божественной сущности, не только в церкви, но и даже в иконе, появлялся яркий теперь уже нимб.

Император не пожелал продолжить спор, поскольку в нем он единственный раз чувствовал как-то неприкаянно. Для всех остальных своих поданных он а priori был командиром независимо военные они или штатские. И его мнение для них было равно беспрекословному приказу.

И только господину Макурину, особенно, если он оказывался в роли святого, удавалось оказываться в особенном образе равнозначного собеседника, которому даже неприлично приказывать. И ведь при том он так держал себя, что императору оставалось злиться только на Бога, что уж совсем было смешно.

В общем, Николай нехотя согласился, что святой, как и российский монарх, не подлежит к официальному чиновничеству в виде мундира, ха-ха!

И ведь неплохо смотрится, — Макурин самодовольно посмотрел на себя в большое зеркало дворцовой раздевалки для классных чинов, — обыденный вицмундир министра, который мало чем отличается от парадного, наградной нашейный портрет Николая I, знаки ордена князя Владимира I. Хорош мальчишечка! Кивнув слуге, двинулся дальше. Но куда?

Помедлив, все же решил пойти в столовую. Если уж императора Николая не найдет, то у местных работников попросит чаю. Дома-то он пил чай с учетом второго завтрака в Зимнем дворце, и немного не доел. Это, конечно, не обязательно, но очень даже возможно. Ну а потом уж можно и в рабочий кабинет. Ведь если император и пригласил подойти своего гражданского министра и святого, то не на гвардейском плацу он будет ждать?

В столовой его действительно встречали и не только император Николай I, но и жена Александра Федоровна и все дети, в том числе и самые младшие. Монарх был относительно весел, ел любимую им гречневую кашу, и сразу же попросил его сесть к столу напротив себя и близко к цесаревичу.

— Будем учить Сашку культурно есть кашу, — объяснил он Макурину.

Тот, разумеется, согласился, но перед этим подошел к императрице, поцеловал ее руку. С одной стороны, святой оказал ей почтение, с другой стороны, и ему доставили большую честь. Целовать руку жены императора, да еще не на официальном приеме, это немалое почтение.

Но не только. Собственно, он хотел только увидеть вблизи Александру Федоровну, что-то в ней было новое, и он даже знал что. Император и императрица были относительно молоды, во всяком случае, не стары, делили семейную кровать и было бы странно, если бы у них еще не было детей.

И он даже не собирался видеть беременность, святой знал это заранее, только войдя в столовую. Нет, единственной его целью было узнать пол будущего ребенка.

Узнал. Негромко почтительно поздравил императрицу, потом его августейшего мужа, Николая I.

Император вежливо поблагодарил, оценил:

— Андрей Георгиевич, голубчик, с вами уже страшно встретится. Даже я еще не знаю, а ты уже поздравляешь. И кто же это, если это не секрет — мальчик или девочка?

— М-м, мальчик, — нехотя сказал Макурин.

Самодержец увидел это, но все же спросил: — Может, скажешь нам его судьбу? Или это нельзя? Или ты просто не знаешь?

— Почему же, — тяжело вздохнул святой, — Господь мне милостиво даровал такое чудо, но предупредил. Я не буду говорить сейчас обо всех недостатках и предостережениях, скажу лишь главное — человек, чья линия жизни будет заранее предопределена, а это и есть в предложении рассказать о его судьбе. А, значит, его проклянут, а его жизнь окажется плохой. В крайнем случае, он проживет недолго и будет умерщвлен — болезнью, оружием, на родах.

Вы хотите этого, ваше величество?

— Нет, конечно, — отрекся от своего желания удивленный таким итогом Николай I, — пусть живет, как все, в счастии и довольствия.

— Вот так, — печально покачал святой, — меня часто просят рассказать о своей грядущей судьбе, о жизни своих детей, других близких родственников. Я всем отказываю, даже не объясняя причин. Не зачем мучить людей, из любопытства проклятых. Вам я рассказал и может даже зря.

— Почему? — удивилась Александра Федоровна, — разве это настолько плохо, знать свою дальнейшую судьбу?

— Я скажу, — хмыкнул Макурин, — раз уж сам раздражил ваше любопытство, но перед этим хочу предупредить — а вам это надо? Зная все это, вам придется брать так или иначе частичный моральный груз. Быть наравне с Богом, это не только огромный почет, но и большая ответственность.

Императрица не успела ответить, поскольку заговорил ее августейший муж — император Николай I.

— Так, — спокойно, но жестко сказал он, — узнали, что у нас будет ребенок, что это мальчик, и довольно! Нечего нам равняться с Богом, Андрей Георгиевич правильно сказал. Это богохульно. Повернувшись к Макурину, уже свободно заговорил: — А мы сегодня с утра уже маялись головной болью Александры Федоровны, грешили на мерзкую погоду. А вон что оказалось. Спасибо тебе, — он кивнул на тарелку с кашей, — ешь уже, пока окончательно не остыла.

«Мда-с, — подумал Макурин, придвинув тарелку с кашей и аккуратно налив в стакан молока из кувшина на столе, — частично я сам виноват, раздражил своей деятельностью. Вот что делать — ничего не делать, безучастно смотря на плохую линию жизни. Или вмешаться, зная, что, в конце концов, это ударит по тебе же?»

Грустные думы не помешали ему аккуратно есть, что не могли не отметить сидящие за столом. Первой высказалась императрица Александра Федоровна:

— Сколько смотрю, все не могу не восхищаться. Как вы красиво кушаете!

Ей сразу подтвердил цесаревич Александр:

— Действительно очень хорошо! Только помедленнее, пожалуйста!

Что же, он не против. Некогда Александр на него обижался, ему казалось, что ему, наследнику престола, совсем не обязательно вникать во все обеденные тонкости и что папа так его наказывает.

Но годы постепенно шли, Александр стал потихоньку взрослым, а его учитель за

обеденным столом вдруг святым. И цесаревич понимал, что не так все просто и легко в жизни, как думалось. День за днем и Александр постепенно стал его близким собеседником, если даже не другом. Ведь и он стал гораздо культурнее, даже красивее есть, что отмечали не только российские поданные, но и иностранцы за границей

Позавтракали, Николай предложил перейти в рабочий кабинет, только не в парадный, а более скромный личной. Цесаревич Александр молча пошел за ним следом. Император как-то раз обмолвился, что он уже стар и пора готовить своего наследника. После этого цесаревич стал негласной тенью своего отца.

Николай, правда, оставался недоволен. Вот и сейчас он, прежде всего, занялся с сыном переделкой документа. Макурин его знал — это была аналитическая записка о положении в Европе. Монарх относился негативно ко всему — и к выводам авторами записки, и к решениям сына. Об этом он сказал прямо. К сыну — наследнику и святому в ранге министра у него тайн не было, пусть даже и неприятных.

Потом помедлил и, поколебавшись, спросил:

— Скажи, Андрей Георгиевич, можешь ли ты мне сказать, хотя бы приблизительно, очень туманно, сколько мне еще прожить? Сможешь?

Попаданец вопросу не обрадовался, хотя и он не стал отрицать его с ходу. Подумал, посмотрел в окно. Да, конечно, он может сказать тебе конкретный год смерти и привязать потом навсегда. Как его сын будущий император Александр II имел глупость спросить у одной гадалки, сколько ему еще прожить. Та, глупая, и сказала, подчеркнула смертную черту. Бог же или, скорее, безжалостная судьба, спокойно видя, что в положенный срок испытываемый сам не умирает, подбросила террористов — революционеров с бомбами. И все, рок! От судьбы не уйдешь.

Так что не буду я вам, ваше величество, сообщать конкретную дату, живите еще и радуйтесь, кормите и воспитывайте своих питомцев. Озвучил обдуманное собеседникам, главным образом императору Николаю I:

— Ваше императорское высочество, я могу лишь одно сказать — вы только — только пережили середину своей жизни и впереди у вас даже не отдельные годы, долгие десятилетия. Его императорское высочество цесаревич Александр в любом случае придет к престолу вполне обученный.

Николай I, успокоенный и заинтригованный, с видимым усилием сумел переключиться, перешел к актуальной повестке сегодняшних вопросов:

— Я вас, вообще-то, для чего привел, Андрей Георгиевич. Волею Господа Нашего Бога вы стали Святым. И в отличие от всех нас смертных, будете им на Земле и на Небе. Но я, как простой повелитель одной из земных стран, коснусь лишь одной стороны вашего Бытия — на Земле, — монарх остановился, посмотрел на Макурина, увидел, что он внимателен и спокоен и уже как-то самоуверенно продолжил: — сейчас в силу своего положения, вы, как никто из россиян, влиятельны и можете помочь мне и России. Приказывать вам я не могу, только просить. Поможете?

Похоже, монарх заметно обеспокоен и от этого вновь эмоционально неуравновешен. Надо бы его успокоить:

— Ваше величество, как вы уже правильно сказали, в земной стезе я ваш российский поданный. Не просите, приказывайте! — а про себя добавил: «Но до определенной черты. Надеюсь, вы ее хорошо видите? А то получится несуразная и неприятная ситуация».

Николай I, видимо, все понимал и красную черту не то, что видел, но чувствовал. Хотя

все же немного успокоился. Уже не так эмоционально сказал:

— Милостивый сударь, сегодня, во-первых, будет заседание Государственного Совета. Я на нем тоже буду, но выступать не стану, война с Турцией не такая важная причина для этого. Ну, или, хотя бы, я не хотел бы, чтобы мои сановники видели, что это явление меня волнует. Выступить будет наследник и цесаревич Александр. Вас я прошу поддержать его. Слишком уж вы теперь важная фигура, чтобы просто молчали.

Николай I замолчал, а Макурин, подумав, что теперь он действительно не может просто промолчать, задумчиво так и медленно ответил:

— Я сделаю все, что будет в моих силах, государь. Можете на меня положиться!

Он внимательно посмотрел на августейшего монарха и увидел, что тот также внимательно на него смотрит. Эта дуэль глазами, впрочем, нет, вдумчивые взгляды почти соратников, продолжались довольно долго. Им никто не мешал, в кабинете было только трое. Причем третий — цесаревич Александр — был сегодня тих и робок, как серая мышь в присутствии кота. Или, если уж остановились на таком примере, двух котов, и оба безжалостных и грозных.

— Андрей Георгиевич, — спросил Николай важный для него вопрос, — вы не поедите на войну с цесаревичем Александром? Очень бы надо, боюсь, что Сашка без поддержки до конца не сумеет выдержать нужную линию поведения.

Собеседники невольно посмотрели на молчаливого сейчас третьего собеседника. Александр лишь слегка пожал плечами. Чувствовалось, что он не поддерживал пессимистичных взглядов своего августейшего отца. Хотя и на поездку с ним святого он серьезно возражать не будет. Не тот повод, чтобы выкобениваться.

Макурин же был, честно говоря, откровенно удивлен. Сам он считал, что ему надо обязательно ехать. Не офицером, конечно, и не генералом, положение уже не то, но проехать по военным тылам и даже по полям сражений он должен. Ведь Макурин твердо поддержал эту войну, и тысячи ребят окажутся в горнилах боев. И он должен быть. А если убьют... что ж тело смертно, душа бессмертна.

Нечто подобное он высказал и вслух. Николай кивнул, словно и не ожидал иного, цесаревич же взбодрился. Хотя и император стал более уверенным:

— Впрочем, на Государственном Совете я не жду излишнего сопротивления. Все-таки это будут высокие сановники и мои поданные. А вот с послами будет сложнее. Сии полномочные министры окажутся не только от дружественных стран. Кое-кто из недружественных государств. А иные от враждебных, могущих стать союзниками Турции. И ведь не все они магометанские, есть и христианские. Быстро распространились ваши взгляды, Андрей Георгиевич!

Самодержец упрекнул, хотя и не очень-то враждебно. Чувствовал, что не взгляды святого здесь первопричина. Макурин тоже это видел и уверенно возразил:

— Государь, вы же видите, здесь не просто отказ от разных даже враждебных религий. Поддерживаемые дьяволом, эти простаки вообще считают, что Бога, а, значит, и религии нет, прости Господи!

Макурин сердито перекрестился, подумав, как он быстро врос в это время, даже стал сторонником религии и еще святым!

Император и его сын тоже перекрестились, но уже как-то по привычке. Николай осторожно спросил:

— Но, для народа, воевать мы будем все же с агрессивными турками, а не

злокозненными европейскими христианами?

Макурин даже думать не стал:

— Про предателей христиан мы говорить, разумеется, будем, но как бы на второстепенном плане. Ведь на поле боя наши солдаты будут воевать еще не с европейцами, а с турками.

Николай молча кивнул, эта тема для него не была дискуссионна, как святой скажет, так и будет. Продолжил про послов:

— Будет много вопросов, в том числе и с подковыркой, готовьтесь к этому обязательно.

Макурин поклонился, но не по-светски, по церковному, хотя и изысканно. Мол, я защищен своим небесным господином, мне бояться нечего. Господь милостив, но грозен и напрямую на его слугу дьявольские прислужники не нападут. И не то, что не осмелятся, просто будет не в силах.

Император, видимо, не понял, решил, что Макурин надеется только на свои личные силы, дружески поддержал:

— Я, Андрей Георгиевич, немного перед вами виноват, выдвинул вас перед послами, не спросив. Поэтому лично приеду с этими дипломатами. Надеюсь, они не осмелятся спорить со мной, но если и осмелятся, то что же, у меня есть хотя бы взгляд. Мой взгляд!

Макурин молча уважительно посвистел про себя. Знаменитый взгляд василиска, о котором так много с уважением и с восторгом (а, иногда, со страхом) говорили при Николае I. И достаточно часто и по-разному позднее — кто соглашался, кто с откровенным скепсисом отрицал. Сам попаданец уже попал под этот взгляд, причем нечаянно, и Боже упаси, не завидовал всем, сумевшим поднять у императора неприязнь до такой степени. В том числе и у этих послов. При Николае I уже существовали международные законы о неприкосновенности дипломатов, но вряд ли в них говорились о взгляде василиска!

Император меж тем посмотрел на свой берег, счел, что времени уже много, чтобы, не торопясь, успеть на заседание Государственного Совета.

Молча посмотрел на собеседников, не увидел в них откровенного противодействия, кивнул. Распорядок этого дня постепенно раскручивался, и сделать уже было ничего нельзя. Сам вчера учредил, час в час. Приходилось лишь как можно естественнее и эффективнее пройти эту дорогу. А там, Бог простит!

Император уверенно шел впереди, за ним цесаревич сначала пропустил Макурина, но Андрей Георгиевич отрицательно покачал головой. Это был не его путь, и не ему было спорить и соревноваться. Поэтому вторым, как и следовало, шел наследник и цесаревич. А уже потом двигался министр и святой. И так это было очевидно и нормально, что зрителям даже касалось — не он позади них, а они спешат впереди. Разница небольшая, но ведь существенная, не так ли.

Августейший монарх, у которого что ли на спине были глаза, почувствовал сарказм ситуации. Вторую половины дороги они шли как бы парадным строем, слева был Николай I, справа — будущий Александр II, а между ними, ха-ха, попаданец Макурин!

Историческая несуразность такой ситуации настолько позабавила его, что в зал Госсовета он вошел с настолько странной улыбкой, что остальные члены не то, что не решались подойти к нему поговорить, даже благословения не попросили.

Впрочем, Макурин не почувствовал здесь бедным чиновником. Скорее, могущественный авианосец среди гражданской рухляди.

Цесаревич Александр тоже был довольно лапидарен. Сделал начал небольшое ведение,

потом сам «Указ его императорского величества, нашего любимого отца Николая I», закончил его снова своими словами и сел обратно, не ожидая вопросов, которых, надо сказать, уже и не было.

Как позднее пояснил сам цесаревич Александр, он выступал, главным образом, для протокола, который опубликуют назавтра в российских и зарубежных газетах, а отечественные дипломаты разберут на цитаты в качестве доказательств в иных странах. Члены Госсовета за редким исключением, были действующие или отставные чиновники высоких классов. Все интересующиеся давно уже были информированы по своим каналам, а кто не интересовался, так тот и сегодня оказывался сугубо пассивен.

Впрочем, Макурин это и без того обо всем догадывался. Госсовет был не первым и не последним в этом ряду как бы важных органов. В XX веке — Верховный Совет СССР, в XIX веке — пресловутая Госдума и прочее.

Ни в одном из них Макурин, разумеется, не был, но значительная подоплека политической истории позволила ему говорить медленно, со вкусом. Как и Александр, он выступал не для членов этого органа, это был проповедь для простого народа, совершенно не понимающего, что происходит и даже, где находится эта гадская Турция. Они по-прежнему считали, что наш Бог он единственно правильный, а турки — это наказание Божье.

Макурин был, конечно, не дурак, чтобы это отрицать, он просто подвинул это на второй план. А на первый он выдвинул тоже два значимых тезиса — россияне — это богоизбранный народ, и, второе — турки — природой выдвинутый агрессивный народ, который надо только из-за этого уничтожать.

Слова были простые, отнюдь не эмоциональные и Макурин надеялся, что на Западе хотя бы услышат, а, может, и поймут, что уже верилось с трудом. Главное же, в ближайшие же дни священники всех церквей будут доводить до своих прихожан проповедь своего министра и святого.

Ему лишь оставалось надеяться, что среди них не окажутся столь умные и не начнут выверять нового богоизбранного народа. При чем не русского, а россиян! Пусть над этим ломают голову современники других веков!

Речь, или так сказать проповедь министра религий Макурина слушалась относительно внимательно. Ну как внимательно... собрание в основном его высокопревосходительств — не толпа школьников, визгами и криками прерывать не будет. А протестные окрики, как говорил император Николай, в любом случае, неуместны. Не тот контингент!

Но Андрей Георгиевич, когда выступал, несколько раз ловил спокойные внимательные взгляды членов Государственного Совета. Менталитет жителей XIX века был еще не протестный, не определяющий во главу угла, прежде всего, свое мнение. Нет, здесь больше всего оставилось умение выделять курс государства, то есть императора. И вот эти взгляды, очень оценивающие, кстати, главным образом, и пытались выделить из речей его императорского высочества, наследника и цесаревича, его высокопревосходительства министра и действительного тайного советника все нюансы реформ, их темпы и устойчивость курса. Что подразумевает император Николай I под понятием «свободы религии» и собирается ли проводить реальные преобразования?

Ведь ныне правящий император, с одной стороны, ранее был знаменит отсутствием любых реформ. И не потому, что не возможно, а потому, что не хотелось. Николай I известен патологическим нежеланием любых изменений, даже самых незначительных. А тут такие радикальные реформы. Поддержит ли он реформатора до конца? Не будет ли как у Сперанского, кстати, тоже здесь сидящего, и Александра I? Тот решительно поддержал вначале и совершенно отказался в конце.

Но с другой, Макурин является очень влиятельным человеком, даже в какой-то мере непонятным существом. Многие из собравшихся здесь, честно говоря, даже не знали, является ли святой человеком. Во всяком случае, обычным человеком. Однако, самое существенное было то, что Макурина почти точно поддерживает Господь Бог. А Вездесущий Покровитель Наш Небесный явно больше, чем император Николай. Не заставит ли он его изменить курс развития страны?

Как понимал Макурин, эти вопросы, стоящие перед членами Госсовета, были куда значительнее, чем намерение бунта, или, хотя бы, непослушания. Ох уж эти вопросы! Во всяком случае, он сам хотел бы получить эти четкие ответы.

Но пока заседание Совета закончилось. Члены императорской семьи, в том числе и Николай I пока подтвердили свое прочное намерение идти обозначенным курсом реформ, и сам министр был покоен и тверд. А остальное, по-видимому, будет явно со временем.

Сам Макурин был реально в этом заверен и с таким убеждением покинул заседание Государственного Совета...

Дабы оказаться на другом заседании, совершенно для него неожиданном. Вообще-то министр, как полагается, хотел было поехать к себе в министерство, чтобы там в тишине и покое готовится к встрече посллов, проверить тезисы еще недописанной речи и так далее. Мало ли работы у министра XIX века?

Пусть пока министерство еще полностью не построено и даже рабочий кабинет министра расположен в бывшем Священном Синоде, главное — он совершеннейше готов к эффективной работе!

А вместо этого император настоятельно пригласил, почти приказал ему прийти в императорский кабинет и слушать кого-то, наверняка, военного министра А.И. Чернышева.

Зачем ему? Как попаданец, пусть и не историк, он все равно в целом знает больше, чем император и его министр.

Макурин попытался объяснить монарху, пусть и чуть другими словами и понятиями, что святой и так все знает. Николай ведь, хм, не будет сомневаться в понимании мира Богом? Но император только несколько странно улыбнулся и продолжал его подталкивать. Пришлось идти. Не ребенок же он?

На заседании, однако, он быстро понял хитрые намерения Самодержца. Тот пожелал не только и не столько проинформировать святого, но и, главным образом увидеть через его реакцию, правильно ли разворачивается армия и не надо ли чего? Ведь ты же все знаешь!

Вот ведь же ж! А мои конкретные намерения и такие простые желания хоть немного будут учитываться?

Андрей Георгиевич даже удивился какой-то детской обиде и от этого сразу стал внимательно слушать.

Хотя, в общем-то, довольно замысловатые намерения Николая I практически не сбылись. Это же параллельный мир да еще под влиянием попаданца. Так что здесь может произойти что угодно когда угодно, вплоть даже до поражения России, и Андрей теперь уже Игоревич ничего не мог предугадать, находясь в XXI веке.

Началось уже с того, что эта война с Турцией пришлось в 1836 году и Бог знает до какого времени закончилась. Хотя Макурин, пусть и не конца четко, но знал, что при существующем монархе войны с Турцией шли примерно в 1820-е годы, когда мы победили, и в 1850-е годы с целой коалицией (т. н. Крымская или Восточная война), которую сумели проиграть. А в 1830-е годы Россия, наоборот, даже защищала Турцию от Египта. Так что вся информация попаданца ценилась на уровне мусорного ведра, не выше.

Что же до знаний святого, то до сего момента он их совсем не касался, а когда коснулся, то оказалось, что ему грозит банальнейший облом. При чем даже не из-за категорического отказа свыше — с Небес. А как понял Макурин, из-за несоответствия оператора (его то есть) и операционной системы. Тамошний Микрософт совсем не желал работать с ним, в первую очередь, из-за слабой мощности. Не с его моськи пить молоко местной хрустальной миски.

То есть на верхнем уровне, вообще, он еще понимал и достаточно четко. Россия должна была воевать и довольно легко. А уж с появлением такого юзера (термин Макурина), как святой, его страна, безусловно, должна выиграть. Но вот, когда он попытался узнать детали, хотя бы когда закончится война и какие здесь будут основные сражения, то передача информации прекратилась. Не зря говорят, что дьявол, как раз, кроется в мельчайших деталях!

На него обрушился такой объем сведений, что бедная головушка не выдержала, и Макурин сам не понял, как потерял сознание в ходе соащания.

Он пришел в себя уже на полу рабочего кабинета императора. Конечно же, до этого сидел на столе у стола в большой картой, слушал высокого сановника и генерала Татищева и пытался поработать с каналом святого. Что б тебе, не мог лучше на софе, а еще лучшего дома вчера или позавчера.

Ну что же делать, будет теперь мучиться прилюдно, прямо-таки при императоре. Вон, кстати, он сам нагнулся над ним. О, Боже, как болит проклятая голова! Такое чувство, что сотня маленьких дьяволят стараются, пилят, хотят, чтобы он снова рухнул в беспамятстве перед монархом.

— Андрей Георгиевич, с вами все в порядке? — Николай действительно оказался в

беспокойстве и это хотя бы частично его успокоило. Как никак, самолично император беспокоится!

— Со мной все хорошо, государь, — слабо заговорил он и попросил: — позвольте мне присесть хотя бы на полу.

Эта маленькая просьба тут же была выполнена на самом высоком уровне. Все мужчины — сам император Николай, цесаревич Александр, министр Татищев бросились помогать ему.

Макурин при их помощи кое-как сел. Окружающий мир сразу же закружился в дьявольской пляске. Намерение все объяснить и успокоить пришлось временно отложить. Он закрыл глаза и на некоторое время затих, пытаясь помочь себе эффективной методикой далекого XXI века. Это ему, кажется, удалось. Во всяком случае, сначала перед закрытыми глазами перестали кружить алые огни, потом и окружающий мир успокоился и замер.

А потом ему стало хорошо. словно кто-то могучий и сильный (Бог?) отчески провел ему по голове. И не по волосам, а прямо по мозгам. И, разумеется, не ладонью. Но очень хорошо.

Видимо, это был комплексное влияние. Он не только выздоровел, но и значительно окреп и стал сильнее. Вся это дьявольская слабость, кружение головы и вялость тела прошли, как не бывало.

Но одновременно ему вдруг все четко стало понятно. Увы, но голова святого — не тот инструмент, чтобы познавать Вселенную или, хотя бы, одну из войн. Понятие было твердым и всеохватным, не требующим доказательств и категорически подкрепленным на всех уровнях — от морального до физического.

Макурину сразу же стало ясно, что без Божьей помощи тут не обошлось. Бог, не только Всемогущ, но и Безответно Добр. Но одновременно ему стало понятно, что его понятие всеобъемлющего мира, которым человек, будь он хоть как силен и могуч, увидеть не сможет, существовавшее только в туманно-эмоциональном виде, теперь окрепло и выкристаллизировались. Увы, даже его умения и мощь святого не могут помочь. Ведь даже Бог на Небесах ему мягко говорил, что и ему в человеческом облики это не объять. А уж человеку, пусть святому, тем более!

Он уже сам, не опираясь на помощь мужчин, сначала встал, а потом сел на тот же самый стул, с которого только что постыдно упал.

— Увы, государь, — Макурин отрицательно посмотрел на Николая, — вот время доклада его превосходительства военного министра, я попытался получить всеобъемлющие данные о войне с помощью Нашего Всемогущего Бога

— Вам отказали? — с интересом спросил Татищев. Как же, святой буквально на глазах являет чудо, а он в присутствии государя становится свидетелем. Потом опомнился под любопытно — недовольным взглядом Николая I, не понимающим, как военный министр так осмелел: — извините, государь, я виноват. Просто Андрей Георгиевич святой, а я сторонник нашей церкви.

Император пусть и сухо, но кивнул. Вспомнил, что министр еще с молодости был знаменит своей гульбой в парижских вертепад и долгими молениями в посольской церкви.

— Так как же, Андрей Георгиевич, извольте объяснить, — обернулся он уже к Макурину: — если, конечно, Господь вам позволит.

Последняя оговорка давалась императору с трудом, все-таки монарх всегда был всемогущ в России.

— Господь Наш Всесилен, но Добр, — перекрестился святой, — мне, кажется, он

позволит мне это сказать близким мне людям.

Макурин несколько лукавил. Близкими они, разумеется, не были, даже военный министр — дальний родственник. Ну его к лукавому, такого родственника. Но, с другой стороны, от этих людей так много зависело, почти все на Земле.

Подождал немного, ожидая реакции Бога. На самом деле ждал, а не обманывал окружающих. Бог существовал — это он знал четко. Он также понимал, что Господь не всемогущ, как это думали верующие. По разным причинам, вполне естественным, но и Бог в чем-то был ограничен. Но все равно, по сравнению с людьми, даже со всем человечеством, он был очень силен и всемогущ. И не надо было его злить, от этого было бы плохо всем.

И присутствующие молчали и ждали, как на памяти у умерших. И император не возникал. Он уже видел, как Господь реагирует, Земля аж трясется.

Наконец, Макурин решил, что времени прошло достаточно и Господь, если бы был недоволен, то отреагировал. А если молчит, то можно. То есть он сразу подумал, что Бог не обратит на их разговор, но вдруг. Да и присутствующих надо было приструнить, ибо хоть он и святой, но человек, пусть кое-кто и сомневается.

— Я обратился к Небу с просьбой помочь, если и не России, то хотя бы мне, — сказал Макурин и подождал, теперь уже реакции окружающих. Сказано ведь было неподобающе. Так мог высказаться в России только император, но не министр, тем более, при своем любимом монархе.

Однако, никто не сказал нечто негативное и даже злое, видимо, посчитав, что святой как раз находится в этом ряду. Макурин вздохнул, возвращаясь к войне. За годы жизни в XIX веке он, пожалуй, впервые оказался в ситуации, когда ничего не мог сказать о будущем ни как попаданец, ни как святой.

Хотя, как не мог. Произнес нехотя окружающим:

— Будущее видится мне смутно и неохотно, но одно мне показано четко — я должен быть на войне. Это без колебаний. По-видимому, и здесь видна рука Бога!

При слове «показано» мужчины дружно загалдели, потом Николай I, усмирив шум, уважительно сказал: — ты ведь святой, Бог так часто показывает нам свое место, что лично я совсем не сомневаюсь.

Макурин вопросительно посмотрел на императора. Тот уже столько видел признаков Божьего промысла, что не сомневался в святом статусе Андрея Георгиевича. Однако же Николай I впервые был инициатором возвращения к Богу. Что это? Он вопросительно посмотрел на монарха.

Самодержец правильно понял святого, улыбнулся:

— Тебя пока Господь лечил, так сверкающим поверхностью окружил, что все уже стало ясно.

Теперь уже Макурин удивился:

— Я чувствовал десницу Господа Нашего. Но чтобы еще увидеть его влияние!

Он перекрестился, а затем перекрестились и остальные. Помолчали, остужая бойкий ход мысли. Потом Чернышев, вздохнув и извинительно улыбнувшись окружающим — дела! — продолжил.

Макурин, понимая, что это будущее не из его мира, слушал уже внимательно. Хотя ничего нового военный министр не сказал. Русская армия наступала по двум направлениям: континентальное, через Балканы и Кавказское. Черное море, с одной стороны, их разделяло. С другой стороны, соединяло, поскольку оба крыла армии тянулись к побережью.

Турки в свою очередь также оборонялись по двум стратегическим направлениям, там ничего нового не было. И динамика была такая же. В XIX веке Россия уже твердо наступала а туркам оставалось лишь обороняться. Эта страна жила только в прошлом. И Макурин лишь остерегал императора не сделать большую ошибку — не помогать ей в момент слабости. Турки все равно добра не вспомнят, быстро «отблагодарят». А так еще не скоро, до четвертого тысячелетия, как минимум, разговаривать с ним, как с цивилизованными, будет нельзя.

Вообще, попаданец, помня о значительной роли европейского юга, считал, что эта война должна, в первую очередь, быть вспомогательной. В плане укрепить стратегическое значение России в этом районе не только в военном плане, но и экономическом, чтобы не один враг, что мусульманский, что христианский не осмелился бы напасть.

Макурин понимал, что говоря так, он становится джентльменом в плохом значении этого слова. Джентльмен, прежде всего, хозяин своего слова, хочет давать его, хочет — дает обратно. Ведь зарекался оставлять свою роль, как попаданец — прогрессор, чтобы не попасть под глаза потомков. А все одно, не выдержал, пролез. И отговорка у него какая-то не очень хорошая, — дескать, и так уже пролез с экономическими реформами, один сахар чего стоит, можешь и дальше. Вот ведь собака злая!

Мысленно вздохнул, но все-таки довел до императора мысль: — стратегическая цель России не только в этой войне, а в целом во всем правление вашего величества, — он посмотрел на Николая строго, как на малолетнего не понимающего ученика, — укрепиться на Черноморском побережье. Кус этот очень сладок, его будут стремиться захватить не только Турция, но и Европейские страны. Не ровен час, перед Россией появится враждебная коалиция на юге. Надо быть к этому готовыми еще лет двести — триста.

— Вам это сказали Небеса? — благоговейно спросил цесаревич Александр, внимательно слушая святого. Чувствует, что и в его правление южные задачи будут одними из главных.

Информация об этом пришла к Макурину, как попаданцу, но, в конце концов, и в этом была большая роль Бога, который и провел его душу из XXI века в XIX. Так что он без промедления наклонил голову:

— Да ваше императорское высочество, Небеса!

С Небесами никто спорить не хотел, и быстренько разрешили при участии императора Николая, разрешить стратегическое шоссе Москва — Одесса, с выделением от него отдельного отрезка, пока не окончено, на Крым, — как про себя сказал Макурин, — Москва — Севастополь. При этом, сразу же наметили — от шоссе в стороне оставлять полосу под железную дорогу и строить, как только появится техническая возможность.

После этого судьбоносного решения все расслабились, а Николай, посмотрев на настенные часы кабинета, предложил:

— Все сегодня не рассмотрим, а военному ведомству задач уже нарешали. Кстати, господа, для официоза, решим, наше заседание будет секретным комитетом по южным вопросам. Члены его соответственно — святой Андрей, цесаревич Александр и военный министр Татищев. Под моим председательством. Нет возражений?

Возражений императору, разумеется, никто не представил, а Николай, удовлетвовавшись этим, продолжил:

— Любое решение члена Секретного комитета после моего одобрения становится обязательным для любого учреждения Российской империи. Это я говорю для того, чтобы

вы, господа, помнили — вы поедите на юг не только высокозначимыми частными персонами, но и государственными деятелями, имеющими право решить на все — от больших сражений до крупных наград.

Хм! — подумал Макурин, — персоны эти и без того были не очень-то частными — один цесаревич, другой святой, но с другой стороны, теперь уж точно официальные лица. Попробуй, свистни на их слова!

Время уже поджимало, поэтому слова императора стали последними. Разъехались по своим делам: Чернышев в военное министерство, цесаревич Александр к своей матери, были у него какие-то там заботы, а император Николай с министром Макуриным, как и предлагали, поехали в министерство религий пудрить мозги послам.

Собственно, послов было немного, но все они от стран, в эти годы сильных и могущественных — Англии, Франции, Австрии, и немного Пруссии. То есть к России все вроде бы дружественные, только дружба это была с душком. Все они нашей стране будут еще портить кровь не одно столетия и Макурин не хотел бы иметь с ними добрые отношения. Однако, император имел другое отношение и вот министр должен принять их!

Впрочем, принять-то должен, а вот настрой Макурин имел отличный от монарха — суровый, если не враждебный и уж точно не дружелюбный.

Николай I, видя это, часто улыбался, из-за чего вместе они имели классическую пару доброго и злого полицейских. И ладно бы Макурин был простой поданный, но со своим статусом святого, признанного почти во всех христианских странах, и отчасти мусульманских прочих, он, как минимум, был почти равен императором.

И поэтому у послов было двойственное настроение, — с одной стороны, улыбающийся император, с другой, — непонятно суровый святой. Да и он какой-то разный — австрийскому послу Гнешеку он вообще дал по голове крестом. Да так, что тот сразу и навсегда выздоровел от язвы желудка. Английский же лорд Макинтош получил выговор за неявку в церковь в течение месяца. Хотя лорд был прихожанином англиканской церкви, а российский святой был православный. Но поэтому поводу Макурин вынужден был прочитать длинную проповедь и изложил, судя по присутствию здесь императору, новую официальную доктрину Российской империи. Это было уже интересно, и дипломаты оживились.

— Грех не быть прихожанином другой религии, нежели государственной, грех вообще не быть верующим. И если к первому российская церковь и государство сего времени стали относиться примеряющее, то не к верующим была и будет относиться плохо, ибо это познание дьявола!

Тут святой в эмоциях перекрестился на висящую на стене парадного кабинета икону, от чего та засверкала, как будто вся была в сплошных драгоценностях и золоте и находилась на ярком свете.

Это православное чудо, нет, это христианское чудо, или даже просто Божье чудо, на послов оказало наибольшее влияние, после этого они даже спорили со святым вяло, хотя вопросы задавали, но явно по официальному протоколу. То есть наш монарх задает вашему, а он тут совершенно не причем.

Конечно, это было не так, как и то, что от Российской стороны отвечал не присутствующий здесь император, а его министр, хоть и святой, то есть приближенный к Богу. И отвечал он сразу же не от российского монарха, а от самого Бога.

— Господь мне даровал знание в бытность на Небесах, — вещал, совершенно не

смущаясь, Макурин, — что он один на этом и том свете. И ему все равно, в какой он форме в той или иной форме. Все это земское, человеческое преставление. А вот то, что Бога нет, так это от дьявола и тот, кто вещает об этом, тот вольно или не вольно, является приспешником нечистой силы.

— И вы предлагаете жечь их на кострах? — спросил испанский посол Дон Диего, исключительно по шпаргалке от испанского двора

Поэтому и Макурин спокойно отреагировал на вопрос:

— Господа, не увлекайтесь! Мы же в гуманитарном XIX веке и каждого человека уже ценим. Пусть каждый поданный думает про себя, лишь бы он не вздумал агитировать. Так и будем относиться — если он думает неправильно, то церковь мягко будет его поправлять единственно проповедями и молитвами. Если же он будет упорствовать и проповедовать дьявольские знания, то церковь будет должна отдать ему светской власти. Но и главным образом не для убийства, а для наказания.

— А как же евреи? — тут же озвучил больное место в России Гнешек. Макурин напрягся. Пусть сам посол не старается поддеть, за него будет подкалывать австрийский император.

— А что евреи? — как бы не понял святой, — все религии в России, в том числе иудаизм, разрешены и свободны для службы.

— То есть евреи теперь свободны от строгих российских законов? — прицепился уже англичанин.

— Подождите, господа — попросил Макурин, — то, что религия стала свободна, не говорит об исчезновении строгих светских законов. А вообще, дискриминация исчезнет, некоторые ограничения останутся.

На эти слова послы отреагировали по-разному — кто-то свободно, кто-то злорадно, но в целом спокойно.

Андрей Георгиевич на это не отреагировал. Скандалом посещение послов министерства не закончилось, это уж точно.

Перещебетали еще какие-то мелочные вопросы и дипломаты с чувством исполненного долга разъехались. Про самые актуальные и очень тяжелые вопросы про подлинный ли святой и есть ли настоящая свобода религий, они и не вспомнили. Зря император беспокоился.

Впрочем, он и не горевал о бесполезном визите. Только очень высоко оценил мои ораторские возможности и, шепотом, чудодейственный потенциал святого. А потом собирался ехать обратно в Зимний дворец.

Макурин, однако, его остановил на некоторое время своими вопросами. Мишка уже ушел, незнакомым ушам больше не осталось. Между тем, вопросов было много. Близилась большая поездка в действующую армию, и требовалось кое-что решать. Например, снабжение продовольствием. Сами продукты Макурин мог достать. И даже провести его першероны могли без особой сложности. А вот по потреблению оказались трудности.

Нет, снабжение самого себя и даже его «государевых людей» он проведет без проблем. Но затем вполне естественно, возникали вопросы снабжения ставки и самой армии, а они обязательно возникнут, хоть не в него реальности, но все же Макурин хотя бы из фильмов знал, как плохо кормили не только солдат, но и офицеров. Не зря регулярная армия так ненавидела интендантов.

Андрей Георгиевич не собирался им помогать, взяточников и воров он и сам ненавидел и пренебрегал. Но вот, извините, нормально кушать он хотел и желательно не менее трех раз. И не только сам, но и кормить Ставку цесаревича, и самую армию. А это было гораздо сложнее.

От императора Николая Макурин, собственно хотел:

— во-первых, официального согласия, как у главного начальника. Действующая армия — это государственная структура в чрезвычайной ситуации, там и расстрелять могут! Не говоря уже о том, что это просто не красиво действовать за спиной государя;

— во-вторых, и, наверное, самое главное, обусловить оплату продовольствия. Сам процесс будет прорабатываться в регулярных частях на самой войне, на так называемой Действующей армией. От императора опять же требовалось согласия в принципе, чтобы интенданты, эти официальные казнокрады, не имели возможности отказывать хотя бы даже в этом.

Выслушав и выяснив, что требуется конкретно от него, Николая сказал категорическое императорское «ДА». После этого он, наконец, смог уехать. Уехал и Макурин. Слабое место в XIX веке была связь. То, что в XXI столетии можно разрешить путем нескольких звонков не сходя с места, два века назад требовало много усилий и времени.

Можно, конечно, перемести тяжесть обслуживания на слуг, но Андрей Георгиевич не решился. Ведь они, каналы, много чего напутают и качество будет слабое. А с учетом, что в его хозяйстве много чего будет впервые, Макурин не хотел бы, что б первый блин стал комом. Да ему и самому было интересно снабжать Действующую армию. Он и в своем-то времени никогда не и близко не подходил к этим вопросам, а тем более в прошлом.

Сначала остановился в Санкт-Петербурге, собрал, кого можно и кого надо на совещание. Потребовал от них резко увеличить выработку сухарей и консервов. Затем выделить возможные запасы, а он не только предполагал, но знал, что их будет много.

Но все-таки наибольшие возможности здесь окажутся не у органов снабжения, а у структуры переработки продуктов. Поэтому, возложив на городские органы, в первую очередь, выработку сухарей, что уже делалось, но в гораздо меньших размерах, и потребовав сделать несколько передвижных хлебозаводов (так называемые ПеЗы, будущие ПАВЗы) он выехал в поместье. Там, конечно же, уже выработались различные консервированные продукты, ведь холодильники не существовали в эту эпоху и в мирное время. Однако же он сразу же понимал, что масштабы надо резко увеличить.

Для этого, в первую очередь нужны, как говаривал товарищ Наполеон, деньги, деньги и еще раз большие деньги. Может и не так точно, но что понадобятся значительные финансовые вливания, Макурин не сомневался. Как и то, что обратные деньги могут и не придти. Но надо, Маша, надо. Рисковые вложения были всегда и не каждый раз они обращались в финансы.

Благо деньги были, и ему даже не пришлось просить у Николая I аванса. Просто необходимо подсчитать, сколько надо рублей по минимуму и по максимуму, и сколько он может дать. А потом распорядиться взять:

- по министерству религий России;
- по сетям общепитовских учреждений;
- по поместью.

А ведь хорошо получилось, даже еще осталось в резерве. А теперь работать, работать и еще раз работать!

Но, прежде всего, сложности у него возникли уже в дороге. Во-первых, снежные заносы, во-вторых, колючие морозы. Оба этих фактора были не столь большие, когда ты дома у горящего камина и, если надо, теплого одеяла, и становятся чрезмерными, если ты сам в дальней зимней дороге.

Правда, ехать Андрею Георгиевичу надо было не так долго. Но несколько раз санки у него застревали в снежных пробках, а один раз, при переезде ледовой переправы, он чуть было не подумал, что хана санки, доездились!

Нет, конечно, это было еще не все, Макурин в этом веке уже и на лошадях мог верхом. Но все-таки хорошо, что их маленький отряд сумел прорваться по дороге в поместье, а помещичий дом был заранее протоплен. Сампомещик предусмотрительно послал весточку со слугой о скором приезде и вот теперь млеет в тепле после холодной дороге. В Санкт-Петербурге Макурин хотел сразу же с вечера дать команду собрать крестьян, но после мороза и усталости... да жаркой деревенской бани... да изобильного ужина с большой рюмкой наливки...

Короче говоря, деловой настрой у него появился только после завтрака, после вкусного сладкого чая с травами и медом да с сочными блинами и мясными закусками. После такой еды как-то и работать стало хорошо и с чувством энергии!

Перво-наперво распорядился с пчеловодами и ягодниками. Потребовал резко увеличить выработку меда и медовой продукции, сухого и обычного варенья, повидла и мармелада в связи с войной. В конце провел приятное для всех мероприятие — объявил, что из-за чрезвычайного положения цены на военные поставки существенно увеличатся. И тут же выделил изрядный аванс.

«Производственники» явно повеселели. Макурин на это показал им большую стопку ассигнаций:

- Работайте, мужики, старайтесь, а я вас не обижу. Война — войной, а жрать всем

хочется! Так что богатеите!

Потом собрались «возчики» — крестьяне, связанные с провозом различных грузов. Продовольствие ведь само не прибежит, его надо перевезти. Тут уж говорить пришлось более конкретно. Рассказал, что знал — сражения начнутся в Валахии (совр. Румынии), а потом, как война пойдет. При поражении армия будет отступать в Молдавию, при, скорее всего, победе — к Дунаю. Вот туда и будем тянуть дорогу — от поместья до Киева постоянная трасса, от Киева до Действующей армии — временные. Тем более от Киева некоторые трассы пойдут по рекам в судах.

Крестьяне переглянулись. Слова помещика явно говорили про будущие трудности. Но одновременно это были хорошие деньги.

— А-а, барин, сколько нам будут платить? — осторожно спросил старший ватаги возчиков Митяй.

Макурин, который очень нехорошо относился к таким понятиям, как патриотизм, добродетель, гордость за Родину, уже научил своих крестьян требовать за свой труд денежный эквивалент.

Нет, он тоже любил свою Родину и был твердый россиянин. И потому не понимал, когда чиновник, требуя работать, начинал трындеть про патриотизм. Спрашивается, какая связь между любовью к Родине и номами выработки? Правильно, работать бесплатно.

Своих же крестьян Макурин кормил не болтовней, а твердыми расценками, понимая, что сытые люди гарантируют его же помещичьи доходы и тишь.

— Смотрите, — пояснил он, — дорога новая, необработанная, да еще с опасностью в военное время, думаю, с полным объемом груза туда-обратно рублика два-три вам точно обойдется.

Крестьяне, не выдержав, загомонили. Это были большие деньги даже у Макуринских крестьян. За это можно было и помыкаться.

— Если на обратном пути будут нагружать ранеными, то это только на отдельную плату. Православная, конечно помощь, но деньги все равно любят счет. Не сомневайтесь, мужики, задарма не будете работать.

И последнее, — остановил он крестьян, — страхование.

Эта услуга была уже крестьянам известна, хотя поначалу она вызывала только недоумение. Это ведь в XXI веке такое понятие стало повсеместное, а в XIX веке о нем совсем не слышали. Когда приказчики, сами еще не понимающие, но обязательно дергающие с крестьян копейки, последние не стали бунтовать только из-за того, что помещичьи люди забожились — приказ барина. А крестьяне уже привыкли, вся тяготы помещика, какие бы они не были непонятные и разорительные, идут на пользу их хозяйства. И действительно, «скотское страхование» сильно помогло самим же крестьянам в ходе падучей коров. Почти сто коров умерло в прошлом году по всем селениям поместье. Тогда, конечно, страхование стало для Макурина кратковременно убыточно, хотя, как сказать. Прочные крестьянские хозяйства всегда дают изрядную продукцию.

Потом пошло и медицинское страхование, непонятное ни по первому слову, ни по второму. Ничего, быстро поняли, когда кривая Марья — супруга недавнего бедняка Никифора, заболела животом и пришла в больницу. Врач, сначала недовольный пациенткой, узнав, что она по страхованию, не только вылечил ее, но и дал ей кучу денег — почти восемь гривенников. Ух ты!

Вот и остановились возчики, желая узнать, чем барин их в этот раз обрадует. В общем-

то да, новость вроде бы сначала шла о тяготе, но потом опять же об дополнительных отчислениях.

Поговорили, погалдели, порадовались. В этом году в связи с войной возчики стало побольше, а работать они будут много. Зато денег станет значительно больше, а сам Макурин был твердо уверен — продовольствие в армию точно пройдет!

Потом пришел к собственно цели визита — животноводческих и куриных фермах. Там он хотел не только увеличить объем продукции, хотя и это тоже. И курятина, и крольчатина, и свинина должны были вырасти в продаже. В первую очередь, — как понимал Макурин, — за счет интенсификации, больше едим — быстрее растем, и только во вторую очередь за счет уменьшения поголовья.

Но и это он собирался оптимизировать за счет роста маточного поголовья. Поэтому и скот, прежде всего, выбрал скороспелый. Свинья — свиноматка рождает по десять — пятнадцать поросят за раз. Раньше почти поголовья шла на стол. Теперь же шабаш, пусть растут!

А вот говядина, которая пусть у россиян XIX века популярна, но все равно осталась в прежнем объеме. Корова дает одного теленка в год, попробуй потом численность их компенсируй! Для этого века — это десятилетия.

Лучше уж о молоке поговорить. Новые коровы голландской породы дают в это время более десяти тысяч килограмм молока в год. Пей, не хочу! Конечно, мелкие крестьянские семьи, пусть имеют и с десятков и даже более прожорливых детей, это не съедят. А вот для рынка очень даже хорошо. И для продажи, и для переработки.

Кстати, для производства, которого почти пока не было. Производили по мелочи, что и так делали в крестьянских хозяйствах — сметана, сливки, простокваша (кефир). Даже сливочное (животное) масло и сыр очень медленно распространялось на рынке. Все-таки общество XIX века ближе к средневековому миру, чем современному, приспособляется к любому новому очень медленно и плохо. А у него, в свою очередь, все руки не доходили. Да и не хотелось, честно говоря, хоть и понимал, что это весьма выгодно.

Но вот теперь, с проблемами армейского снабжения, хочешь, не хочешь, а придется. Ведь свежее молоко за тысячи верст для Действующей Армии везти и очень невыгодно, и сложно. Скорее, скиснет продукция, превратится в взбитую простоквашу. Выход один — преобразовывать молоко в нужную продукцию. Какую?

— во-первых, сухое молоко. Вполне хорошая продукция, не страшась транспортировки и переработки. Единственно, боится воды, но для этого у нас пока единственный выход — деревянные бочонки разного объема. От несколько ведер, до литра — два;

— Во-вторых, сгущенное молоко. Единственный, помимо молока, ингредиент — сахар, появился сейчас в большом количестве и дешево. Так что и сгущенное молоко можно производить много и не дорого;

— В-третьих, молочный шоколад и различные сладости на основе молока. А также меда и шоколада. Мда-с, с последним будет трудно. Какао сейчас уже получают, и, соответственно, шоколад производят, но мало и дорого. Ведь сам по себе, без добавок, шоколад чувствительно горек. Пожалуйста, сахар-то есть!

Вывод один — все возможное наличествует, надо только работать. Это, в свою очередь, подталкивает к возможному пути — поставить во главе шоколадного проекта разбитого и талантливого работника, не боящегося нового, и дать ему большие возможности. Кто? М-гм,

Мишка с Урала! Переводить послов он смог хорошо, но ведь не одними переводами жив человек.

Ну и так далее... сладости в эту войну вряд ли много дадут, но, в принципе, через лет двадцать — тридцать, выгода проявится.

Он долго стоял, глядя на коров, занятый своими всеобъемлющими думами. Соседская буренка, любопытная, как все женщины, устала на него смотреть и протяжно промычала с вопросительными нотками, — мол, что с тобой?

Макурин на это только засмеялся, вытащил из кармана на этот случай сухарь, дал кусок. Корове этого хватило, а человек поспешил прочь. Не от коровы, к большим и трудным делам. Мастерская — прообраз завода пищевого — у него уже есть, как и технологии сухого и сгущенного молока, так и сухого яичного порошка, но требовалось рассмотреть некоторые тонкости, усложняющие продукцию при большом производстве.

Весь день только на это и ушел. Едва в вечернее время сумел заглянуть в деревообработанную мастерскую. Так несколько работников, не спеша, резали доски и обрабатывали их с помощью пара и горячей воды. Макурин нахмурился. Процесс ему нравился, совсем не нравился объем.

— Тебе не сообщали о росте продукции? — холодно спросил он заведующего, уже готового к пустой отмазке, — где твоя реакция на это, а, собака дранная?

Но у того не оказалось и ее. Он только мялся и что-то невнятно говорил о недостатке дерева и работников, испуганно косясь на помещика. Тот ведь, мало что читал гуманистическую литературу, так и запороть мог до смерти.

К счастью для крестьянина, Макурин сегодня очень устал и уже не мог ругать. Он только пригрозил ему:

— Через два дня сюда придут или я, или мой доверенный. Смотри у меня, если что не дееется, одной поротой задницей не обойдешься.

И ушел. Некогда ему было, завтрашний день был последний в поместье, поскольку послезавтра он обязательно должен быть в Зимнем дворце, встретиться в очень короткой, но важной встрече с императором Николаем I, где тот даст им (ему и цесаревичу Александру) последние наставления. И потом они должны уехать. И так, наверное, опоздают к первым боям, что не важно, и к большому сражению, что весьма плохо.

А ведь он еще должен побывать у беременной жены, где получать наставления, хе-хе, от любимой, но капризной женщины. Когда успеет.

При таком недостатке времени, он только сумел глянуть насолонину и копчение, не только посмотреть, но и положить в рот кусочек мяса. Кажется, вкус нормальный. Хотя это ведь на третий день и на производстве. А что будет через месяц времени, и тысяч верст пути?

Но ему уже было некогда. Несколько часов бешеной скачки и он уже сидел у ног дорогой и милой Насти. На этот раз она не злилась. Ведь жена никак не ожидала мужа дома, зная, что император отправляет их на войну. А тут он будет у него целую ночь!

Но все-таки, главным образом, она не злилась на него из опасения разволновать слабую нервную систему ребенка. Макурин и это знал, правда, не от Насти. Вездесущая служанка Алена нечаянно слышала, читай, подслушала, как проходящий врач наставлял ее хозяйку, как беречь ребенка. Врач был весьма дорогой и важный, но Андрей Георгиевич был ему за эти поучения жены очень благодарен. Ведь вместо пяти-шести часов ругани и попреков не за что, он будет мило беседовать с женой и уверять ее, что она все равно красива и при том

очень здорова к будущим родам.

То тоже не очень комильфо, но нервы все же бережет и тем и этим. Макурин погладил ее по руке, мягко пожурил ее за жалобу на здоровье. Интересно, а как в крестьянской семье мужа берегут своих жен? Там-то не только нет никакого лечения, но и отдыха у беременных нет. Всегда работают крестьянки, даже уже с большим животом.

А то вот высокопоставленной дворянке можно лежать на постели и капризничать почему зря, мучая окружающих.

— Дорогая, — дождавшись, пока Настя, наконец-то, замолчит, перебил Макурин, — ты не хочешь отужинать? Пора уже!

— Ах, я, наверное, такая глупая и жалкая, — слабо улыбнулась Настя, — впрочем, проси, лично я тоже хочу поесть.

Вот и еще два часа можно подержать время, а потом можно и спать. А завтра на войну, ура! Бедные турки, как они от нас отмучаются. А все от жен.

Впрочем, дергаться из-за жены во время ужина ему не пришлось. У Насти были рабочие руки, а с блюдами копошились две служанки под четким руководством Алены. Ему лишь приходилось сохранять милую улыбку и пару — другую раз самому «приглаживать» салфеткой лицо «бедной» жены.

Все остальное время Андрей Георгиевич лениво грыз ножку курицы и спасал жену от скуки. И ведь так все мужа обходятся в семейную пору. Только Алена радовала. Новобрачная тоже уже была беременной (сама сказала), но только от этого радовалась и веселилась. Но и она могла погоревать. Как же, у нее будет ребенок, и может сын! На что барин только укоризненно покачал головой.

— Алена, ты опять заставляешь меня, а в моем лице, и Бога работать на тебя! Смотри, если Бог не разгневается, то я сподоблю!

Глупая Аленка ничего не сказала, но выжидающе посмотрела на Макурина. Ее лицо так и говорило:

— Барин, ну дай Христа ради сына. Тебе ничто не стоит, а нам с мужем радость на всю жизнь.

На эту наглую, в общем-то, простыбишку Макурин не успел ответить. Бог на этот раз сам отреагировал. В зимнем небе грозно заворочал гром, словно предупреждая мелкую умишком женщину, что б больше не мешала Богу. А то!

В сумеречном небе проскользнула крупная молния, осветившая и без того светлую комнату. А следом прокатился мощный гром. Служанки, пронзительно завизжав, бросились под постель жены, Алена осталась на ногах, но так побледнела, что стало ясно — на этот раз испугалась и даже очень.

А жена Настя, внешне оставшись спокойной, так дрогнула рукой, что золотая чайная ложка, которой она копошилась во фруктовом салате, улетела в угол и не просто так, а в красный, под иконы.

Настя печально посмотрела на нарезанные фрукты. Это вкусное блюдо, якобы придуманное французским поваром Натиньи, хотя на самом деле предложено было попаданцем, ей очень нравилось. Поколебавшись, она рукой взяла кусочек груши. Дома можно и не быть культурной. Обратилась к мужу:

— Дорогой, тебе не кажется, что Бог был очень разгневан? Как бы и нам не попало!

Настя тоже была весьма впечатлена, если не сказать испугана. Тут император разозлится, вся Россия дрожит, а как Бог?

— Да уж, — буркнул Макурин. Обратился к Алене строго: — ну, что задумалась? Бегом подбирать ложку и тщательно ее мыть. А потом будем наказывать!

Крепостная служанка — иногда меньше, чем собачонка. Ее хоть барыня иной раз любит. Алена печально, но быстро пришла к золотой ложке. Она и так виновата, а тут еще добавят! Пришла к столу, аккуратно положила вымытую ложку:

— Барин, а можно мне платье снять, очень ладная-то одежка, порвется ведь!

Андрей Георгиевич мысленно хмыкнул. С одной стороны, да, платье, перешитое из старого наряда Насти на свадьбу Аленьки и носимое иногда по ее просьбе, было очень даже великолепным. Если Алену сейчас нещадно выпороть, то и платье порвется.

Настя тоже об этом подумала и, поскольку, сегодня она была спокойна, а, значит, и не нервна, то попросила:

— Милый, а может не так жестко наказывать? Беременна ведь!

Макурин посмотрел на служанку. Стоит, вроде бы мается. А в глазах все равно мелькает бесенята! Ведь, наверняка, в голове мелькают мысли, какой она барину будет без платья? Конечно, при беременной жене он ее неизавалит на постель. А вдруг потом! Она и не на постель согласна.

Вот ведь бабы! Все их на секс тянет.

— Никакого смягчения, вот еще! — твердо сказал, как отрезал Макурин: — быстро пошла в красный угол, платье не снимать, а только оголять колени. И читай давай, с чувством и толком «Отче Наш». Ну!

Это было так неожиданно, что женщины страшно удивились и переглянулись. Они-то только о порке думали, а он дальше подумал. И ведь может и мягче, а может и жестче, как еще захочет.

Прочитала нужную молитву.

Андрей Георгиевич между тем догрыз куриную ножку, одобрительно кивнув, приказал:

— А теперь иди в нашу домашнюю церковь и читай ту же молитву, пока Господь не даст знак, что хватит. Ребенка ты, так и быть, родишь мужского пола.

Вот что у них находится в голове. Алена расцвела, будто ей сказали светлое, и побежала в церковь — снимать вину.

Ведь на все Божья воля!

А утром надо было ехать сначала в Зимний дворец, а потом на «российские юга» — туда, где, начиная в XX веке, советские люди собирались каждое лето отдыхать, он ехал воевать. И не сказать, что сам, но ведь и его могли убить. Мда-с!

Беременная Настя, понятно дело, устроила банкет. Тьфу, истерику. Но надо отдать должное, умеренную. И скорого ребенка жалела, что уже вот-вот родится. И объективное условия в виде императора учитывала. Понимала ведь, как казенный человек и честноподанный, он должен делать то, что хотел монарх.

Поэтому, учитывая вышеизложенные обстоятельства, Андрея Георгиевича утром Настя палкой не била, так, за уши слегка подергала. Зато поцеловала и потребовала скорого возвращения, чтобы и муж видел ребенка, и тот его лицезрел.

И еще на себя обращала прямо-таки ликующая Алена. Ее приход в домашнюю церковь по велению святого окончился видимо чем-то радостным, хотя и интимным. Во всяком случае, на прямой вопрос Макурина обычно храбрая и даже наглая служанка застенчиво покраснела, но ничего не сказала. А у него хватило такта не наставать. Служанка тоже человек, так считал житель хотя бы XXI века.

Все уже было собрано заранее и попаданец, расцеловавшись с женой, поскорее отправился по нужному маршруту. С собой он взял только немного личных вещей и небольшой запас чая, сахара и некоторых продуктов для неожиданного обеда. Это ведь в цивилизованной России можно будет всегда найти стол и постель. А в разоренной Молдавии можно было надеется лишь на свою бурку, да на свой узел с продуктами и различную походную посуду.

Николай I и обычно вставал рано, а уж в день отъезда сына и наследника и тем более. Когда Макурин прибыл в Зимний дворец, то увидел его весь в огнях, суматохе людей и коней. Всем командовали император Николай и даже, скорее, императрица Александра Федоровна. Из-за этого много было истерики, крики и суматохи. Так что Андрей Георгиевич начал думать, что он просто вернулся из своего дома в свой же дом, а его любимая жена только по недоразумению еще не показалось, но ему все равно попадет.

Хотя, нет худа без добра. И Николай I и его сын Александр заметно торопились и из-за этого некоторые элементы прощания сокращали, а иные вообще прекратили. В частности роскошный завтрак стал скромным чаепитием, торжественное богослужение сократили до одной довольно-таки короткой молитвы, а парад гвардии вообще отменили якобы из-за недостатка времени.

Из-за этого они смогли выехать почти рано — около половины десятого и уже в первый же день проехали почти тридцать верст. Впрочем, благоприятные окрестности Санкт-Петербурга скоро окончились. И хотя до Киева они еще ехали в мирной атмосфере, по крайней мере, по ним не стреляли, но дорога была вычищена дурно, а ехать в санках и даже верхом на лошадях было трудно.

А после Киева они вообще были вынуждены оставить сани, пересев из-за тепла в брички. Дорожные трактеры стали редки, а обеды в нем дороги и дурны. В общем, обычная дорога на войну. Путешественники это понимали и не ворчали. Благо оба они приехали по стране (Макурин чаще, цесаревич реже) и чувствовали, что может быть и хуже.

Наконец, поехали на финальном отрезке пути, официально считавшемся отрезком с

плохими дорогами. А, по сути, являвшимся полнейшим бездорожьём. Армия здесь уже пошла, то есть по каждой деревенской дороге проходило, как минимум, по десятку тысяч человек и коней и видно было, что лучше ехать без дорог, чем по таким дорогам. Никаких трактиров здесь, безусловно, не было и наступил ночлег просто под открытым небом, когда постелью служила охапка кукурузных стеблей, а укрыться можно было своей же буркой. А перед этим предлагалось поужинать, чего Бог послал, то есть, что догадались взять с собой. Гвардейский полуэскадрон, заботливо присланный армейскими генералами, стоял полукругом и, похоже, жарил на кострах двух быков, специально приведенных сюда с этой целью.

К сожалению, ни командование, ни полковые офицеры не подумали о том, что их высокие столичные гости не имеют съестных припасов и попросту могут голодать. Андрей Георгиевич тоже ничем не мог в данном случае помочь, поскольку его продовольственнымаршруты еще не прибыли.

Оставалась надежда лишь на свое НЗ — маленькая копченая грудинка, сухое молоко и яичный порошок. Продукты эти и в XIX веке были знакомы, но для широкой публике не популярны. Поэтому, если свинина еще принималась, как возможная, хоть и простонародная еда, все-таки походные условия (!), то серая и коричневая смесь в некоторых местах с прозеленью, вызывала только брезгливость.

Молодые гвардейские офицеры, отправленные из столицы вместе с цесаревичем Александром, наотрез, пусть и вежливо, ведь все же действительный тайный советник и святой, отказались. Согласились лишь на сухарь с кусочком грудины и рюмку наливки, а позднее, на сладкий чай.

Что же, хозяин — барин, хе-хе. Макурин, вскипятил воду от различной заразы в это время, потом, дождавшись, пока она остынет, заболтал в какую-то жидкость обе смеси. Выглядело как-то не очень прилично и офицеры только иронично переглядывались. Но Макурин сначала произвел какую-то еще одну сложную гадость (молоко с яйцами в жидком состоянии), а потом поставил ее на большой сковороде на огонь, предварительно обжарив на ней копченую свинину. В результате на сковороде получился вкусный и на запах, и на вид роскошный омлет на сале и мясе!

Даже Александр, которого предупредил Макурин об итоговом блюде, был, честно говоря, поражен, хотя и внешне держал невозмутимый вид, а уж молодые офицеры просто разинули рты. Шепотом, а через некоторые минуты и вполголоса они подсказывали друг другу, что никак это Божья воля, ведь не зря их товарищ по ночлегу святой.

Макурин меж тем по-походному сервировал ужин, пригласил на трапезу Александра (прошу вас, ваше императорское высочество), офицеров (вы уже отказались, но, может быть, вы все-таки изволите откусать).

Во всяком случае, поужинали они не хуже, чем остальные. Тем более, на одном костре по какой-то причине мясо обгорело. Сидели, ели омлет с копченой грудинкой, пили разбавленную наливку, единственно, чтобы вода не была противной. Между делом болтали, веселились. Тут молодые гвардейцы были несравнимы, во всяком случае, Андрей Георгиевич слышал новые для XIX века анекдоты, в очередной раз посмеялся наивности наших предков.

Утром снова ехали, для текущего положения, конечно, только верхом. До Ставки командующего и его штабом было всего лишь 40 верст — ерунда по сравнению с пройденным расстоянием. Тем не менее, и этот дневной путь по бездорожью, по сплошной

грязи был нелегко и мучителен.

В Ставке, между тем, с нетерпением ждали цесаревича Александра, поскольку не могли не ждать. И, между прочим, святого и действительного тайного советника (штатского фельдмаршала!). Князь П.Х. Витгенштейн тоже был фельдмаршалом, но в остальном он конечно, был положением ниже, хоть и являлся князем и германским принцем. А уж решительность еще хуже. Поначалу армией формально командовал Николай I, а Витгенштейн находился как бы при нем. Но потом он сам стал Главнокомандующим, и тогда ему оказалось весьма плохо.

Как бы мы не относились к Николаю Iи его государственной политике, как не старались быть объективным, но надо признать, что в годы его правления вперед выходили, прежде всего, люди пассивные и бездеятельные, которые очень легко вписывались в политику императора «держат и не пушат». Вот и дражайший П.Х. Витгенштейн был хорошим поданным и блестящим придворным, но весьма посредственным самостоятельным Главнокомандующим.

В этих условиях он, как и следовало ожидать, решил перейти исключительно к обороне. Причины его были вполне объективны: несносная грязь, вездесущая холера, нехватка боеприпасов и продовольствия, армия была не только разделена на две части — европейскую и кавказскую, но и те в свою очередь разбросаны на гарнизоны и гарнизончики. Только оборонятся и никак иначе!

Нет, Андрей Георгиевич не собирался быть блестящим генералом и вести в победоносный бой хотя бы одну дивизию. Он чиновник, хотя бы и высокого класса, и штатский. Но что делать, когда военные так низко пали и, по сути, не собираются никак воевать?

После официального обеда, французского с нижегородским, то есть блюда и рецепты были французские, а повара наши и знали они, похоже, только русскую кухню. Но ничего, в условиях войны и это было вполне едимо, но вот разговоры! После таких откровений надо было отводить армию если не Москве, то к Киеву, безусловно.

— Как обед? — спросил Александр — рецептура оригинальна, но вкус недурен, не так ли, ваше превосходительство?

— Обед-то не плох, хотя французским его можно было назвать условно, — ответил Макурин, — но я бы поговорил лучше об оборонческих настроениях местного главнокомандующего.

— Да вы что!?! — несколько удивился Александр, — но ведь его сегодняшние объяснения серьезны и объективны! Я, во всяком случае, не нашел никакой ядовитой крамолы в его интерпретации.

— Ах, бросьте! — Макурин улыбнулся, но голос его был серьезен, — генералы не ученые, последнее дело требовать от них глубоких объяснений. Меня волнует другое. Ваш августейший отец, император Николай I, перед тем уехать отсюда, разработал блестящий план наступления в общем направлении на Дунай. Он и от нас перед отъездом рассказывал это и, безусловно, требовал наступать.

Между тем, вы, ваше императорское высочество, легко перешли на другую позицию, а именно оборонительную позицию Петра Христиановича. А ведь объяснять бледную деятельность фельдмаршала Витгенштейна перед монархом, очень даже вероятно, придется вам! Вы этого хотите, если честно, господин цесаревич?

— Хм! — неодобрительно буркнул Александр, потом надолго задумался. Подходить к

их обеденному разговору именно так он и не думал. И ему это не понравилось, по крайней мере.

Наконец он заговорил, все еще защищая свою позицию:

— Слова Петра Христиановича мне показались убедительными. В конце концов, он боевой генерал, главнокомандующий Действующей Армией, ему и решать. Я же, честно говоря, хоть и не штатский ханурик, но и не боевой генерал точно.

— Совершенно верно, ваше императорское высочество, я тоже штатский деятель, ханурик, как вы сказали. Но проблема не в этом. Есть две существующих концепции военных действий — императора Николая I и фельдмаршала Витгенштейна. Сторонником которой вы являетесь?

Если подходить к проблеме именно таким образом...

— Конечно, моего отца, императора Николая! — твердо сказал Александр.

— Вот именно с таких доказательств вы и должны идти, — закончил разговор Макурин, — и не слушайте генералов, ораторы они слабые.

Разумеется, это было не так и генералы тоже имели право на слово, но Андрей Георгиевич должен был сбить цесаревича с его соглашательских позиций, которые очень нравились самому Александру и очень негативно шли России. Говорить же по иному, то есть доказывать правильность именно своей позиции перед сонмом генералов во главе цесаревичем, он считал крайне неправильным.

— Во-первых, один в поле не воин, генеральская масса его совокупно собьет, если захочет, или если он их позлит;

— Во-вторых, если он победит, то получается, что будет отвечать. Но как отнесутся к этому генералы и... император Николай? Он ведь тоже хотя бы из любопытства, поинтересуется — кто, где, и в какой части его наступательного плана изменили? Ведь армия-то как стояла на зимних квартирах, так и стоит, хотя императорский рескрипт был недвусмысленный — наступать!

— И, наконец, в-третьих, Макурин и сам до конца не был уверен в своей позиции и уж крайне не желал быть во главе армии. Во главе любого дела должны идти профессионалы, и лучше посредственный боевой генерал, чем Андрей Георгиевич непобедимый штатский любитель. Победить-то он победит, но какой ценой и будет ли это победа? Все же он обычный торговец, проще говоря, если уж говорить открыто, спекулянт, купи — продай, пусть и в ранге попаданца.

А так он всего лишь поддерживает концепцию императора Николая I. Ах, вы против, тогда обоснуйте! Или вы все-таки инсургенты, кровавая блямба среди честных лиц российского чиновничества!

Не каждый ведь осмелится после этого спорить с его высокопревосходительством, тем более, в ранге святого, которого все признали таковым и даже Самодержец! Макурин даже про себя подумал, что ведь на 100 % никто не будет ломать свою карьеру, чиновника ли, военного ли. Если даже цесаревич Александр, наследник российского престола, и на 99 % будущий император, не решается. В его прошлой реальности он точно был монархом под номером 2, скорее всего, и здесь будет таковым, а все равно аж посерел, когда понял, что ненароком встал в оппозицию «дорогому папа».

Ха-ха, после того как Макурин промыл мозги его августейшему в будущем собеседнику, тот, оскипидаренный, полетел к фельдмаршалу объясняться. Между двух вариантов — получить тяжелый разговор с папа (ударение на французский манер на последнюю

гласную) и взвинчено поговорить со старым Вингенштейном, — он без колебаний выбрал бы последний. И уже, между прочим, без колебаний, начинал.

Андрей Георгиевич с ним не пошел. Он предпочел бы, чтобы его фамилия в этом жизненном писке никак не проявилась. Пусть будущий вполне вероятный конфликт между цесаревичем и его августейшим родителем пройдет без него, а то в российской государственной мельнице он оказался очень близко к жерновам. Это, конечно, самая ценная часть мельницы и здесь мелют муку, но ведь и его ненароком смелют! Не то, чтобы он боялся, но это такой политически интимный момент, когда снова встанет вопрос, кто в России император? А он, слава Богу, уже от этой пропасти отошел и снова приближаться не хотел. И так действительно не хотел, что даже передумал немного вздремнуть и решил проветриться, прогуляться до ближайшей линейной части — Астраханского пехотного полка — и провести в нем молебен. Он ведь святой, кажется, или просто гулять вышел?

В Астраханском полку его не ждали, хотя командир полка полковник Самойлов попытался доказать противоположное. Впрочем, весьма умеренно, а полк действительно споро строился. Не потому, что святой прибыл, а просто командир цепко держал в своих руках часть. За это Макурин простил ему некоторую ложь и даже стаканчик водки, принесенный по приказу полковника денщиком вместе с немудреной закуской. Перекрестил Самойлова, сказал между делом:

— Я не только слуга Господа Бога, но и еще человек и ничто человеческое мне не чуждо. Но все же предпочитаю не начинать любую затею, особенно богоугодную, сразу с водки.

Полковник, наконец-то, немного смутился, предложил выйти к построенному полку. Макурин на него не обиделся, даже мягко улыбнулся, давая понять, что ничего не происходит. Командир полка — это человек, который поведет на смерть тысячи человек, и, может быть, даже себя, что уж ему надоедать всякими мелочами!

Вышел к воинам. Полковой священник суетился с последними частностями — священную воду и елей проверить, пыль с икон стереть. Дело это мирское, хотя и немного божье. Ведь не сам же Бог будет чистить свои изображения?

Благословил священника, перекрестился на священные полковые религии. От этого таинства икона вдруг заблестели, а изображения на них очистились. Словно каким чудодейственным очистителем по ним прошлись, а сами иконы запахи нечто вроде елеем.

Священник слегка пошатнулся от такой благодати, перекрестился, представился:

— Полковой священник Илизарий, преподобный. Что мне теперь дальше делать, подскажите?

Стоящие неподалеку солдаты и офицеры зашевелились, зашептались, стоящие в задних рядах и поодаль вытянули головы, пытаясь понять, что там произошло.

Макурин посмотрел на них, на яркое солнце. Молодец Илизарий, сметливый все же. Не потому, что не знает, что делать, а потому, что рядом с ним Святой и от него надо что-то услышать!

— Батюшка, — негромко, но открыто попросил, почти благословил на богоугодное действие святой священника, — пройдите за мной вдоль строя с иконой, а дьякон пусть окропит священной водой. Я же пойду впереди, буду благословлять наших воинов!

Небольшая группа священников, Макурин среди них, хоть на Земле его никто не причащал на сан, зато на Небесах озаботились, прошлись вдоль строя.

Прошли медленно, Андрей Георгиевич никуда не спешил, благославлял, стараясь, чтобы

Божий дух оказывал влияние не только на солдат первой линии, но и задних. Благословлял, не только крестом водил по горизонтали и по вертикали, святой захватил Божье терпение и радость и передавал его воинам, да так, что они, казалось, вот-вот взлетят на крыльях Божьего внимания.

А когда батальный командир капитан Ротман, протестант по исповеданию, начал слишком громко выражать нетерпение по поводу затянувшегося богослужения, Макурин и к нему подошел и спокойно заговорил, а потом даже перекрестил. Трудно сказать, что он говорил, разговор был негромкий, даже близлежащие его не слышали, но Ротман в итоге был явно ошеломлен и смотрел на всех, никого не видя.

А уже в конце святой на виду у всех перекрестил и благословил полковое знамя. Ткань его мелко затрепетала, словно кто прилежно его чистил. Затем вдруг лик Божий ярко засиял, а его взгляд потеплел.

Макурин прочитал проповедь. Не потому что надо, а потому как что за это приход священника в народ без небольшой речи:

— Воины! Это война не религий, Господь добр и милостив ко всем вне зависимости от того, как вы молитесь и как креститесь. Но Бог очень не любит, когда целый народ через чур наглеет и считает, что он первый из всех. И если вас ждет там смерть, то потом только благословенный рай. Благословляю вас, дети мои!

И после прочее молитву во славу Господа.

Солдаты и офицеры Астраханского полка и без этого были с большим моральным веянием, а после стали готовы с радостью идти в бой.

Макурин же вернулся обратно. Он выполнил свой долг святого и теперь очередь за генералами. А вот с этим было как раз неблагоприятно. Во всяком случае, с фельдмаршалом Вингенштейном.

На краю селения, в котором располагались Ставка и Главный штаб Действующей армии, Макурин встретил строй всадников (в больше степени генералов и офицеров) во главе с хмурым цесаревичем и не менее хмурым Главнокомандующим.

— Не поедите с нами, Андрей Георгиевич, — мягко приказал, а, по сути, попросил Александр, — Петр Христианович хочет показать мне бедственное положение хотя бы близлежащих полков. Посмотрим доводы, как ЗА так и ПРОТИВ активной войны.

Кроме слов Александр показал и глазами — помощи, Главнокомандующий уперся в своей позиции и не двигается ни на дюйм. Я один ничего не смогу сделать.

Андрей Георгиевич согласно кивнул. Нет, он, конечно, не хотел бы показать себя рядом с первыми лицами в Действующей Армии, но если не получаются у них самих, то он поможет. Ставки-то велики, тысячи жизней убитыми и ранеными. Кроме того, ему очень хотелось увидеть свою структуру снабжения. Как-никак, потрачено уже сейчас более миллиона рублей (астрономические для того времени деньги). А сколько людей он сюда направил и сколько личного времени потрачено. Хочешь — не хочешь, а поинтересуешься, как дела, любезные?

Поскакал чуть поодаль Александра и Петра Христиановича, но впереди господ генералов. Не потому что заважничал, просто так положено.

К своему крайнему удивлению, они приехали в тот же самый Астраханский полк, в котором он только что провел богослужение и затем уехал. Не зря говорят, торопливость хороша только при ловле блох. А в остальном лучше не торопится. Последовал бы совету полковника Самойлова пообедать, проверил бы, как старательно работают его люди и

высокопоставленных сановников бы дождался. Эх, торопыжьест, и ведь не пятнадцать уже лет!

Построили полк, и уже Витгенштейн скрипел зубами и досадовал. Да, мундиры у солдат и даже офицеров были заметно обтрепаны, от обуви остались одни оденки. Но моральный дух военнослужащих был удивительно высок, солдаты утверждали на вопрос, готовы ли в бой? охотно и даже радостно, словно их там ждали не кровь, страдания и даже смерти, а обильный обед с мясом и водкой. В армии фельдмаршал отличается поручика, прежде всего, большими возможностями для удовлетворения собственных потребностей, в том числе любопытства. И капитан Ротман раскрыл полковую тайну, — оказывается, здесь только что было богослужение!

Цесаревич и Главнокомандующий переглянулись. Потом оба обернулись на Макурина. Что уж там было больше — укоризны от секретности его задания, или благодарности от эффективности действий — Макурин так и не выделил. На всякий случай отбрехался:

— Что вы от меня ждете, господа? Я непременный слуга Господний и в армию приехал, прежде всего, для молитв и богослужений. Если вы думали о другом, то поздравляю вас — вы очень наивны!

Два таких высоких деятеля, конечно, не ожидали от собеседника столь нелюбезных слов. В другой стороны, а что они ждали от святого? И доклада они, кстати, и не должны были ожидать. Пусть один из них является представителем императора и сам вскоре станет императором, а второй был Главнокомандующим Действующей Армией и фельдмаршалом, то есть по линии военной ему никто командовать не мог, наоборот, он сам мог приказывать любому, кроме, пожалуй, военного министра. Однако и их собеседник был не лыком шит. И если над ними еще были начальники на Земле, или начальник хотя бы, то над Макуриным лишь один Господь Бог. А учитывая его статус — святой, то есть представитель Бога, — это ему требовалось командовать ими. По крайней мере, он был точно чином старше.

Витгенштейн, как старый военный, снова понял это первым. Он отдал честь и сказал, что отныне он будет его преданный слуга.

«Еще бы, — подумал Макурин, — Ротман, наверняка, рассказал, как повлияла на него краткая проповедь. А я ведь говорил вам — Богу все равно, какие у вас перья и как вы молитесь. Богу, главное, ваша искренность и рьяность».

Андрей Георгиевич подумал еще немного, потом решил, что хватит нудеть. Скоро начнутся довольно-таки жесткие бои!

Петр Христианович Витгенштейн, имея огромный жизненный опыт, сумел найти выход из рискованного положения — из «артиллерийского огня глазами». В котором он, как неожиданно самый слабый, скорее проиграет, — предложил пойти пообедать, чем полковая кухня пошлет.

При этом он требовательно посмотрел на полковника Савельева. Чувствовалось, что командир полка сейчас поставил перед жестким ультиматумом — или подыграть Главнокомандующему или немедленная отставка с тяжелыми бумагами. Еще в советскую эпоху так делали. Выпнут вежливо — нечего тут себе нервы портить. Ну а в Санкт-Петербурге распечатают служебный пакет, да прочитают характеристику Витгенштейна, так только и остается, что «повысить» до командующего какого-нибудь гарнизона в провинциальной Сибири. И чтобы на тысячи верст вокруг безлюдье...

Командир полка высчитал ситуацию ничуть не хуже попаданца. И в XIX веке умели играть в подковырные игры не хуже, чем в будущем. Гостеприимно картинно раскинул руки:

— Ваше императорское высочество, господа! Позвольте вас пригласить к столу полкового собрания. Рецепт не сложная, но весьма сытная. голодными вы отсюда не уедите!

Эк полковник, а все-таки промахнулся, малой, будет тебе от Главнокомандующего на орехи! Вот если бы ты пригласил на жидкую кашу размазную, да на остаток ржаных сухарей вдобавок, тогда бы ты потрафил своему фельдмаршалу. А то ведь действительно не голодный паек, хотя и столичным его не назовешь: на первое уха из стерлядки, густая, аж ложка стоит, на второе даренные копченые куры. Запить на выбор — французское шампанское, итальянские вина. На десерт кофе с ликером, торты и пирожные, фрукты. Вот ведь как!

Да после такого обеда говорить о скудном пропитании армии никак нельзя. Кстати, а ведь в самой Ставке питались как бы и похуже. Во всяком случае, даже цесаревичу суп подавали мясной, но жиденький, а бедную курицу делили одну на троих. Что Петр Христианович страдает желудком и на стол особенно не подавали жирное и острое, чтобы не нервировать старика? Или, что еще хуже, высокопоставленным гостям пытаются убедить о плохом положении в армии и еще под этим соусом пытаются выпнуть обратно в Санкт-Петербург? Ведь это уже даже не наглость, это чуть ли не революция, черт побери!

Андрей Георгиевич вкусно погрыз грудинку курочки, негромко отпил вкусное шампанское и с нехорошим интересом открыто посмотрел на Главнокомандующего:

Что же вы теперь нам скажите, фельдмаршал, какую еще нарисуете трогательную сказку об остром недостатке продовольствия в армии?

Цесаревич Александр, чувствовалось, тоже имел недовольные вопросы к фельдмаршалу. Но вот что было интересно, и Главнокомандующий имел какие-то вопросы хотя бы к местному хозяину, и это было не только недовольство к неподдержке фельдмаршала. Слишком уж была разница между двумя военными в чине и должности, чтобы оспорить какой-либо вопрос. Да, конечно, они оба дворяне и оба имеют определенную свободу слова. Но одновременно, один фельдмаршал и Главнокомандующий, а второй полковник и командир провинциального полка! А ведь это военные, господа, а не какие-нибудь штатские!

— Извольте объясниться, полковник, о вашем обеде! Вы питаетесь куда лучше, чем я в Ставке!

Недовольство фельдмаршала было видно невооруженным глазом, и Самойлов даже встал по стойке смирно, что, в общем-то, не требовалось, по крайней мере, в столице. За столом же! Хотя Макурин его понимал, даже не являясь военным и жителем XIX века. Недовольное высокое начальство всегда во все времена приводило к ухудшению положения подчиненных при чем прямо противоположено — чем больше недовольства, тем хуже положения.

— Ваше высокопревосходительство! — доложил он так, словно на плацу докладывал — громко и торжественно, — еще сегодня к завтраку мне бы нечего вам предложить, кроме постной каши на воде и в лучшем случае, по одному ржаному сухарю, а на аперитив — холодную кипяченую воду. Но буквально за несколько часов до вашего появления, когда мы имеем счастье вас лицезреть, из столицы прибыл большой обоз с продовольствием. Старший одного обоза представил мне предписание военного министра о долговременной службе именно с этой кампании. И что часть кормовых денег будет даваться на пропитание уже в столице!

— Да? — несколько удивился Главнокомандующий, с удовольствием глядящий на стройного полковника, — это что же, ваш полк такой особый, что единственный снабжается из столицы самим министерством?

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство! — строго по форме доложил полковник. Действительно, командир полка — это не та шишка, чтобы ему сообщили о положении в Действующей Армии из столичного министерства.

Кстати, — подумал Макурин, — а ведь военный министр мог бы и написать какую-нибудь цидулку в Армию. А то уже как-то неудобно становится перед Главнокомандующим. Зиц-председатель Фунт становится, а не боевой фельдмаршал!

Впрочем, вскоре все оказалось нормализовано. Бюрократизм Николаевской эпохи хоть и был медлителен, но прочен. И любой приказ выполнял строго до последней Яти.

Еще в конце этого же обеда прибыл императорский фельдъегерь с самоличным императорским рескриптом. Витгенштейн сам распорол столовым ножом пакет, прочитал и удивленно хмыкнул. Потом отдал бумаги, но не цесаревичу Александру, а Макурину. Хотя он посмотрел мельком и сразу отдал цесаревичу. Это было то послание, о котором они обговаривали еще до отъезда из Санкт-Петербурга.

Предполагалось было, что официальные бумаги об уровне их полномочий привезет курьер. Ибо как-то неприлично наследнику престола и святому от Неба, министра и действительного тайного советника на Земле самим везти документы. Правда, договаривались было, что письмо будет от военного министра и как бы неофициально, а получилось от императора и очень даже официально. Но что делать, они же не знают обстановку в Зимнем дворце после их отъезда. Может быть, так было надо. Тем более само письмо было в формальной форме, но с неофициальным стилем. Николай, как бы вначале просто сообщал о том, что в армию приезжает его старший сын и небесный покровитель России святой Андрей:

— Милостивый государь Петр Христианович! — писал он, — для административного напора посылаю вам своего сына, цесаревича и наследника Александра, а также святого Андрея и действительного тайного советника Макурина.

«Эхма, — мысленно посетовал Макурин, — надо хоть прозвище какое придумать. А то

ведь и сам не знаешь, о ком идет речь — об апостоле Андрее или о тебе грешном».

Во второй части письма, однако, император Николай довольно плавно перешел к официозу и уже просто приказывал:

— Исходя из существующего положения, святой покровитель Андрей среди них является старшим. Предлагаю вашему высокопревосходительству непременно помнить, что святой Андрей наш покровитель не только в этом свете, но и в том. Все предложения и приказы его преподобия обязательны, как мои личные.

«М-да, а про цесаревича Александра такое не написал. Странно, или имеется в виду, что титулы цесаревича и наследника уже само по себе говорят?»

О, а вот о моей кампании:

— С сего года для улучшения снабжения и одновременно для сокращения расходов будет проведен эксперимент. Армия более не будет снабжаться сама путем покупки продовольствия на казенные средства. Специальная частно-государственная кампания будет доводить продуктов до полков, а платить будет министерство.

И уже в конце письма прямо приказывалось:

— Как только позволят погодные условия и состояние армии, ваше высокопревосходительство должны отдать приказ на наступление.

— Вот это славное письмо! — с удовлетворением отметил фельдмаршал Витгенштейн, — четко и понятно. С удовольствием буду выполнять приказы его императорского величества!

Можно подумать, что у тебя есть другие возможности, — саркастически хмыкнул Макурин. Потом передумал, посчитав, что Главнокомандующий имеет много прав и способностей для торможения движения армии.

Между тем, Витгенштейн действительно ВЫПОЛНЯЛ, а не искал причины для дальнейшей остановки на зимних квартирах. Войска еще стояли на места, ведь молдавская грязь была страшна. Но, между прочим, интенданты получали продовольствие и снаряжения, командиры проводили первые пробные походы, небольшие пока. Солдаты стряхивали зимнюю вялость и, на сытном довольствии прямо-таки на глазах оживали. А кавалерия уже и начала воевать, обороняя основные силы армии и пробуя уколоть врага сама. Турки понесли заметные потери, и сильно утихли. Правда, и наши потери были и в убитых, и в раненых.

Погибших тожественно похоронили (их было трое), а раненых уложили в боевой госпиталь. Александр, честно говоря, больше для траты собственного времени, чем для лечения раненых, ибо цесаревич был не врач, а сановник, решил приехать к ним. Андрей Георгиевич, конечно же, поехал следом.

Точнее даже, он ехал в ближайшие дни обязательно, поскольку понимал, что его благословения, хотя и не лекарства, но обязательно помогут пострадавшим. Ведь больным его усилия очень даже помогали, так почему бы раненые не станут выздоравливать? Александру он говорить об этом не стал, и для всех окружающих это был приезд цесаревича и наследника Александра со свитой.

Сам цесаревич, тем не менее, так не думал, или, по крайней мере, подозревал, что реальность окажется другой. Но молчал, и Макурин ему в этом был благодарен.

Это была все же вторая четверть XIX века. Воевали люди давно и часто, а вот военная медицина развивалась еще слабо. В госпиталях размещались офицеры — дворяне, а простонародные солдаты были в полковых лазаретах. Разница заключалась в питании и

быта, а лечение в обоих случаях было примитивно — остановка кровотечения, грубое хирургическое вмешательство, борьба с инфекциями.

Нет, определенная помощь все же была, но очень немного. И эффект тоже небольшой. Двадцать — тридцать процентов раненых выживало. С одной стороны, максимальный уровень — целая треть поступивших в госпиталь, а ведь туда попадали только те, кто сами не могли двигаться, с другой стороны, только треть раненых могли выжить. А две трети, несмотря на все усилия, умирали!

С такими пессимистичными мыслями Макурин вошел в госпиталь. Он был еще небольшой, даже точнее, работала только одна большая светлая палата, в которых располагались семь офицеров. И даже почти не стало шесть.

Александр, а значит, и свиту, у входа задержали (заболтали) врачи. Андрей Георгиевич все этим не очень не интересовался, служители им тоже не очень. Скромный штатский наряд. Не в мундире и не в вицмундире, и даже без наград, кому он был нужен?

А в палате, в которую они должны были попасть, царил печальная атмосфера. Около одного из раненых, молоденького корнета, почти хорошенького, если так можно говорить паренька, суетились трое служителей.

— Убираете? — не понял Макурин. Тяжелораненые (и тяжелобольные) не могли сами за собой ухаживать и нередко ходили под себя. Такова темная сторона деятельности медиков и с этим ничего не делаешь.

Один из служителей, уже пожилой, но благообразный, перекрестился и негромко сказал:

— Отмучался бедолага, пусть земля ему будет пухом!

Макурин удивился, ведь по внешнему виду, в общем-то, и почти не видно. Кожа серая, потому как кровь не снабжается, так другие раненые не меньше серости имеют. И аура, как у других. Только снизу с краю чернота пробегает. Вот он, явный признак! Чернота быстро займет ауру, и когда смерть окажется господствующей, душа покинет тело. Но все это происходит быстро, в XXI веке наука считает, что мозг умирает в порядке 5 минут, это по светски о душе так говорится.

Но раз аура показывает, что смерть была недавно, значит, душа еще на месте, и можно постараться оживить молодого человека. Рано ему еще умирать.

— Оставьте его в своей постели, — Макурин был уже в плену церковных таинств и не заметил, что говорил властно, сильно, как святой и министр, в обоих случаях закрытый неимоверной властью и полномочиями.

Служители, однако, это сразу поняли и без спора отошли. Благо, нарушение произошло небольшое и не столь важное. Властный гость, судя по одежде, церковнослужитель, хотя и одетый не совсем по православному канону, но ведь и умерший еще вопрос, православный ли?

А Андрей Георгиевич, едва подождав, пока они оставят тело в покое, начал молиться, обращаясь и к Господу Богу, и к архангелам и к херувимам, и к почтенным апостолам, прося всех их помочь оживить молодого человека, пострадавшего за правое дело. Звали его, оказывается, Алексей Берг, и был он протестант, но кому какое дело? Ведь пострадал за Бога и русского государя, и значит, имел право на помощь.

И ему помогли, Макурин даже не мог понять кто, но некое небесное существо, яркое красивое, оказалось в палате буквально на миг и потом исчезло, оставив после себя теплое почтение к жизни.

Люди только еще начали понимать, что здесь произошло, молясь и крестясь, кто физически мог, как умерший ожил и теперь воскрес, как второй Лазарь.

Попаданец, близко стоявший к Бергу, хорошо видел, как вначале кожа на лице приобрела живой вид, потом открылись глаза, и Алексей хрипло произнес:

— Пить!

Поскольку в руках у него ничего не было, Макурин обернулся к служителям за необходимой помощью. Пожилой из них, правильно догадавшийся, поспешил за стаканом и небольшим сосудом с водой, стоявшим над одним из подоконников.

Андрей Георгиевич, ругая себя за недогадливость, перекрестил стакан с водой и, за одним, служителя. Из-за этого вода заискрилась, словно на ярком солнце, а служитель покраснел. Ему явно стало душевно хорошо. Впрочем, святой уже не обращал внимания. Он быстренько взял стакан и преподнес его ко рту умерш... больного, подняв голову.

Берг жадно пил, словно не пил уже много дней. Хотя Макурин его не винил. По крайней мере, душа его оказалась за много верст отсюда, оторвавшись от тела. А само тело смогло не только умереть, но и ожить.

Напившись, корнет попытался получить и информацию:

— Что со мной было?

Экий ты, — удивился Макурин, — будто мы знаем? Внешне ты умер, а внутренне знает только лишь Бог. Даже наука XXI века не может полностью ответить. Да и вопрос, правильно ли она интерпретирует идущие процессы.

Не желая ставить себя в неловкое положение, ибо точно ответа не стал, а предполагать не хотел, попаданец лишь мягко улыбнулся и поднял стакан, — мол, хочешь еще? В ней было еще наполовину жидкости, явно не всю жажду поглотил.

Берг с благодарностью согласился и припал к стакану, как живительной влаге. Пожилой служитель в это время не нашел ничего лучшего, как сказать откровенность в ответ на вопрос:

— Вы умерли, а потом вот его преподобие вас оживил и вы опять живой и в полном здравии.

Алексей Берг от неожиданности от такой новости звучно поперхнулся, пролив воду на лицо и на подушку.

Макурин поднял стакан в воздух, посмотрел на него. Жидкости в нем почти не осталось.

— Эдакий вы, — пожурил он ласково, — помогите теперь молодому человеку убрать воду с лица. Как вас, кстати, зовут — величают?

— Сергей прозвали родители, ваше преподобие, — голос был теплый, но звучный, Макурин и сам бы от него не отказался.

Сергей же начал хлопотать, не только вытерев воду с лица простынкой, но и осторожно заменив сырую подушку на запасную.

— Господа! — озвучил меж тем предложение Макурин, — поскольку нужды в вас больше нет, то вы можете идти.

Он был человек немаленький, как в должности, так и в классе, но все-таки госпитальные служители могли бы осмелиться, и осторожно отказаться. Ведь не их же начальник и нечего тут командовать!

Но служители, которые служили, вообще-то, в госпитальном морге, ничуть не удивились приказу благородного гостя. Поклонились и вышли в коридор. А уж там вдалеке

прозвучало:

— А прямо на наших глазах произошло чудо чудодейственное — преподобный оживил мертвого человека!

Вот ведь озорник! — покачал головой Макурин, — высечь бы его за грубость, дабы и ему, и другим не было наглости так смелеть.

Но голос был такой веселый и наивный, проникнутый такой беззаветной веры в Бога, что он лишь коротко улыбнулся. Улыбнулись и все окружающие, даже Берг. А Сергей, покачал головой, сказал, подавив улыбку:

— Это Костянтин, бедовая голова. Тело такое наел, орясина, а вот с головой до сих по не дружит.

— Пусть его, — решил Макурин, — пускай идет с Богом, нам не мешает.

Ну коли святой так решил, а то, что он святой, никто уже не сомневался, то и остальным не повадно. Они лишь еще раз улыбнулись, теперь уже облегченно за этого дурака, который ни за что, не про что едва не попал под воинское наказание. Это ведь Бог может быть всепросляющий, а человек нет, даже священнослужитель.

Макурин, еще раз перекрестив корнета, перешел к следующему раненому. Там его и застал Александр со своей свитой и врачами. Сразу стало шумно, хлопотно. То, что самим раненым будет нехорошо, никто не подумал. Ведь его императорское высочество сам пришел с генералами и сановниками!

Кстати, похоже, и сами раненые подумали так же. И даже больше, для них цесаревич это непременно награды — ордена, чины, а кое-кому и аренда. Чем не откуп от шума и ранении?

Александр перекрестился, сделал сумрачное лицо:

— Начнем, пожалуй, с самого грустного. Мне сказали, один из вас сегодня умер, упокой Господь его душу.

Поскольку местные врачи были еще не в курсе, ответить пришлось служителю палаты Сергию.

— Ваше императорское высочество! — низко поклонился он, — это был корнет Берг. Только он уже жив. Вот он.

Говорил он цесаревичу, но остальные тоже имели уши и слышали. Какое-то время наступила мертвая, почти звенящая тишина.

— Но ведь этого не может быть! — воскликнул представительный врач. Накануне высокого гостя он в числе других был в составе комиссии. Берг действительно умер, и это было не удивительно. Он оказался весьма слабым раненым, и врачи считали, что раненый умрет со дня на день. Глубокое ранение в бедро и перемежающаяся лихорадка. И что же делать, это война! Кто-то погибает, в том числе и молодые, как это не бывает жаль. Николай Александрович Мещеряков на это уже не раз смотрел и особых чувств мертвые не вызывали. А вот вновь оживавшие из мертвого состояния вызывали и еще как! Прямо до икоты!

Он с изумлением смотрел на живого и веселого Берга и не мог этому поверить. Час — максимум полчаса он сам трогал его труп и был твердо уверен, что он мертв!

— Ущипните меня кто-нибудь, — попросил врач слабым голосом, — корнет Берг, хоть вы скажите, мертвы вы или живы? И как это произошло?

Спрашивал он у раненого, но ответил Макурин. Он уже знал по прошлой жизни, что большинство людей твердо разделяли науку и религию. И, тем более, человек чем он был образованнее, тем меньше верил в Бога. По крайней мере, в российской действительности

XIX века так было точно. И этот образованный явно в европейском университете врач был характерным примером.

— Он был мертвым, или, точнее, почти мертвым, но я обратился к Богу, — громко сказал попаданец, — и Господь решил, что этот молодой человек, павший за правое дело, достоин еще жить. Вот в пожилом состоянии, оставив после себя потомков, он может подняться на Небо. А пока никак нельзя-с.

Николай Александрович замолчал. Его разрывали противоположные чувства. С одной стороны, как опытный врач, он верил только практике. Сегодня Берг был уже мертв, а в чудо он не верил. Но с другой стороны, черт побери, он снова жив и приходилось этому верить, ибо господин Макурин врачом не был точно, а вот священнослужителем и даже святым был. И он сам неоднократно слышал о его чудесах, но не верил. И вот попался сам. И что с ним ему делать? Отвернуться и бежать от раненого, плюнув на священную клятву Гиппократова? Или все-таки махнуть рукой и молча делать свою работу?

Помявшись немного, все же подсел к раненому и начал проверять корнета по проверенному в XIX веку шаблону — температура, пульс, сетчатка глаз, дрожание конечностей. Все вроде бы в норме, кроме одного — вчера он был в полумертвом состоянии с тенденцией к мертвому, а сегодня наоборот. И лихорадка вроде бы заметно сбавила темп. Тьфу!

Мучительные колебания врача Мещерякова были настолько очевидны, что Макурин решил отвернуться, чтобы не расхохотаться. Вот позору-то будет. Люди-то страдают от ран, тяжело, но лечатся. А он, как клоун...

Повернулся к цесаревичу. Тот ничего удивительного, как и смешного не видел, стоял у старшего офицера в этой палате и расспрашивал, как идет война.

Подполковник Иванов, старший офицер кирасирского Елизаветпольского полка, считал, что хорошо и, если так они будут воевать дальше, то с победным концом.

Ответ его удовлетворил. Он собственно, интересовался даже не фактами, их можно было узнать и в донесениях, а каким образом отвечают. Офицеры были бодры и веселы, не смотря на ранения и это было хорошо.

Сама выдача орденов была произведена весьма просто и буднично. Ни тебе оркестра, ни печатания сапог по гравийной поверхности. Раненые же, некоторым вообще двигаться нельзя, больно и врачи не разрешают, чтобы раны не потревожить. Цесаревич Александр, правда, сначала пытался произвести торжественную обстановку, но потом махнул рукой и повел себя так сказать по-домашнему.

Собственно и награждать было не за что, конкретных подвигов у раненых не было, кроме самих ран, и ордена поэтому числились на торжества невысокие. Станислава IV и II степени и, соответственно, Анны. Чиновники на праздники награждались такими наградами каждый год десятками тысячам, не меньше. Единственно, чем отличались сегодняшние ордена, так это знаками мечей. Сразу видно, не за просиживание штанов награждали.

Подполковник Иванов единственный, кому дали Станислава II степени с мечами, но опять же из-за высокого чина, маловато ему уже Станислава IV и III.

По правде говоря, хотя об этом и не говорили вслух, настоящей наградой для всех раненых было благословение святого, от которого у них сразу же улучшалось физическое и моральное состояние. Андрей Георгиевич на них не скупился, а Алексею Бергу так вообще была дана высокая награда прикосновение православным крестом. Протестант Берг и не думал протестовать по этому по этому поводу. Во-вторых, это была новая государственная политика и кто он такой, чтобы хоть пошевелиться. Во-первых же, и это в главных, энергетика креста святого была столь высока, что корнет почувствовал, что несносная лихорадка, которая уже практически его похоронила, окончательно была изгнана из организма. А рана на бедре начала сильно чесаться, что, как известно, в большинстве случаев означало быстрое восстановление.

Наградили, еще раз пожелали скорого восстановления и отправились с чувством выполненного долга обратно на свою квартиру. А там уже их ждал посыльный от фельдмаршала в высоком для курьера звании полковника. Впрочем, и получателями послания были люди не простые — цесаревич российского престола и святой, провозглашенный недавно императором покровителем Земли Русской.

Сам Макурин, правда, был последним титулом не очень доволен, полагая, что уж очень он высоковат для его небесного состояния. Но Николай I, чтобы не поднимать ненужную дискуссию, несколько схитрил и поставил попаданца перед фактом. А тому уже нечего не оставалось, как смириться.

Полковник, ожидая их, сидел в темных сенях практически час, но зато какая ему была выделена честь — цесаревич и наследник Александр дружески похлопал по плечу, а святой благословил.

В свою очередь полковник-курьер вручил каждому из них персональное приглашение на обед. Нет, торжество было не особо парадное, во всяком случае, полковник затруднился в определении его статуса. Хозяева и сами догадались причиной такого довольно странного поведения Витгенштейна. Статус его высоких гостей был весьма высокий, при чем определить, кто из них более высокий, а кто менее было для российских поданных затруднительно. Вот фельдмаршал и хитроумно обошел эту преграду.

Александр первый пробежал глазами текст, все-таки опыт у него был такого рода большой, меланхолично подождал, пока Макурин дочитает. Потом объявил от имени обоих,

что можно передать его превосходительству Петру Христиановичу, что они, безусловно, будут.

Обед действительно оказался знатным и по обилию блюд и по важности известий от фельдмаршала. По поводу первого надо сказать, что Главнокомандующий легко обошел полковника Савельева. Одних салатов было более десяти, потом первые блюда, потом вторые. Цесаревич, очевидно, не ожидал столь широкого гостеприимства после предыдущей трапезы здесь же и так отдал должное закускам, а потом супам, что, когда дошла очередь до вторых блюд, он уже мог вкушать только глазами. Андрей же Георгиевич догадавшись, что и до Ставки подошли обозы с продовольствием и они, наверняка, более обильные, чем для полка, кушал более дальновидно, как говорится, по маковому зернышку, и сумел досидеть в боевом состоянии до конца трапезы.

Но еще более важные, чем сам обильный и изысканный обед, были провозглашенные фельдмаршалом известия. Армия собиралась в кулак для отражения нападения турок, которые медлительность русского командующего оценили как осторожность и даже трусость. От этого фельдмаршал явно обиделся и собирался на следующем этапе сам перейти в наступлении. Пусть-ка опробуют русских штыков!

Но это были еще не все новости. Витгенштейн, вручив только что присланные с фельдъегерем отдельные (ох!) письма цесаревичу и святому, порекомендовал прочесть тут же и сообщить, едут ли они в Санкт-Петербург и когда.

— Его императорское величество мне написали, что отзывает вас в столицу, — сообщил Главнокомандующий, — но когда оставил на ваше усмотрение. Так что смотрите, господа.

Письмо от императора были более важным событием, нежели вкусные блюда, и оба гостя тут же вскрыли пакета, не обращая больше на кушанья. Прочитали, подумали. Цесаревич осторожно сказал, бросив взгляд на Макурина, что он, пожалуй, остался бы на отражение турецкой вылазке, а потом поехал, как рекомендовал ему августейший родитель.

Макурин кивнул и сказал более прямо:

— У меня такие же инструкции. Так что мы еще немного вас помучаем и уедем в благословенную столицу на выполнение своих непосредственных полномочий.

Витгенштейн, довольный, конечно же, оспорил некоторые предположения, но оба гостя понимали, что они уже здесь только мешали. Они побывали здесь своего рода толкателем, фельдмаршал решил на наступление, а больше они не видели своей особой роли. А вот в Санкт-Петербурге они были нужны, особенно Макурин. Простой народ, перестав видеть святого на проповедях, заволновался. И проблема не только в том, что его могли куда-то отправить, скажем в ссылку, в конце концов, это дело государя, но проповеди позволили пресечь всякие болезни, которых в XIX веке было множество. И как бы народ не вздумал идти к Зимнему дворцу с массовой просьбой вернуть святого. Ведь это, какой бы она не была мирной, походило на бунт и император будет вынужден отправить войска, в первую очередь гвардию. А она шутить не любит, и, скорее всего, прольется кровь.

Макурин, вспомнив кровавое воскресение при его правнуке Николае II, только кивнул, в слух же сказал, что они в любом случае должны в пределах месяца уехать.

Кофе со сгущенном молоком и пирожными они уже пили в деловой обстановке. Все было сказано, все действия приняты, оставалось только не свернуть от выбранного курса.

Назавтра они уже выехали в свите Главнокомандующего. Андрей Георгиевич не очень-то знал подробностей об этой малоизвестной в его реальности войны и, тем более, с местными нововведениями в этом мире, но полагал, что опасаться нечего. Уже

кавалерийские стычки показали, что моральный дух турок низок, так же как и плохо их оружие и военная стратегия. Не известно, чем думал нынешний султан, бросая свои не очень-то эффективные войска, но очень даже вероятно, что они будут легко разбиты. Блистательная эпоха Турции уже оказалась позади и турецкие паши должны об этом знать. Или им скоро это напомнят.

Макурин не ошибся. Полевые сражения для турок были очень трудны. Их удар на Прут окончился даже не крупным сражением, а мелкими стычками, в ходе которых мусульмане вначале были остановлены, потом слегка подвинуты, а уже потом они стремительно побежали.

Последний этап, кстати, цесаревич Александр и Андрей Георгиевич уже не видели. Как только стало понятно, что турецкий натиск остановлен, а Главнокомандующий твердо держит армию в руках, они поехали в столицу. Ибо война — войной, а государственная политика в основном идет в Санкт-Петербурге. А обстановка там на этот раз очень даже накалена. Не так, конечно, как в начале XX века при Николае II, но тем не менее.

Опять с трудом вязли в грязи по Валахии с тем же размером полуэскадрону, но с другими войсками, потом проехали через Киев, побывали там и даже кое-что покупали и, вот она дорожная цивилизация. И тут надо сказать, не только государственные дороги с непременными трактирами и запасными лошадьми им благоприятствовали. Работала уже отдельная линия снабжения кампании Макурина, которая единолично была причислена к государственной. Андрей Георгиевич не возражал. Это был такой момент, когда, что бы не делалось, все к лучшему. Он ведь и сам был государевым человеком, хоть и высокопоставленным, пусть даже в чем-то над государством, но все равно с ним тесно связанным.

Нельзя сказать, что не без приключений, но обратно приехали гораздо легче. И надо сказать думы у обоих были уже в столице. Цесаревич Александр беспокоился об отце и матери, о сестрах и маленьких братьев, а Макурин не менее страстно беспокоился о жене Настеньке, которая как раз в эти дни должна была рожать. Как она там, милая. Первая беременность трудна на всех этапах, только зачатие может доставаться с удовольствием, а так все через боли и страдания.

Но проехали. Было уже лето, благословенная и трудная пора для всей природы и, конечно же для человека. Хорошо же ехать в летнюю июньскую пору, когда еще не тепло, но не жарко, а дороги сухи, но не излишне пыльные.

Ах, хороши дороги, да дома все же лучше, особенно, когда он богатый и обильный, а жена красивая и негневливая... может быть...

Но для начала дела. Приехали в Зимний дворец, для цесаревич одновременно и в дом родной, а Макурину, прежде всего, работа. Хотя для обоих будет для начала отчет у императора.

Августейший монарх был им рад, что виделось и по негневному взгляду, и по желанию услышать отчет о поездке, отложив текущие дела, которых, как всегда, оставалось во множестве.

Цесаревича он слушал в первую очередь. И не только потому, что он был важнее, но и потому, что здесь ничего не было сложного. Выслушал, задал несколько незначащих вопросов и отправил к матери Александре Федоровне, которая ждет не дождется своего старшего сына.

А уже потом пожелал подробно услышать от своего действительного тайного советника

и, по совместительству, святого, отчет о его поездке. Ведь так или иначе, но оба понимали, что это была поездка министра и святого Андрея Георгиевича под прикрытием цесаревича Александра, а не совсем наоборот, как думали все поданные. Ибо он хотя и был цесаревич и наследник, но все же оставался молодым человеком, пока неопытным и не очень умным.

Отчитался. Война, по сути, уже почти подходила, Турки не имели ни военной силы, ни финансов, ни силы воли. Но, одновременно, оканчивалась только отдельная война, но не все многовековое противостояние с Турцией. Именно так и рассказал Макурин, окончив выводом, что стоит ждать очередной войны.

Николай немного посомневался в этом выводе, слишком уж слаба казалась ему Турция. Однако попаданец Макурин, опираясь на еще более чем столетнюю военную историю, твердо заверил его в правильности выводов. Ведь если даже Турция не захочет, то ее поведут европейские страны. А там, настоящий паучий клубок.

Николай, подумав, вздохнул и согласился. Впрочем, это была уже не забота министра (по крайней мере, пока). Императора, надо сказать, больше интересовала деятельность Макурина внутри страны, где тоже было очень даже не просто.

Об этом они и поговорили и даже, пожалуй, больше, чем о военном прошлом. Ведь прошлое всегда менее актуально, чем настоящее, не правда ли? И оба смотрели на нее спокойно, как трудная и сложная работа, которую, тем не менее, можно закончить, если постараться. Главное, что он здесь и готов взять обстановку в министерстве в свои руки.

— Работай, — сказал напоследок император, — я в тебя верю. И докладывай постоянно о проблемах в работе. Но перед этим отдохни немного.

Вот спасибо, любезный, порадовал! — злобно осклабился Макурин, проходя в коридоре Зимнего двора к парадному, — а то я не знал, чем заняться. Теперь вот стану вкалывать, аж пыль столбом!

Подумал и немного застеснялся. Августейший монарх, в общем-то, правильно сказал. И по профилю работа, кто будет заниматься религией, кроме как министр религий? И, между прочим, за эту работу он получает хорошие деньги. В России министры всегда получили хорошую зарплату, хоть в XIX веке, хоть в XXI. Но он и здесь умудрился вылезть из общего ряда, единственный, наверное, чиновник, который даже не может определить размера жалованья.

А все потому, что святой! — произнес почти вслух, хотя и шепотом. И мысли его попали в другую тему. Господь наш Вседержитель милостиво сделал его святым (пусть так!). А ты все делаешь, чтобы выработать получаемое?

Ладно, хватит! — подвел он итог мыслительному клеветельству, — сегодня после обеда проведу одну проповедь в ближайшей церкви побольше. А с завтрашнего дня начинаю каждый день работать по частям столицы (по концам, как исторически разделялся Санкт-Петербург). Надо утихомирить простой народ, а то простонародье XIX века, как неразумные дети, чуть что и сразу кровавый бунт, революция, свержение монархии. Будто так что-то сделаешь. Ведь не понимают люди, что их руками всего лишь меняют монархическую прослойку чиновников на революционную. А смысл какой для самого народа?

— Вези домой, — попросил он бывшего, как всегда, кучером Федора, — и сам пообедай. А там посмотрим. С семьей как?

Федор пошевелил вожжи, голосом дал знать лошади, что пора ехать. Потом ответил Макурину:

— Слава Богу, барин, все хорошо, девка пока родилась, а потом посмотрим. Благоверная

опять на сносях. Будем надеется на сына.

Макурин кивнул. Не то, что из вежливости, а как бы ставя логическую точку в разговоре. Он в самом деле прочувствовал, что на этот раз будет сын. А коли так, что говорить еще? Просто надо кивнуть и молчать, ибо Бог не любит, когда много треплются об еще не родившихся.

Федор, чутко смотрящий на хозяина, ослабил. Знал, что тот не любит много говорить в буднем разговоре, но и так просто не мотнет головой. Значит, святой чувствует сына!

Коляска шустро покатила по улицам города, лошадь, словно видя желание пассажиров, побежала рысью. И вот он родимый дом и желанная жена с сыном! Он уже на расстоянии знал, что Настенька родила. Роды были для первенца хорошие, пусть тяжелые, но не без нехороших последствий и она уже отлежалась. Бог в помощь, милая!

Быстро прошел, почти прошел по лестнице и вот он их личный третий этаж, а в гостинице Настя кормит грудью их сына.

Увидела мужа, счастливо улыбнулась. Он торопливо в ответ подошел к ней, поцеловал в губы. Потом, не давая отреагировать, наклонился и поцеловал сына пока еще в маленький лобик.

— Как съездил? — спросила Настя его. Не из любопытства, по традиции.

И он ответил, как положено приехавшему мужу любящей жене:

— Слава Богу, все хорошо. Был уже у императора Николая, он одобрил поездку. Ведь мы победили и в этом и моя небольшая доля.

А про себя подумал:

«Она свою женскую роль в семье выполнила. Надо, однако, и мне напомнить, что я щедрый и любящий муж!»

Подождал, пока Настя накормит первенца Дмитрия, бережливо накиннул ей на шею ожерелье из драгоценных и полудрагоценных камней на золотой цепочке. Видно все было красиво и, соответственно, стоило недешево. А как же! Вездесущий еврей в Киеве божился, что жемчуга собирали в Индии, гранаты из Персии, а бриллианты шлифовали в Германии. Все везли в Киев, чтобы только обрадовать его любимую.

Торговец оказался болтлив на язык, но Андрей Георгиевич и сам видел своим внутренним взором, что не врет и камни приличные.

Настя, конечно, по-бабьи в камнях не разбиралась. Точнее, как раз разбиралась, но специфически, по-бабьи, что означало по-мужски — никак. Но ожерельем полюбовалась, посмотрела в зеркало, потрогала молочные жемчуга, горошины граната, сверкающие бриллианты.

Но тут заплакал оставленный Дмитрий и жена, позабыв про драгоценную безделушку, поспешила к ребенку.

— Третьего дня меня пригласили на большой бал в Зимнем дворце, вот туда возьму ожерелье, — мечтательно сказала она, глядя на мужа. Спросила у служанки: — как ты думаешь, оно подойдет к новому платью?

Беременная Алена с уже тяжело очерченным животом, сразу оценить не спешила. Посмотрела на ожерелье, видимо, представляя, как это будет на хозяйке. Для надежности предложила: — а давайте посмотрим!

Ха-ха, любимое женское занятие во все века, барабаться в тряпках. Андрей Георгиевич было дернулся, но сдержался. Надо бы пообедать, но как-то продержится еще немного, не весь же день они будут примерять наряд?

Ну день, не день, а пару часов присматривали. Понятное дело, Макурин и сам всмотрелся. Очень уж Настя смотрелась в платье из черного бархата и в ярком ожерелье. Она и так уже, отойдя от беременности и родов, опять стала красивой, а уж в этом наряде просто была блистательной. Но все же надо бы покушать...

— Ах, милая, на очередном балу ты будешь блистать. Обещай мне, что я обязательно буду вторым твоим партнером на танцах!

— А почему не первым? — капризно изогнула Настя губы: — если ты думаешь, что у меня есть при дворе любовник, то ты ошибаешься!

— Прости, — поцеловал он у нее руку, — я не ошибаюсь, я знаю, что нет у тебя никого! А первый танец ты подаришь императору Николаю I.

— М-гм! — уже по-другому оценила жена ситуацию. Николая она считала своим приемным отцом и, что особенно важно, и он смотрел на нее, как на ее приемную дочь. Императорская чета постоянно интересовалась о беременности Насти, а однажды, когда Макурин был на юге, приезжали к ним. Конечно же, они уделяют ей внимание, а император, как галантный кавалер, пригласит ее на танец. При чем на что-нибудь легкое, например, Мазурку, что бы она не устала.

Настенька поцеловала мужа в щеку вместо слов. Какой он все-таки заботливый и чуткий, просто милый муж!

Потом они сели обедать, при чем Алену отправили в столовую к слугам, пусть тоже поест с мужем. Настя после беременности и родов, когда гормоны у ней перестали играть и нервировать, стала беспокоиться о служанке. Пусть, как барыня о служанке, но все же. И Макурин даже не знал, что здесь больше, как о простонародной подружке — приживалке, или о способной портнихе, которая в любой момент обошьет хозяйку.

Хотя, он все равно старался не показывать интереса к служанке. Настя, как и полагается жене, будучи ревнивой, придумает невесть что, а хуже всего будет Алене.

Постарался отвлечься от тоскливых дум, пристроился к блюду к ягненку. Хорошее все-таки жаркое. И пусть в ХХI веке он больше любил свинину, но и это мясо было хорошо под майонезом и пряностями.

Настя была под жесткой диетой, восстанавливая себя перед придворным балом. Поэтому поела чуть-чуть, немного постного мяса без соуса и приправ, салат без майонеза и чай без сахара. Мужу приходилось ее беречь и тоже скупно ограничивать себе, пусть и не так сильно. В конце концов, он может еще прибраться на кухне перед поездкой.

Пообедали. Видно было, Настя совсем не наелась, но держалась. Надо бы его поддержать как мужа жену. Присел на диван из французского гарнитура (стулья из него были тут же) как бы между прочим поцеловал легко в алые губы.

Настя уже была здорова и ждала его приставанья. Жарко обняла его зам шею и сама поцеловала.

— Отнеси меня в спальню, — негромко попросила она, — здесь все-таки неудобно.

«Ого, она начала стесняться прислугу. Не только мужчин, но и женщин», — удивился Макурин, но жену отнес. Муж он ей или кто?

Через некоторое время они вернулись обратно. В гостиной уже была прислуга: Алена покачивала специальную люльку с плачущим ребенком, двое других прислужниц убрали со стола посуду с остатками обеда.

«Однако же, эти-то откуда стали стеснительными? — снова подивился Макурин, — жена что ли научила ненароком. Откуда?»

— Я старалась, — подтвердила она, — делать-то все равно было в беременности нечего. Вот я и орала.

«М-гм, — подумал Макурин, — ладно хоть синяков не видно, видимо, ограничилось руганью. Как я вовремя уехал на войну, а то ведь точно бы разорались бы».

Посидев с женой и служанкой Аленой еще час в легкой и довольно-таки пустой болтовне, Андрей Георгиевич поклонился жене, поцеловал жену и сына, кивнул Алене. Все можно было уходить.

Настя, правда, попыталась прикрепиться к нему под предлогом прогулке, но Макурин мягко, но бесповоротно отказал.

— Милая, — сказал он, — я еду в церковь к простолудью. Там может все: заразные болезни, грубые слова, несмотря на церковь, шум и гам.

— Но я уже окрепла, — попыталась возразить Настя, — и вполне могу идти с тобой.

— А я сейчас говорю не о тебе, — контратаковал муж, — а о нашем сыне Дмитриии. Тебе его не жалко?

— А-а, — только и сказала Настя. Довод был твердый, как у скорлупа у ореха. Пока сломаешь, зубы сгрызешь. Сына она тоже любила и не хотела, чтобы он пострадал.

Андрей Георгиевич не долго наслаждался семейной победой. Все-таки уже не мальчик, да и Настя была так уныла и несчастна. И он продолжил:

— Зато вечером я отведу вас в один из ресторанов. Я знаю, там бывает много придворных и иногда великие князья. И, может быть в Зимний дворец, там очередной бал. Так что готовся!

Макурин обольстительно улыбнулся. Он еще не сказал, что в ресторане может быть император. Они договорились, что он прикажет подать одно кушанье, немудреное, но сытное, которое может быть пригоже армии в походе. А то ведь, монарх согласился, но как-то так неопределенно. Еще не приходит, вот Настя обрадуется поводу поворчать.

Ну все, а пока он уезжает, пока-пока!

И до свидания, мои дорогие, а также хорошенькие служаночки, вашему господину, а также мужу и отцу совершенно некогда, — подумал Макурин несколько иронично. Потом решил, что это через чур, пришел к умиротворенному выводу: — мужчина должен зарабатывать деньги, разруливать проблемы, которые ему создают жизнью и им же (гм!) самим. Хотя, в принципе, тут он не виноват, он только сюда подошел, м-да. А уж жизнь в лице императора Николая I дальше сама продемонстрировала масштабы работ. Не фиг ленится!

Гроздью гороха быстренько профланировал по лестнице, уже не слушая умилительное и требовательное щебетание Насти, пронзительные крики Дмитрия (ха!), более тихие и почтительные возгласы Алены (хо!). Прямо-таки хор из них создавай... бездельников. Не боитесь, что вернусь обратно, и тогда мало не покажется? Впрочем, пусть покочевряжатся, потом будут, как шелковые.

С ходу взбежал в сидящую у дома коляску. Преданный Федор уже находился на небольших козлах, перебирал вожжи.

— Трогай! — бодро сказал Макурин ему веселым громким голосом, натренированном в разговоре с родными. Федор, понимая, что благодетель нанервированный домашней обстановкой, может и ему «немножко» дать рукой, а может и ногой, засуетился и пролетка поехала, оставляя домашние заботы, такие надоедливые, но в то же время милые и смешные.

А вот предстоящие окажутся более трудные, вплоть до крови из носу и если бы только оттуда. Опять ведь некоторые прощельги протащат ножи да кистени в попытке проверить Божью защиту святого. Да-да, есть и такие прихожане, что б их! И ведь не скажешь, что настоящие злодеи, просто шутки у них такие грубые после двух стаканов бормотухи, прозванной почему-то в это время водкой. Ничего и здесь пробьемся, чай не турки, поговорим.

Слух о том, что в церкви Св. Ильи будет выступать с проповедью исчезнувший было святой пролетел в столице с быстротой молнии. Андрей Георгиевич еще с XXI века отказывался понимать механизм его физической сущности. В XIX веке эта проблема была еще сложной. Не было тут не мобильной связи, не социальной сети со скорой отдачи. А вот стоило негромко сказать двум-трем прихожанкам и все, социальный механизм заработал. Главное, кому, что и когда сказать и можно спокойно ждать. Придут!

Сегодня, однако, и сам Макурин удивился, можно сказать так. Обалдел, в общем, если сказать прямо. Еще на двух-трех кварталах от церкви толпа людей была настолько густо, что он велел Федору остановиться. Все равно дальше не дадут, просто возьмут лошаденки под узды и вызывающе посоветуют к божьему храму идти пешком, ноги-те не отвалятся.

Нет, конечно, когда узнают, кто едет, пропустят молча и охотно, так ведь не дальше пяти метров. Там очередные пьяные радетели будут останавливать пролетку. Плавали, знаем, пусть уж пешком неспешно отгородившись от остальных бездельников...

О, а вот и церковь, можно остановится. И пока добровольные помощники сегодня это тамошний клир, небольшой, но требовательный к прихожанам, а к нему мягкий и настоятельный. Знают, что даже в Санкт-Петербурге, где походом святого не очень-то удивишь, проповедь в церкви ведут в нее очень много людей. И то ведь, поцелуй к иконе или кресту, перекрещенному святом, а, тем более, использованным им во время проповеди,

оказывает чудодейственное действие. А это стабильный и большой приток на несколько лет.

Прополоскал водой рот, а потом проглотил в желудок, смягчая связки и горло. Подождав немного и мягко, но звучно заговорил:

— Братья мои и сестры во Христе! Оставьте каждодневные ваши хлопоты и оглянитесь вокруг, как много кругом светлого Божьего и, к сожалению, темного дьявольского...

Сегодня он снова говорил об обыденном и чудодейственном — борьбе Бога и Дьявола в каждом из людей и всеобъемлющем в мире. Эта борьба, как и любовь, прослеживается в каждом поколении и каждом человеке и поэтому проповеди об этом были вечные.

Но и чуть-чуть разные, в частности сейчас, он постоянно сводил к войне с турками, пугал масштабами и успокаивал уже прошлыми действиями. И благославлял, благославлял, благославлял...

В церкви волны благословений многократно отражались от иконостасов, крестов, даже от стен и многократно дублировались на людей, отчего они становились апофеозом добра и милости Божьей и позволяли укреплять физическое здоровье и моральное составляющее пришедших прихожан.

Не зря от церкви через некоторое время шло видимое сияние, как небесные сполохи северных огней. А потом еще не год она эмпанировала добром и моральным светом. А уж в самой церкви, неоднократно согретые теплом Божьим, согревались и смягчались. Он знал, что если в начале проповеди ножи и кистени не будут пущены в ход, то потом точно.

Сам Андрей Георгиевич в ходе многочасовой проповеди не уставал, более того, он как бы даже к ее окончанию окреп морально и физически. Хотя ноги, конечно, дрожали.

Но вот он проговорил последнюю молитву и дал им остатнее благословение. И потом надо было прилюдно уйти. Иначе никак. Если люди будут видеть, что святой остается, то и они останутся и начхать им, что проповедь окончилась. Ведь, по большому счету, прошли они не на проповедь, а на него. И вот если он уйдет, то и торжество церковного хода закончится.

На улице вся процессия проходила в обратном ходе — сначала пешком первые кварталы, благословляя шедших с ним прихожан и кося взгляд на сполохи церкви. Потом поиск собственной коляски с Федором. Небольшое прелюдие в конце «выхода в народ» и, кажется, он выработался в нуль. К н и г о е д . н е т

Однако, сегодняшней день еще закончил. Впереди «эксклюзивный выход» в ресторан с женой и грудным сыном. Интересно, а почему она ничего не говорит о кормилице? В XIX веке была стойкая тенденция, по крайней мере, в светском свете, поставить в помощь жене давать кормящую женщину. Дабы грудь не развивалась. Разумеется, все женщины были против, но когда у них про это спрашивали? XIX век страшное время. Казалось бы, мужского господства, а если подумать, то мужского бессилия. Что мужчины имели право: заработать деньги, объявлять друг друга войну, барахтаться и дрыгаться по жизни. А что могли делать женщины в эпоху так сказать женского бессилия (высший свет). Ничего не делать, кидать деньгами, с трудом заработанные мужьями, самолично командовать в семье, ведь тебе, любимый, так некогда.

Вот и жену Настю он страстно любил и даже немного ревновал. И пугался, когда приходил домой. Что она еще придумала? В частности, почему не поднимает вопрос с кормилицей. Зная ее энергию, он точно понимал, что дело в скромности и нежелании идти на конфликт с мужем. С ним-то она пойдет и даже с радостью. Так что?

Андрей Георгиевич даже некоторую проблему не так тревожно принимал, как задачки

любимой женой. Вот почему мужчины живут меньше, чем женщины? Ска-азать?

— Трогай, Федор! — рявкнул он после некоторых тревожных дум. Не на него сердился, на жизнь, а потому кучер спокойно, но не медля, чтобы на него гнев не переходился. Рявкнул по-молодецки:

— Но, залетные! Барину некогда!

Вот скажи кому, не поверят. Лошади, как люди, все поняли и поскакали домой. Барину же некогда!

Пришел в тамошнюю гостиную. Настя и ее служанка Алена, уже одетые в парадные одежды, его ждали. И... а это что за новая женщина, очень незнакомая. Судя по большой груди точно кормилица, а судя по тому, что страшная, как орк в боевой окраске, точно к ним.

— А, милый, познакомься, это кормилица нашего сына. — увидев мужа, лениво сказала Настя. Суд по тону — все уже решено.

— Я уже понял, — буркнул Макурин. Мазнул по ней взглядом, счел, что этого достаточно. Вообще, служанки с барином не знакомятся. Положение не то. Если только не красавица, но это не тот случай. Даже если кормилица, то пусть сидит скромно в углу, не его же кормит!

Психанул откровенно, а когда ненароком уловил торжествующий взгляд гадючки Насти, уже разгневался всерьез. Тут уж даже притворятся не надо было. Силовые линии внутренней обстановки дома под его воздействиям активизировались и взбунтовали. Женщины же под их влиянием стали походить на настоящих ведьм с их встревоженными прическами и «гулящими» глазами.

— Точно куплю ту безделушку! — мстительно подумал «злой муж», — как есть сегодня же, пусть мучается! Не мне одному!

Проблема была в золотых финтифлюшках — дорогих сережках с бриллиантах. Все было бы хорошо, в этих длинных побрякушках с драгоценных камнями Настя бы выглядела, как настоящая леди (сейф с драгоценностями, как считал про себя, хихикая, Макурин). Впрочем, и красота здесь была неохватная и жена бы их одела. Шутку про женщину-сейф она слышала от супруга и, в принципе, соглашалась. Кто ведь что видит. Кто-то сейф с драгоценностями, кто любимых женщин с безделушками, на каждый роток не накинешь платок.

Дело было в другом — серьги оказались тяжелы и для ушей, и для слабой женской шеи. Они с женой уже останавливались в отделе драгоценности и горячо обсуждали этот сюжет. Настя тогда с сожалением констатировал, что ей это совсем не подходит. Обычный жизненный проект. Кому-то это не по карману, а ей не по шее. Да и уши оттянут такие тяжелые серьги. По сути ведь, это практически каждое ожерелье по одному на ухо. Настя так вслух подумала и с некоторым сожалением забыла. Это жизнь, всего не пожелаешь, а муж найдет другую драгоценность!

А вот Макурин не забыл и подумал, что вот наказать бы ее этим украшением за каким бы гадким поведением! А что такая гадость рано или поздно у Насти появится, он не сомневался. С ее-то характером! Была бы она мужчиной, давно бы убили на дуэли. А раз женщина, носи тяжелое украшение и моли мужа «отобрать» его.

И попробуй только наезжать на мужа! Да я... да мне... да он... вообще не буду украшений покупать!

Вообще-то он подумывал хорошенько побить жену, но даже мысленно не смог. И не потому, что сейчас Настенька была беременна, и ребенку было бы плохо. Любит он ее,

капризную красавицу и не мог понять на нее руку.

И постоянно баловал, хотя бы так, выезжая в роскошный ресторан. Хотя Макурин пытался доказать себе, что поездка в нынешнее учреждение общепита происходила и для собственных целей, но где-то там, в глубине сознания, понимал, что можно проделать это и в другом варианте, например, при помощи кухни Зимнего дворца.

И что из того, что поездкой в его ресторан он удовлетворял интересы еще и императора Николая и, может быть, членов его семей. Настя все равно оставалась на первом месте.

И вот, приехав в дом, он даже не собирался переодеваться. Остановился на том же служебном вицмундире, благо и Николай I любил такой наряд своих поданных не только в служебной обстановке, но и при отдыхе.

— Дорогая, я могу хоть сейчас поехать в ресторан! — громко сообщил он жене, — а ты уже готова?

— Да-да! — видно было, что на этот раз Настя торопилась, беспокоясь, что как бы муж не передумал. Конечно, она бы и сама могла поехать. Деньги на крайний случай у нее были, да и Андрюша не раз говорил, что его рестораны она может приезжать и под запись, все его подчиненные знали его жену, не говоря про крепостных крестьян, которые видели ее с детства. Но с мужем как-то в обществе будет лучше, жена она ему или нет?

Поехали, благо лето на дворе, не надо утепляться. Правда, в Питере в летнюю пору часты бывают дожди и прохладно, но тут уж как придется, но не замерзнешь. А Настя живехонько приделась и шикарно прибыла к нему. Макурин как-то пропустил, что с кормилицей жена стала более мобильной. Сыночек-то не больше не держит! То есть, не то что она о нем забыла, помнит, конечно. Но думать это одно, а кормить — обмывать совсем другое.

В ресторане Макурины оказались первыми, как Андрей Георгиевич и предполагал. Надо было распорядиться о столе. Кухня XIX столетия и XXI не кардинально, но отличается. Например, в прошлом больше делали упор на дичь и дикую птицу, а в будущем — на домашний скот и птицу. Не говоря уже об отсутствии химии, но это ладно. Нет и Бога нет и все вздохнули спокойно. А вот готовить дичь и домашнюю убоинку надо все-таки по-разному. Консистенция разная!

И вода. Первый вопрос о ней в любом учреждении его общепита — пробурили ключевую? Санкт-Петербург, знамо дело, стоит на воде, это даже двоечники знают, кроме уж клинических. Только количество не означает качество и Макурин долго привыкал к воде XIX века, когда не только простонародье, но и знать черпали к столу из речки. Со всем содержимым из моря и из квартир. Фу-ты! Канализация и водопровод в столице Российской империи появится уже в этом столетии, но ближе к концу. А пока Андрей Георгиевич потихоньку проводил водопровод в сети своих ресторанов и трактиров. И ведь заметно вкус меняется, в лучшую, разумеется, сторону!

Ну и, естественно, были проинструктированы господа слуги и служанки о рецептурах новых блюд. Даже больше, чтобы они позорно не прокололись, специально сюда был прикомандирован Мишка, что с Урала, ну тот самый. Макурину мальчик все больше нравился. И тягой к знаниям, и знанием языков, и тягой к новому он больше походил к будущему, чем к прошлому. Паренек неоднократно помогал ему в его делах и не только связанных с императором, а вообще. В частности, именно Мишка потянул сахарный проект, а недавно вариант дорог север-юг.

За это он неоднократно повышался денежно — и повышением жалованьем и премии. А недавно Андрей Георгиевич ухитрился повысить его в дворяне, не трогая императора

Николая. Механизм же есть, нужны лишь деньги и высокий вес в аппарате.

Ну и поужинать, первое дело в ресторане. Ну, или последнее, но все равно поесть. Они как раз с женой ели печеную в большой печи курицу в майонезе, когда специально поставленный у входа слуга привел в кабинет, где располагались Макурины, императора Николая с семьей.

Ух ты! Он, конечно, очень желал монарха в своем учреждении общепита, но даже и не думал, что здесь окажутся императрица Александра Федоровна с младшими детьми. На этот раз в ресторане было готово сырье к приготовлению разного сладкого и привезены лучшие повара.

Единственная ложка дегтя в этом сиропе — взрослая княгиня Татьяна, которая так когда-то увлеклась «приманиванием» святого Андрея к правящему семейству Романовых, что теперь сама никак не могла от него оторваться. Как бы между великой княгиней женой Андрея Георгиевича не произошло банальной ссоры? Конечно, с одной стороны, здесь были августейшие родители Татьяны, с другой стороны, Настя все же понимала, кто она и кто великая княгиня. Но все-таки кто этих баб поймет, включая их самих!

— Все самое лучшее к столу! — громогласно приказал Макурин, видя вошедших. Императорская семья, разумеется, знала, кто тут настоящий хозяин, а кто просто прикрывает. Поэтому, даже не спрашивали, откуда здесь эти вкусности и почему святой командует, даже совершенно не заплатив. Он тут ХОЗЯИН.

— Пока не поедите супчика, сладкого не получите! — спокойно выдвинула уровень своих претензий мама — императрица детям.

Ребятишки, однако, имели, свою картину происходящего и в несколько плоток подвигали мамины претензии. В итоге, уровень позиций где-то уравнился и все успокоилось. Дети немного поели суп и жаркого, а потом им дали торт и конфеты с лимонадом. Все было так привычно, что отец — император даже не подвигнул щекой. Он-то тут при чем?

Они поели холодную ботвинью с копченой свининой, а потом им подали жареных гусей с яблоками под майонезом. Вкусно, но питательно и поэтому Николай быстро прекратил дегустация. С недавнего времени он стал следить за талией, как девица, поскольку парадный фронт требовал максимум небольшого живота.

— Так как же то кушанье, о котором вы говорили? — напомнил император, — Сашка мне говорил, что оно и очень компактно и провозимо, и, одновременно, питательно. Даже телег не надо собирать в обозы.

— Так точно, ваше величество! — согласился Андрей Георгиевич, с вздохом отложив гусиный огузок. Вкусный, зараза, но ведь действительно хватит. Желудок-то один, а жирок и у него растет, — я предлагаю посмотреть весь процесс приготовления блюда. Это быстро, — пояснил он, — зато будет все понятно.

— Ну если не долго, — согласился Николай. Собственно, лично он не искал новое питательное кушанье. Армия не протестовала и ладно. Но цесаревич и наследник Александр в таких красках расписал сначала приготовление у костра, а потом вкусный ужин, дешевый и питательный, что он сдался на уговоры Макурина. Что же, пусть покажет, это не театр, здесь за смотрины не берут.

Хозяин же махнул рукой. Все было давно отрепетировано. Главное, августейший гость изъявил желание.

Появился Миша с небольшой ручной повозкой, которую легко тащил слуга. Пояснил

негромко:

— Вот, ваше императорское величество, два стандартных бочонка в полтора ведра, один с яичным порошком, другой — с сухим молоком.

— Гм, — негромко прочистил император, — как это изготавливается? И на сколько дорого?

Макурин понял, что теперь требуется и его голос:

— Ваше величество, яичный порошок готовится из куриных яиц, сухое молоко, соответственно, из коровьего. Принципиально оба продукта были знакомы населению с прошлого века, но в малом количестве. И причины здесь не в их непопулярности, а в скудости сырья. Я же сумел получить в своем поместье в большом количестве и куриных яиц, и молока. И посредством небольшого улучшения технологий все они появятся на широком рынке.

— Хо! — удивился, наконец, Николай, — так они появятся и в обычных лавках и трактирах?

— Да, государь! — невозмутимо согласился Макурин, — более того, за счет долгого и компактного хранения порошок и сухое молоко заметно потеснят свежие продукты. Ваше императорское величество, — обратился он к Александре Федоровне, — как на ваш взгляд, вкусны ли пирожные?

— А что такое? — насторожилась императрица.

— Пирожные и торты с вчерашнего дня готовятся из сухих продуктов, — Макурин показал на объявление на видном месте стены. Его, конечно, почти никто не читал, даже хорошо грамотные, но это уж, как говорится, дело покупателей.

Повинуясь жесту, все обратились к листу бумаги, где типографски была написана эта же информация.

— Не знаю, кажется миндальные пирожные были такие же, — удивилась Александра Федоровна. Взяла еще пирожное, откусила, покрутила кусочки во рту. Потом заявила: — нет, вкус такой же!

— Вот именно, ваше величество, — обратился он уже к Николаю, — сухие продукты такие же, как свежие!

Попаданец, естественно, не сказал, что со временем в сухие продукты властно вторгнется химия, и положение кардинально изменится. Но это произойдет лет через полтора, когда даже нынешние дети давно умрут!

— Ну, давайте дальше, — Николай успокоился и кивнул Мишке, мол, я готов!

Мишка сразу же начал разговор с того места, где его остановил хозяин: — оба сухие продукта можно размешать водой, вот так, — показал он на действия поваров, мешающих в небольших мисках яичный порошок и сухое молоко в пропорции с водой. — Можно применить и другой вариант, — ответил он на немой вопрос сидящих, — сначала перемешать яичный порошок и сухое молоко, а потом разбавить с водой. Это не принципиально.

Затем разогреваем сковороду, — прокомментировал он действия повара, который выдвинул передвижной очаг с огнем и поставил на нее сковороду, — жарить можно хоть на сале, например копченом, хоть на сливочном масле.

— Давайте на сале, — кивнул Николай. Ему даже уже понравилось, и он с улыбкой кивал Мишке, которого он, наконец, узнал. А вот Татьяна, наоборот, нахмурилась. Ей не понравились ни цвет, ни слабый приторный запах.

— Фу, я не буду этого есть! — заявила она, глядя на Макурина. И смотрела так, словно он был виноват не только сегодняшнем спектакле (в этом она была права отчасти), но и во всей ее неженатой судьбе. А вот здесь, извините, он совсем не виноват!

К счастью, ему даже не пришлось открыть рот в ответной реплике. Николай благодушно кивнул дочери:

— Разумеется, тебе не придется есть копченое сало с омлетом, дорогая. Это, все-таки, грубая походная пища солдат и офицеров.

Примирительные слова отца, как всегда, только распалили дочь, правда, с другой стороны. Ей вдруг захотелось попробовать этот омлет. Но настаивать на позиции отца, она не решилась. Это было бы очень похоже на обычный каприз, а Николай I очень этого не любил.

Сковорода меж тем разогрелась, и повар сначала покидал туда кубики копченого сала, а потом, через некоторое время, вылил раствор яичного порошка, потом такой же раствор сухого молока.

Уже через несколько минут омлет весело журчал на сковороде, обвевая всех вкусными запахами.

Однако же! — удивилась императрица, — такие... — она поискала слово, нашла: — нехорошие порошки. А потом вдруг получился недурственный омлет! Тебя бы на царскую трапезу ставить, а не о солдатах беспокоится.

Так и поставили омлет на тарелочках и перед гостями и перед хозяевами. Хотя в начале Андрей Георгиевич не знал, как хотя бы к одному Николаю I подступится. Особенно после приступа нервотрепки Татьяны. Та такой большой взрыв напулила, даже сама напугалась, нахохлилась, насупилась, молчит, зыркает на всех.

Но с подачи спокойной в этот момент Александры Федоровны все как-то утихомирилось. Императрица и сама вспылчивая, и может давать хоть по шее, хоть по уху, но она уже давно привыкла, что ей надо в любом случае кормить мужа и кучу детей. И что из того, что готовить не ей, все равно проходит через нее. Враз разместила на пару — тройку порций, а потом еще. И себе, и мужу Николаю, и даже нервичке Татьяна.

Макурин было уже решил, что ему не достанется и смирился с этим. Омлет он уже ел и может еще приготовить, хоть сам, хоть попросить поваров. И вообще, в трактире еды масса, знай, не хочу. Но нет, осталась порция и ему, и жене Насте. Точнее даже наоборот, под чутким руководством Александры Федоровны сначала тарелка с омлетом встала перед Настей, а потом перед ее мужем.

Все поели, потом оценили в лице императора Николая, что еда получилась дешевая, но вкусная и питательная. И готовить ее просто, хоть на кострах, и перевозить легко. Так что же мучиться? Вот сейчас на лето часть гвардии ставится по-походному в летние лагеря, пусть гвардейцы сообща и оценят.

Макурин только молча кивнул. Гвардейцы люди требовательные, в этих войсках служит много аристократов. Если уж они определяют новое блюдо положительно, а они точно так оценят, попаданец зуб был готов отдать! Так вот после их оценки нового походного кушанья, омлет точно широко ринется в армию, а потом и в общество.

А Николай уже перешел на другую тему, прицепившись к отменному вкусу кушаний в ресторане, как первых, так и вторых блюд. Летом в столице вода неприятно пахла болотом, как минимум. А тут почему ни чем не отдается?

Пришлось бедолаге Мише отдуваться за весь ресторан и даже за всю сеть макуринского общепита. И ведь не сломался, молодец, грамотно и понятно объяснил, что все дело в артезианском способе получения воды. И сейчас в каждом уже не только ресторане, но и трактире есть такая скважина. И все посетители, если есть такая надобность, получают такую воду.

Николай переглянулся с женой Александрой Федоровной:

— Пожалуй, и мы попробуем такую вкусную воду! А позвольте спросить, а почему нам ничего не говорят?

Миша молча показал на красиво написанное краской объявление: «Все посетители получают воду бесплатно!». Потом объяснил, что в общем зале официанты сразу же ставят воду в графинчике, даже не спрашивая. А в кабинете, как правило, обедают, аристократы и другие богатые люди и они быстро требуют французское шампанское или, на крайний случай, лимонад.

— А ведь действительно, попросили лимонад! — удивилась Александра Федоровна и показала на лимонад на столе.

— Ну хорошо, — согласился не ставить претензий Макуруину Николай, — ну а где же долгожданная вода?

Однако он зря волновался. В кабинет пришел официант сразу с несколькими графинами в два литра с прохладной водой и хрустальными стаканами.

Император Николай, не дожидаясь, пока ему нальют, сам наполнил стакан водой, предложил жене и детям, наполнил желающим.

Жарким иногда летом прохладная вода была очень даже приятна. А уж после обильной пищи так тем более.

— А ты еще жук, — дружески попенял Макуруину Николай, — такой способ получения воды спрятал.

Конечно же, Андрей Георгиевич нигде ничего не прятал, а попросту забыл, в чем и чистосердечно повинился перед августейшими гостями.

Император не рассердился на него, ведь он был не только собственником сети учреждений общепита, но и крайне занятой святой, у которого очень много трудной и важной работы. Поэтому он лишь сказал, посмотрев на прозрачную воду в стакане, что неплохо бы им приезжать в его ресторан хотя бы раз в неделю. Сами бы увидели что-то новое.

— Зачем же? — возразила ему жена, — Андрей Георгиевич имеет около Зимнего дворца свой причудливый ресторан, пусть и привозит продукты хотя бы к нам на отдельный бал в неделю. Там и будем смотреть все новинки. А заодно съедать и пить.

— Вот ведь практичная женщина! — подумал Макурин, в благодарность целуя руку императрице, — мужчины бы, если и додумались, то лишь после долгой практической работы. А тут раз и пожалуйста бриться!

— Я, так понимаю, ты уже согласился, — констатировал Николай, подождав утвердительный кивок Макурина. Потом сказал, как отлил из металла, приказ: — со следующей недели фуршет и ужин на бале будет на тебе. Выбираешь ты сам за неделю до появления.

Андрей Георгиевич только молча согласился. Вот как пригласил императора в свой ресторан на одно дело, а получилось на множество. Хорошо!

Меж тем император, наконец, дошел до Мишки:

— Хорош, молодец, не жаль его, Андрей Георгиевич, так прятать?

Молодой человек решил, что он может привести свой довод и открыл рот. Но он ошибся, поскольку его императорское величество и его высокопревосходительство тут же отреагировали негативно: первый — холодно — заинтересованным взглядом, как денди на надоедливом жука, второй — просто пригрозил кулаком. Не тебе, дурак, рот открывать, когда такие люди разговаривают!

— Хотя он и необучен вести себя при сановниках, но это ладно, — продолжил император, — дать ему в учителя гвардейского унтер-офицера хотя бы на неделю. Он парень сметливый, бойкий, на этот срок научится. Так как?

Экий Николай быстрый, уже подметки рвет с ног! — подивился про себя Макурин, а вслух сказал императору почтительно, но отрицательно: — ваше величество, Михаил работает на очень важных проектах в высоких должностях. Результаты их вы видите — сахарный проект, дорожная трасса от Санкт-Петербурга до Валахии, где ныне была война. И я его высоко ценю. Жалованье этот молодой человек имеет генеральское плюс премии. Кроме того, за большие достижения он недавно по моему представлению стал дворянином! Его мне будет сильно не хватать.

Николай кивнул. Дворянский титул мог дать только император, и именно он подписал

указ о получении дворянства, где поименован Михаил было почти сотня человек. Но, разумеется, он не знал его в лицо и не доказывался, что именно этот человек был одним из недавних счастливицков.

— Однако же, — задумчиво сказал Николай, — в такие лета и так высоко поднялся. И все же, с учетом знания языков, и практической работы, он мог бы, окончив университет, сразу встать начальником одного из важных департаментов в моем министерстве иностранных дел, а?

Макурин, тем не менее, еще сопротивлялся, найдя существенные поводы:

— Ваше величество, как высокий чиновник в одном из ваших министерств, я премного благодарен вашему вниманию. Но как отечественный помещик я как-то недоволен тем, что вы бесплатно берете моего человека.

Император, естественно, как человек своего столетия, ничуть не удивился, а только сказал:

— Хорошо, Андрей Георгиевич, ваша цена за этого хваткого человека, как оказывается, дворянина.

Последнее слово он произнес с легким нажимом. Дворянин, хотя и недавний, по императорскому законодательству Российской империи не мог быть крепостным.

Но Макурин мог только хмыкнуть, хотя бы и про себя. Он знал, что делал и, превращая своего человека дворянином, конечно же, не мог оставлять его крепостным. Но ведь, по большому счету он и не был крепостным, просто зависимым от знатного чиновника, но это совсем другое. Впрочем, не будем от этого.

— Ваше величество, за этого чудного парня, который недавно стал дворянином, вы дадите с десятков молодых людей, которые обучаться в университете перед тем, как станут моими служащими.

— Хм, не много ли! — неопределенно сказал Николай. То есть, он не сказал НЕТ, но ведь и не сказал ДА. А ведь если монарх отринет, то настаивать уже нельзя, это будет, по крайней мере, невежливо.

И Макурин поспешил продолжить:

— При чем, ваше величество, мои приказчики не будут их отбирать. Ваши чиновники сами возьмут парней от 14 до 16 людей, здоровых и не совсем уж тупых. А в университете они, разумеется, будут учиться за мой кошг.

Эти слова Макурина были благоразумны. А то сказал, десять человек за одного. Хотя... — император посмотрел на Михаила, на его умное, сметливое лицо, спросил французски: — скажи, по этим языкам, которые ты знаешь, ты грамотен?

— Да ваше величество, на всех языках! — на хорошем французском ответил Михаил.

Ах, как он все-таки умеет их отбирать, — подумал Николай, с упреком, но одновременно, хваля Макурина, — святой, он и есть святой.

Сказал в качестве итога:

— Хорошо, но после обучения в университет они будут перед этим просмотрены особой комиссией для отбора в государственные служащие.

Николай посмотрел на Макурина. Тот не порицал слова монарха, просто ждал конца его речи. Император удовлетворенно добавил:

— Грабить тебя не будем в любом случае. Если казенные крестьяне подойдут в чиновники, цена их будет согласована с тобой.

Ха, можно подумать, у него был вариант отказаться! Хотя, разумеется, император

станет мне должен, а это в любом случае хорошо.

Император дружелюбно кивнул и вышел, не попрощавшись. Сегодня ведь был еще бал, а святой с супругой будут обязательно, об этом даже говорить не стоило. Деньги он с собой не взял и соответственно не уплатил, но Макурин знал, что по приезде в Зимнем дворце Николай вызовет соответствующего чиновника и прикажет узнать цену и отдать из кабинетных сумм. Правящего монарха можно было ругать в чем угодно (и в чем советские ученые в свое время старались), но только не в скупости и лукавстве. За все потраченное он заплатит, даже если продавец будет откажется. Уже были такие примеры.

Макурин провел по лицу рукой, едва удержался от зевка. Спать хотелось не по-детски, но впереди был не так долго и бал. Осталось мало времени, дорога и все. Вот ведь, когда-то мечтал о придворном бале, а теперь вот ходит как на трудную, немного занудливую работу. Все человеку не угадаешь, хо!

Но увы, ничего не сделаешь, сначала ненадолго домой, потом в Зимний дворец, на придворный бал. А как еще?

Макурин вдруг внешне успокоился, но так грозно, что Аленка забилась в угол коляски, а жена всю дорогу была с ним очень ласкова, демонстрировала свои прелести — то губки прижмет, то грудью прижмется, то ноги нечаянно обнажит. Дескать, все эти прелести твои, милый, я не против!

Здесь Андрей Георгиевич был согласен с ней. Настюшка у него красавица, при чем без приукрашений ХХI века, без хирургических пластических операций и пластиплоти. Если бы не жесткий характер, женщина была бы во! А так придется немного прижать прелестный носик. Просто так, в воспитательных целях, чтобы не воображала нечто неадекватное и не осложняла семейную жизнь мужа. Ведь он не собирался изменить ей. С ее-то темпераментом попробуй!

Извинившись, по пути заскочил в магазин. Этот универмаг полностью принадлежал ему, а не частью, как он убеждал жену. В то числе и эта ювелирка, о чем она не знала. После тогдашнего их прихода все приказчики были жестко предупреждены — до особого знака самого барина — серьги не продавать. Хотя были случаи, когда влюбленные мужчины предлагали такую большую цену! Но, приказ есть приказ, приказчики со вздохом отказывали, указывая, что покупатель уж заплатил, и теперь вот только остается взять товар. И даже предложение перекупить, как это делается обычно, не помогало.

И вот это сокровище уплыло к общему облегчению. Заодно Макурин взял золотые пластинки для ожерелья, от которого они бы только выиграли, и серебряные перстни для Аленки. Инициатива была, кстати, жены. Точнее, приказ. Настя легкомысленно считала, что массивные серебряные перстни сделают служанку похожую на жирную купчиху. Нет, ни ее муж, ни Алена не давали ей причин ревновать, но все-таки, пусть будет похуже на всякий случай.

А Макурин все равно покупал ей с удовольствием. И по рангу — серебро в XIX веке — это сугубо для служанок и для бедных простолюдинок. И по желанию жены. Пусть только попробует, сразу заткнет рот. А сами перстни очень даже подойдет длинным и довольно красивым пальцам Алены.

Ну а серьги он отложит до бала. Вот будет сюрприз, особенно для Насти, ха-ха! Пусть-ка попробует отказаться от дорогого, хоть и немного вычурного подарка в присутствии императорской семьи и представителей высшего света. Не слабо не взять? Ой, как слабо!

Настя бросила на него быстрый, но пронзительный взгляд. Вот ведь женщина! Ревнивая

красавица, дама придворного круга, которая, казалась бы, ничего не видит. Ага, не видит! Спалишься тут ненароком на предварительном допросе домашней жандармерии. Постарался привнести на лицо невозмутимое выражение, подарил жене золотые пластины к ожерелье. Сам их прикрепил, как бы ненароком прижался мужскими пальцами к шее Насти. Буравящий взгляд постепенно исчез, растворился в неге женского удовлетворения. Тот-то же, милая!

Небрежно всучил серебряные перстни Алена:

— Дарю, радуйся, красавица!

Та вспыхнула от неожиданности, потом от радости. Барин подарил такие украшения! Это ведь с его точки зрения, никчемные безделушки. И даже Настя барственно равнодушно просмотрит глазами. Ей по положению никак нельзя. Скандал будет невероятный и для нее, и для него. А для служанки красота невероятная и такая же дорогая. Ишь, как смотрит, перебирая, даже злого барина позабыла, ха!

— Федор, проехали, на придворный бал опоздаем!

А кучеру только намекни. Какой же русский не любит быстрой езды! Очень даже любит, просто обожает. Федор присвистнул на лошадей, те с места рванули. Ау, Зимний дворец, мы приближаемся блистать.

В парадному подъезду, однако, пришли степенно. Лошади, придерживаемые кучером, прошли медленно. Как-никак его высокопревосходительство министр и действительный тайный советник с супругою прибыли. Святой, Господи нас спаси и сохрани!

Сошел первым с коляски, гордый и надменный. Подождал немного, дожидая любимую женушку. Та, впрочем, долго его не мучила. Легко спрыгнула на мостовую, не забыв прикрепится к локтю.

Знатная пара. Он — статный и крепкий, достигший высших чинов и классов, украшенный почетными наградами — портрет с царствующего императора Николая I с редкими крупными бриллиантами, подаренными монархом с милостивым рескриптом. И с орденами только первой степени — Анны, Белого Орла, Владимира, нестепенного ордена святого князя Александра Невского, даваемого чиновникам только первых классов. И еще каких наград, которые присутствующих на бале просто не успевали увидеть. Много же и все сверкающие на свечах.

И его жена, недавно отошедшая от бремени, но уже опять красивая и блистательная, сверкающая, но уже в драгоценностях. Золото, бриллианты, редкие, крупные, а, значит, очень дорогие, оттеняющие красоту самой красотки.

Так они и вошли в зал, где был сегодня бал. Давно прошло время, когда Александр Георгиевич скромно мог затеряться в толпе таких же чиновников и военных, ждущих радость в очередь потанцевать. Нет, теперь даже не стоило наставлять такой милости. Это остальные придворные жаждали этой радости, а он с супругой должны быть около императорской четы с взрослыми детьми. А придворные, поклонившись императору с женой, обязаны также поздороваться с высоким чиновником и святым. А как же, сперва порадоваться с земным правителем, а потом представителем небесного!

Хотя, бал еще начался и даже супруга императора Александра Федоровна с дочерью Татьяной еще не подошли, задержавшись по своим женским потребностям. Николай же стоял и явственно обрадовался, увидев святого с его женой.

— Андрей Георгиевич, сколько зим, сколько лет! — громогласно провозгласил он святому, — доброго ли здоровья?

Макурин так громко говорить не было нужды. Хотя и он тоже не шептал.

— Господь спас, государь, и себя, и народ, — учтиво ответил он, — как и мою жену Настюшку.

— Да, — с удовольствием обозрел император ее стати, — такая же прелестница! И драгоценностей много, только, — помедлил он немного, — что же сережек-то нет по своему положению?

Николай первый обратил внимание Макурина и женщина несколько смутилась под пристальным вниманием мужчин. Сережки были действительно небольшие, скромные, пусть и золотые с бриллиантами, но ведь не по ее чину. Как никак жена высокого чиновника первого класса!

— Да я... — замялась Настя, не желая подставлять мужа. Все же есть — деньги, женская красота, по-настоящему заботливый муж. А вот серьги не купили...

— Ваше величество! — вежливо прервал он ее, взяв по-дружески жену за руку, — мы как раз не смогли оценить серьги — купил намедни вот, мне кажется нормальные, а Настя не хочет, говорит, что вычурные. В итоге решили идти на ваш августейший суд. Как на ваш взгляд?

Александр Георгиевич скромно улыбнулся ей и взял сверток, находящийся до сих пор прижатый рукою к его телу. Раньше она не очень-то и смотрела. Надо будет, сам обратит внимание, а не обращает, так и не надо.

А он развернул сверток и Настя мысленно ахнула. Это же те серьги, которые они смотрели. Они тогда ей не понравились и она их отвергла, хотя и видела — мужу пришлось по душе. И серьги сами по себе, и она в них. Но ведь весьма тяжелые!

Ах, он, какой хитренький, не захотел ругаться с ней сам, решил подойти к императору? Или это из-за кормилицы? Вот ведь какой!

Настя испытующе посмотрела на мужа. Он ответил ей так трогательно-беззащитно, что она сразу поняла — точно мстит. Вот ведь гад такой, а что делать? Не ссорится же при августейшим монархе? Андрей выкрутится, он святой человек. А вот ее могут и отодвинуть от императорской семьи, беспутные и злые никогда не нравятся. Тем более, подарок-то дорогой и красивый, у ее императорского высочества тоже есть немного другое, но тоже много золота и бриллиантов. Нет, император не поймет, мужчины они такие иногда глупые, иногда бестолковые, но никогда не понимающие женщин, даже любимых жен.

Макурин меж тем показал серьги императору и всем придворным на балу.

— У-у! — прокатился гул по помещению. Благородное старинное золото и сверкающие бриллианты так красиво оттеняли ее ожерелья, а вместе белую точеную шейку, что Настя видела по реакции не только мужчин, но и женщин, что они восхищены этой драгоценной безделушкой. Но ведь тяжело же! Или так и надо быть?

Император несколько удивился, посмотрев на Настю:

— Право же, я не знаю, моя дорогая. Эти драгоценности так прекрасны, что подходят к лицу императрицы. Она, кстати, нечто подобное носит. Или, ты из-за этого не хочешь их носить? Мне надо посмотреть, как это будет?

Николай уже с некоторым неудовольствием посмотрел на молодую женщину. Влазить в женскую ссору он очень не любил и из-за этого, как правило, попадало обоим сторонам вне зависимости от справедливости.

— Что вы, ваше величество, вовсе нет, — поспешила Настя отбиться от императорского суда, такого жестокого, как и в этом случае, несправедливого, — я видела их у Александры

Федоровны, с вашего позволения, мы будем хорошо смотреться.

— Угу, — удовлетворенно сказал Николай, — и что же?

— Просто они очень тяжелые, — потупилась Настя.

Император Николай хитро улыбнулся:

— Милая моя, разве ты еще не поняла, что красота — вещь тяжелая и нередко неудобная? С этим ничего не сделаешь, терпи!

Окружающие придворные, видя, что монарх улыбается, угодливо захихикали. Никто ее не понимает. А муж?

Она прижалась к его руке и вдруг почувствовала, что он ее ответно пожимает. Ах он, гад такой... милый!

Уже самостоятельно и твердо взяла серьги, прицепила к ушам. Ой, как же тяжело! — посмотрела в зеркало, — но как она, действительно, красива в них. Потанцевать, что ли? — многообещающе пообещала императору, и тот не удержался, отдал приказание:

— Начинаем танцевать. Первая пара — я с Настенькой Макуриной, вторая пара — моя жена Александра Федоровна с преподобным Андреем Макуриным. Дальше... — распорядился он общей очередью, после чего музыка заиграла громче, а пары закружились по залу. Оставшиеся пока не у дел столпились по углам и вдоль стен. Видать не по чинам пока и не положению!

Впрочем, первый танец закончился, пары распались. Большинство мужчин — люди степенные и даже пожилые, решили, что им сей час достаточно. Большинство, но не все. Вот и Александр Георгиевич добровольно в обязательном порядке отправился на второй танец без отдыха. Ничего, он еще относительно молод, не свалиться посреди танца на пол.

— Ах, какая ты красавица в этих серьгах! — похвалил он ее, — египетская царица.

Настя улыбалась, но как-то жалко. Поколебавшись, прошептала мужу:

— У меня скоро мочки ушей порвутся, — потом помолчав, добавила: — что мне надо сделать, чтобы ты простил?

Во как она быстро сообразила. Так и кошки начнут говорить! Поощрительно улыбнулся ей, но помогать не стал:

— Сама подумай, что тебе можно?

Все-таки он большой гад! Сволочь. Так, за что он на меня напал — знаю, как напал — увидела — больно и эффектно, скотина. Но как суметь что-то сделать, чтобы родимый муж смилостивился? В конце концов, она простая женщина. Хм, женщина, деньги он сам ей дает, поместьями давно управляет он же. Между прочим, весьма эффективно. Ну что же, и она может попробовать атаковать наперед. И на этот раз милостиво, а не жестко.

Оркестр отыграл мазурку, она разошлись. Муж к императору, жена — к императрице. Александра Федоровна появились в эффектных серьгах с большими изумрудами, которые очень шли к ее красивому платью. Настя это сказала в слух, и получила ответный комплимент о красоте ее больших серег. Плакаться ей она уже не стала, все равно, решать будут не здесь.

Вместо этого она попыталась поговорить о своем будущем. Александра Федоровна неожиданно охотно ответила. Оказалось, что императрица так и не нашла себе наперсницу и часто скучает.

— С тобой, моя милая, и поговорить можно хоть о чем, и прогуляться, и даже поругаться. А эти, — небрежно махнула она в сторону придворных, — лишь талдычат — да, ваше величество, конечно, ваше величество. Тьфу!

В итоге, договорились, что она поговорит со своим мужем, а ее муж Александр Георгиевич подтвердит, что он не против.

Мужчины меж тем говорили о них же. Настя зря горевала на тупость и жесткость императора. Он все понял, или, хотя бы, пронял.

— Ваша жена почему-то не принимает эти серьги? — проницательно смотря на собеседника, спросил монарх у него.

На это попаданец только пожал плечами. По большому счету они и сами себя не понимают, куда уж нам до них.

И мужчины дружно покачали головами. Женщина — это тихий ужас человечества. А куда деваться?

Из бала вернулись рано и сразу спать. Император Николай I принципиально после бала вставал следующим утром так же рано и иногда даже проверял высокопоставленных чиновников, пришли ли они на службу. И Боже упаси, если министров, реже начальников департаментов не окажется на месте.

О-о-о, наказание будет немедленно. И не в виде августейшего выговора или штрафа, это было еще хорошо. Нет, Николай становится с виновным холодным, если раньше он был в кругу друзей, сразу же оттуда вылетает. А то и из Зимнего дворца выбьют. А ведь от благожелания монарха в первую очередь зависит карьерный рост и материальное благосостояние.

Даже у святого и, с недавнего времени, ближайшего друга императора. Так что надо немедленно спать, чтобы очередной ночью хоть немного выспаться. Рабочий день, конечно, коту под хвост, но хотя бы на министерском месте будешь и, при вызове Николая (а это точно будет, сто процентов гарантии), можно будет пришкандыбаться в Зимний дворец. Серьезного ничего не будет, монарх тоже не железный. Просто надо показать, что ты на службе и готов служить.

А потому спать!

Хо-хо, мы-то готовы, а жена, это дьяволово семя, не очень. Настя после родов была в полной готовности и более того, помня о дневной холодности мужа, очень даже жаждала теперь супружеского долга.

А еще он вздумал поговорить о должности статс-дамы для жены у императрицы Александры Федоровны. Он-то хотел лишь поболтать, а обрадовалась и решила обнимать и целовать!

И никакие вопли и ворчания, что он хочет спать и завтра обычный рабочий день. И, более того, его обязательно вызовут к императору, и, значит, надо быть на службе. И даже жалобное восклицание, мол, можно я тебе отдам супружеский дом деньгами, купишь чего, никак не помогало.

Да и потом, он и сам был не против после стольких-то месяцев отсутствия секса! Прижался к великолепному телу Насти. Понимая, что вот оно, сказочное удовольствие, ради которого он и оказался в XIX веке!

Расплата обернулась уже на следующее утро, ранним утром, когда мозг ни за что не хотел проснуться. Андрей и холодной водой умылся, и окно открыл, чтобы освежиться утренним холодом, но пока не принял двойную порцию кофе в утреннюю чашку, так и не мог открыть глаза. Хорошо жене Насте, дрыхнет без задних ног, а вот ему на службу, после четырех часов сна!

С большой попыткой сумел не тронуть Настю, хотя было сокровенное желание рывком отбросить теплое одеяло и, что было силы шлепнуть холодной рукой по мягкому месту, дабы она заверещала на весь дом белугой. Ух, как он зол!

Чтобы не сорваться, побыстрее сбежал к парадному входу, там, где уже его ждало министерское ландо — солидная четырехместная повозка, водимая непременно парой лошадей — першеронов, благо размеры позволяли. Эта, так сказать министерская колымага грохотала так сильно, что будила жителей всех окрестных улиц. А в Зимнем дворце, по признанию самого императора Николая, безошибочно угадали — едет министр религий и

святой! Только не надо здесь трогать Господа Бога и его Богоматерь. Дело все в першеронах. Ибо только эти большие сильные лошади могут так быстро протащить сравнительно тяжелую повозку.

Ну, а в министерстве все чиновники знали — ага, его высокопревосходительство приехали! Срочно надо зарываться в бумаги и с умным видом переписывать копии. И самым крупным щиком было оказаться в министерской приемной с ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГОЙ. Министр все равно найдет, к чему придраться, но посмотрит на тебя с ласковостью, что уже почти равнялось ордену.

Впрочем, это были тревоги самих чиновников, ну а пока Макурин, чтобы не уснуть, считал позитивные статьи после своего появления в XIX столетье:

— Научное продвижение после его попадания на два века. И пусть ученые ничего не будут знать еще несколько сот лет. Подумаешь! Главное, человеческая ноосфера пополнится сокровенным знанием, а это, так или иначе, пополнится в массовом разуме людей не в XXI веке, так в XXIII или в XXV, когда он сам давным давно останется лишь частицей общего сознания Гомо;

— Он сам сумел вдруг оказаться на Небе, в сокровенной Божьей сфере. И пусть только в виде души, зато живой, а, не как обычно, мертвым. При чем, он еще не понял почему, но визиты эти были дважды, а сам он стал Святым. При чем, или Бог говорил невнятно, или сам Андрей Георгиевич осмыслил не все, но понимал он только частично, но так и не урузум

Из бала вернулись рано и сразу спать. Император Николай I принципиально после бала вставал следующим утром так же рано и иногда даже проверял высокопоставленных чиновников, пришли ли они на службу. И Боже упаси, если министров, реже начальников департаментов не окажется на месте.

О-о-о, наказание будет немедленно. И не в виде августейшего выговора или штрафа, это было еще хорошо. Нет, Николай становится с виновным холодным, если раньше он был в кругу друзей, сразу же оттуда вылетает. А то и из Зимнего дворца выбьют. А ведь от благожелания монарха в первую очередь зависит карьерный рост и материальное благосостояние.

Даже у святого и, с недавнего времени, ближайшего друга императора. Так что надо немедленно спать, чтобы очередной ночью хоть немного выспаться. Рабочий день, конечно, коту под хвост, но хотя бы на министерском месте будешь и, при вызове Николая (а это точно будет, сто процентов гарантии), можно будет пришкандыбнуться в Зимний дворец. Серьезного ничего не будет, монарх тоже не железный. Просто надо показать, что ты на службе и готов служить.

А потому спать!

Хо-хо, мы-то готовы, а жена, это дьяволово семя, не очень. Настя после родов была в полной готовности и более того, помня о дневной холодности мужа, очень даже жаждала теперь супружеского долга.

А еще он вздумал поговорить о должности статс-дамы для жены у императрицы Александры Федоровны. Он-то хотел лишь поболтать, а обрадовалась и решила обнимать и целовать!

И никакие вопли и ворчания, что он хочет спать и завтра обычный рабочий день. И, более того, его обязательно вызовут к императору, и, значит, надо быть на службе. И даже жалобное восклицание, мол, можно я тебе отдам супружеский дом деньгами, купишь чего, никак не помогало.

Да и потом, он и сам был не против после стольких-то месяцев отсутствия секса! Прижался к великолепному телу Насте. Понимая, что вот оно, сказочное удовольствие, ради которого он и оказался в XIX веке!

Расплата обернулась уже на следующее утро, ранним утром, когда мозг ни за что не хотел проснуться. Андрей и холодной водой умылся, и окно открыл, чтобы освежиться утренним холодом, но пока не принял двойную порцию кофе в утреннюю чашку, так и не мог открыть глаза. Хорошо жене Насте, дрыхнет без задних ног, а вот ему на службу, после четырех часов сна!

С большой попыткой сумел не тронуть Настю, хотя было сокровенное желание рывком отбросить теплое одеяло и, что было силы шлепнуть холодной рукой по мягкому месту, дабы она заверещала на весь дом белугой. Ух, как он зол!

Чтобы не сорваться, побыстрее сбежал к парадному входу, там, где уже его ждало министерское ландо — солидная четырехместная повозка, водимая непременно парой лошадей — першеронов, благо размеры позволяли. Эта, так сказать министерская колымага грохотала так сильно, что будила жителей всех окрестных улиц. А в Зимнем дворце, по признанию самого императора Николая, безошибочно угадали — едет министр религий и святой! Только не надо здесь трогать Господа Бога и его Богоматерь. Дело все в першеронах. Ибо только эти большие сильные лошади могут так быстро протащить сравнительно тяжелую повозку.

Ну, а в министерстве все чиновники знали — ага, его высокопревосходительство приехали! Срочно надо зарываться в бумаги и с умным видом переписывать копии. И самым крупным щиком было оказаться в министерской приемной с ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГОЙ! Министр все равно найдет, к чему придраться, но посмотрит на тебя с ласковостью, что уже почти равнялось ордену.

Впрочем, это были тревоги самих чиновников, ну а пока Макурин, чтобы не уснуть, считал позитивные статьи после своего появления в XIX столетье:

— Научное продвижение после его попадания на два века. И пусть ученые ничего не будут знать еще несколько сот лет. Подумаешь! Главное, человеческая ноосфера пополнится сокровенным знанием, а это, так или иначе, пополнится в массовом разуме людей не в XXI веке, так в XXIII или в XXV, когда он сам давным давно останется лишь частицей общегс сознания Гомо;

— Он сам сумел вдруг оказаться на Небе, в сокровенной Божьей сфере. И пусть только в виде души, зато живой, а, не как обычно, мертвым. При чем, он еще не понял почему, но визиты эти были дважды, а сам он стал Святым. При чем, или Бог говорил невнятно, или сам Андрей Георгиевич осмыслил не все, но понимал он только частично, но так и не урузумел, почему его, до того даже не верующего, хотя и не оголтелого атеиста, вдруг так пронесли по «небесной линии»;

— Ну а само человечество XIX века тоже поднялось в моем попаданстве. Уж как не стремился он поначалу не выдвигаться среди аборигенов этого века, а все-таки гены попадания повлияли и тяга прогресстроства пробилась. И пусть, как это он понимал, человечество пошло по параллельной линии развития, но сколько он ввел хотя бы в России — сахар и соленая селедка, новые технологии в аграрной сфере, социальная и политическая стабильность. Пока он «видит» лишь не несколько десятилетий текущего века, но и это уже показывает — новый путь развития России будет не такой радикальной и не такой кровавой. Десятки миллионов XX века не погибнут зазря, а будут трудится на благо Родины;

— И, наконец, у него появился свой сын, которого не должно быть в прежней реальности. И Дмитрий Андреевич еще внесет свой вклад если и не как сын святого, то хотя бы потомок министра и действительного тайного советника. Уж надеюсь, на этот раз природа не будет отдыхать, как это было ранее, на детях именитых родителей?;

И кстати, тяжелые серьги можно заметно облегчить, если золото убрать из второстепенных мест. Конечно, общая стоимость безделушек уменьшится, но в высшем свете это нередко не считается, особенно на женских безделушек.

Он горделиво и как-то счастливо посмотрел вокруг. Он — Андрей Георгиевич Макурин, святой Божьей милостью, российский министр и действительный тайный советник. И хотя бы простой попаданец XXI века.

Каково, а?

КОНЕЦ ЦИКЛА РОМАНОВ «ПОПАДАНЕЦ XIX ВЕКА»

Больше книг на сайте - Knigoed.net